

АМИТА СКАЙ

ДЕВЯТЬ
ЖИЗНЕЙ
ДО
РАССВЕТА II

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Амита Скай

Девять жизней до рассвета - 2

<https://litres.ru/73791389>

SelfPub; 2026

Аннотация

В лесу глухом, где только волчий вой,
Я заперта меж небом и землей.
На ветках вороньё — не сводит глаз,
Я проживаю жизнь в последний раз.
Опять флешбэк: я совершила грех,
И за спиной звучит твой злобный смех.
Моя ошибка — наш с тобой финал,
Ты из-за этой боли зверем стал.
Дорога, скорость, свет твоих фар,
Внутри — обида и пожар.
Ты гнал меня до самого конца,
Не чувствуя ни боли, ни лица.
Я умерла, а ты не смог простить,
Решил мой клан под корень истребить.
Теперь ты мстишь, сжигая всё дотла,
За то, что я из жизни той ушла.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	43
Глава 6	54
Глава 7	63
Глава 8	73
Глава 9	86
Глава 10	98
Глава 11	109
Глава 12	124
Глава 13	136
Глава 14	147
Глава 15	159
Глава 16	169
Глава 17	179
Глава 18	186
Глава 19	192
Глава 20	207
Глава 21	217
Глава 22	224
Глава 23	234

Амита Скай

Девять жизней до рассвета - 2

Глава 1

Дернув дверь на себя, вытянула ее со скрипом из стены сантиметров на десять. Еще раз дернула, и еще, после этого получилась достаточно широкая щель, чтобы я могла через нее зайти в дом, но стоило засунуть нос в темное помещение, как оттуда потянуло могильной сыростью. Смерд был такой силы, что, отпрянув в сторону, я почти сразу навалилась плечом на дверь, чтобы снова ее закрыть.

Такое ощущение, что там не дом внутри, а колодец черный. Нечто темное и сосущее жизнь скрывалось в его глубине. Что-то, отчего хотелось убежать, и во что не хотелось смотреть. Ощущение кроличьей норы не покидало меня с того дня, как я очнулась в своей избе. Не помню, как я добралась от озера до дома и улеглась спать.

Сны теперь стали муторным кошмаром с одним и тем же сценарием: лес и избы. То рядом стоят, то на расстоянии друг от друга, все похожи друг на друга, как близнецы, но есть и различия. Где-то есть наличники на окнах, а где-то

нет. Где-то окон больше, а где-то одно и то крошечное под потолком, а еще была маленькая изба. Словно игрушечная, стояла среди этих всех и едва доставала мне до плеча.

Увидев ее впервые, мне стало смешно, от того, какой милой она казалась, но потом заглядывать в нее, как и в остальные расхотелось, хотя я знала, все они ждут момента, когда я открою их двери и зайду, но стоило мне на это решиться, как по нервам бил запах сырой могильной земли.

С трудом разлепив глаза, я уставилась на древесный рисунок темного бревна. Тоненький прутик корня, пробравшийся сквозь щели между бревен, дотянулся до моего носа и щекотал его кончик. Захотелось поймать его и выдрать из стены. Как меня это все бесит! Дерево это упрямое, с его корнями мерзкими и моя жизнь. Все эти сны. Волки, печь, печати.

Перебирая в голове, все, что могло меня бесить, я не могла согласиться с тем, что что-то могло вызвать во мне столь сильную ярость. Я с ней засыпала и просыпалась и ничего не могла сделать, потому что рядом со мной, кроме волков никого не было, и те уже от меня шарахались. Я самой себе казалась злобной ведьмой, но ничего не могла с собой поделаться. Когда воспоминания Влады или мои...

Черт возьми, это были мои воспоминания! Мои! Я не хотела с этим соглашаться, но они были мои, а значит, все, что случилось, все, что я видела, происходило со мной. Теперь я еще и злилась на прошлую себя, не желавшую признавать очевидное.

Столько времени потрачено зря, хотя не совсем понятно, что мне с этим нужно было делать, но в любом случае столько сил ушло на сопротивление тому, что теперь стало частью меня. Частью, с которой я продолжала воевать.

Воспоминания о моем прошлом, воскресили старые привычки, старый шаблон, с которым я была не согласна, словно ко мне подселили чужую личность, которой я сопротивлялась, пока в один из дней не обнаружила себя неизвестно где и неизвестно как там оказавшуюся.

Влада злила меня. Упрямая и высокомерная, я чувствовала ее характер в себе и не хотела с ним соглашаться, я не хотела быть как она, я хотела провести между нами черту, и чем больше я ей сопротивлялась, тем сильнее и коварнее она становилась, а стоило мне отвлечься и погрузиться в какие-то воспоминания из моего «реального» прошлого, как к моим чувствам, вызванным ими, примешивалась ее оценка.

Одним из таких событий, стало поначалу безобидное воспоминание суеты первых дней, после рождения Артема. Помимо его милейших пяточек и миленькой макушечки с тонкими волосиками, я вспомнила свое раздражение от того, как навязчиво мама вмешивалась во все, что касалось моего ребенка. Она считала, что знает лучше, как обращаться с младенцем, и помыкала мной как служанкой, проводя с ним больше времени, чем я.

- Служанка! – Влада звонко и пронзительно рассмеялась. – Да ты просто ничтожество. Просто прислуга. Принеси мне

вина!

- Заткнись! – Отвечала я, понимая, что воспоминание или сон, я уже путалась в этих реальностях, рассыпается. Приятное воспоминание оборвалось в том месте, где ко мне подошла мама и что-то сказала, я ей ответила, она повысила голос, и, сцепив зубы, я ушла на кухню, а она осталась нянчиться с моим сыном. – Она хотела как лучше!

- Она хотела как лучше. – Лицо Влады превратилось в деревянную маску, с красными полосками на грубо обработанном дереве. Она крутила ею из стороны в сторону неестественно быстро. От деревянной маски при тряске раздавались раздражающие щелчки. – Она хотела как лучше!

- Заткнись!

- Она хотела как лучше! – Влада крутилась в танце вокруг меня, в своем мерзком черном платье, с блестящими, черными волосами и красными лентами, на которых держалась маска на ее лице. – Она хотела...

- Заткнись! – Я попыталась поймать ее, но ничего не получалось, я просто гонялась за ней, нелепо крутясь вокруг самбй себя.

- Она хотела как лучше! – Настойчиво повторяла Влада, вскидывая руки вверх, крутя головой и опуская их. – Она хотела как лучше! – Она резко обернулась. – Но, лучше не становилось! Становилось хуже!

- Замолчи!

- Как лучше! Как лучше! Как лучше! – Закричала ворона

и взлетев вцепилась когтями в мое лицо, срывая с него маску.

Остолбенев, я застыла. Влады не было. Была я, в черном платье с валяющейся у ног маской, с красными лентами и детской погремушкой. Даже остановившись, я продолжала повторять: «Как лучше. Она хотела как лучше!».

Ярость разбирала меня во сне, и наяву, и я никуда не могла ее выплеснуть. Она словно разъедала кожу. Алекс, лишивший ворон гнезда... я ненавидела его и несмотря на это понимала... Понимала его как никто, потому что я не знала, что мне делать с этой злобой. Хотя возможно, все это было не мое! Это все Влада! Это ее чувства! Это она такая злая! Не я!

Может быть, это подселенец какой-то, а я одержимая, и теперь чужая злоба съедает меня!

- Не я, не я, не я! – Шептала она мне на ухо, обдавая лицо прохладным дыханием ветра. - Это она, она, она!

- Да заткись ты! – Рывкала я в пустоту, пугая уже дерганных волков.

- А я не такая! – Тихо подкравшись ко мне со спины, пока я набирала воду из ручья, шептала она мне на ухо. – Я не такая! Я добрая! Я не такая!

Я буквально чувствовала ее дыхание у своего уха, от него по шее бежали мурашки, а когда резко оборачивалась, чтобы отмахнуться от нее, между ветвей разносился ее ехидный смех и вороний крик.

Вороны меня и злили, и манили одновременно. Хотелось

как Алекс, вскинуть руку и запустить в одну из них стрелу и в то же время хотелось прикоснуться к ним. Я чувствовала непреодолимую тягу к ним, но между ними и мной, была эта проклятая ведьма!

Черная и смеющаяся, нападающая на меня и постоянно с издевкой твердящая: Я добрая, я добрая. Я хорошая!

Я отмахивалась и кричала, пыталась поймать ее, но даже если у меня это и получалось, боль от всех ударов, доставалась мне одной

- А сама то! – Злилась я. – Сама то ты не такая?! Я добрая, а ты трусливая! Испугалась его любви!

Я громко рассмеялась, а она отвесила мне пощечину. Словно два врага мы набрасывались друг на друга с такой яростью, что я у меня все тело ломило от ударов. Обезумевшая, с нечесаными волосами, с ссадинами по всему телу, появившимися оттого, что я дралась с ней во сне и билась об стены и печь, а еще умудрялась царапать саму себя.

Я слышала ее днем и видела ее ночью в своих снах. Словно трикстер, она менялась со мной местами, доводя до крайней точки бешенства, которая достигнув пика, наконец, взорвалась и множеством осколков разлетелась в стороны.

Подкошенная этим взрывом, больше напоминающая чудовище, чем человека, я свалилась у ручья, чувствуя, как по израненной руке бежит прохладная вода, а частицы меня, достигая ворон, впиваются в их тела. Я почувствовала круглые бока планеты. Множество тончайших нитей натянулось,

как только осколки достигли птиц.

Знакомый звон натянутой струны между висками нарастал, мне казалось еще немного и все будет кончено, кто-то моими руками, упрямо подтягивал колки, пока натянутая между висков струна, наконец, не лопнула и я не распахнула множество вороньих глаз одновременно, смотря через них на мир, в который пришла.

Обширный. Он раскинулся на миллионы миль вокруг, словно огромные птичьи крылья распахнулись и обхватили землю.

Боясь шелохнуться, ослепшими человеческими глазами, я смотрела вверх, видя множество картин одновременно. Разные люди, разные города, парящие над ними птицы. Со-всем другой мир. Оказывается, за пределами этого проклятого леса, все же есть жизнь, люди и культуры.

Девушки в ярких платьях, кружились в танцах, им подпевали укутанные в мех северянки, и все они обернулись на меня, как только птицы вспорхнули и с криком поднялись вверх, стягиваясь со всех концов света ко мне. По мере их приближения я видела земли, раскинувшиеся вокруг леса. Дома людей, вскинувших голову вверх и с тревогой смотрящих на стягивающееся к лесу полчище ворон.

Первым меня достиг их оглушающий крик, а потом уже небо заволокло черной тучей, от которой на некоторое время стало темно как ночью, пока вся эта ночная тьма не осела на ветвях деревьев. Их было чудовищно много, и все они

смотрели на раскинувшуюся на земле сумасшедшую.

Спутанные черные волосы, грязная льняная рубаха выше разбитых колен, поцарапанное лицо и смотрящие вверх, черные вороньи глаза, на неподвижном, залитом слезами лице. Я смотрела на себя их глазами и не верила, что это я, что это не она. То же лицо, те же волосы, тонкие щиколотки и изящные пальцы. Чтобы стать окончательно ею, не хватало только черного платья, но если бы только лишь в платье было дело.

Девять жизней до рассвета

Глава 2

Как только все вороньи запасы этой планеты слетелись в лес, жизнь моя изменилась, но не в том смысле, в котором я хотела бы. Все оказалось проще и прозаичнее. Как только все окружающие деревья облепило воронье, а кто не поместился на деревьях, летал вокруг, то они просто взяли и обосрали всё и всех: меня, волков, дом и лужайку перед домом. Такое чувство, что специально копили и терпели, пока до нас не долетели.

Волки пытались оказать сопротивление, но проиграли эту битву почти сразу и в панике ломанулись ко мне в дом, обтерев своей обосранной шкурой мне еще и стены. В итоге лес вокруг дома превратился в вороний туалет. Мне казалось, что я вот-вот взорвусь как лампочка от гнева, но не давая мне сосредоточиться на чем-то одном, гнев сменял истеричный смех и я хохотала как умалишенная, особенно когда пришла волчица, такая же обосранная как и мы.

От ее былой величественности не осталось ни следа. Вороны унизили нас всех, ничего для этого фактически не делая. Волков было жаль, но поместиться все вместе под крышей моего дома мы не могли, поэтому я вытолкнула всех, разрешив только волчице остаться, но та как египетский сфинкс заняла все свободное пространство, воняя вороньими фекалиями и срыгивая при попытке вылизать шерсть.

- Улетайте! Летите! – Прикрыв макушку тарелкой, найденной в одной из изб, чтобы мне хотя бы макушку не обстреляли, я махала руками как волшебница, словно бы они щас вот возьмут прям и разлетятся по мановению моей руки. В итоге пришлось снова бежать к ручью и умываться...

Ехидный смех Влады я слышала где-то на периферии сознания и нагревалась от раздражения. Сонастроиться с воронами не выходило. Я то смотрела на себя их глазами, то одним глазом на себя, другим на них, в итоге все этим попытки заканчивались головной болью и толку не было никакого.

Вороны летали вокруг и вили гнезда. В какой-то момент они перестали гадить вокруг и я поняла, что местом своего туалета они выбрали область вокруг бани и дальше к полю брани, где от тел воинов, благодаря корням, остались одни воспоминания. Вокруг дома же теперь все деревья были в гнездах.

Не зная, что со всем этим делать, я как смогла, заточила топор и решила сделать навес у дома, ну или веранду. Баней нормально пользоваться теперь не получалось, поэтому вытащив колышки из земли я перетасила их ближе к дому и воткнула в землю. Они оказались не такими большими как мне были нужны, поэтому пришлось использовать их для навеса, а для балок, которые будут держать всю эту конструкцию на определенной высоте, пришлось рубить молодые деревья, благо теперь я припрягала волков и те таскали эти молодые деревца для меня.

Работа над верандой, помогла немного переключиться и успокоиться. Как только навес был готов, под него забились волки. Бедолаг пришлось водить до озера и там купать, а потом вычесывать. Вороны порезвившись прекратили нас так интенсивно «атаковать», но взаимопонимания у меня с ними не было никакого.

Обозлившись, мы с волками, надолго уходили из дома и блуждали по лесу, ходя одними и теми же тропами. Конечно, пернатое сопровождение волочилось за нами, но не в таком количестве, которое разместилось вокруг дома.

Периодически на таких прогулках я находила что-то полезное. Например, недавно нашла чей-то шлем. К счастью головы владельца в нем не было и тот не плохо держал воду. В итоге славный шлем, стал у меня славной кастрюлей.

Головной убор был серебряным и тяжелым, внутри остались ошметки подклада, но я все оттуда выдернула и помыла. Варя в нем суп из черемши, я приправила его чувством собственного самодовольства от своей оригинальной идеи.

Еще я находила стрелы, но что с ними было делать, не понятно, но мне нравились наконечники и я их собирала. Не знаю для чего.

В один из дней, блуждая вместе с волками вдоль ручья, мы ушли дальше чем обычно и набрали на склон, где ручей превращался фактически в водопад, который заполнял небольшие естественные ванны, при виде которых я не иначе как на крыльях слетела со спины волчицы.

Каменные глыбы, за многие века размыла вода и кое где образовались углубления способные вместить человека. Место было опасное, если поскользнуться, то до земли лететь метров пять, собирая удары от выступов, но если спускаться осторожно, то вполне можно было добраться до земли, но мне это было не зачем делать, добравшись до самого комфортного углубления, я быстренько стянула с себя одежду и забралась в воду.

Рядом приземлилась ворона, но я от нее отмахнулась и она, отпрыгнув села чуть подальше. Расслабившись в теплой воде, я не заметила, что разглядываю сама себя со стороны. Узкие ступни и тонкие щиколотки, аккуратные коленки и обнаженную грудь, проступающие сквозь воду темные соски, плечи, острые ключицы и лицо. Я настолько не заметила, как переключилась на ворону, что шарахнуло меня осознанием, что именно происходит, только тогда, когда я увидела такие же черные как у Влады глаза на своем лице.

Испугавшись, я подпрыгнула на месте и наклонившись попыталась разглядеть свое лицо в расходящейся кругами воде. Когда рябь немного улеглась, я успокоилась, увидев человеческие глаза на своем лице.

Ворона сидела на месте и продолжала смотреть на меня. Спустившись под воду, так что над водой остался только нос и глаза, я тоже смотрела на нее и думала о том, что в краткий миг перед тем как я поняла, что это мои глаза заволкло чернотой, мне показалось, что я разглядываю Владу.

Я продолжала считать ее чем-то отдельным от себя, хотя с каждым днем все больше чувствовала, что мое нынешнее Я, это ее продолжение. Тем не менее интегрировать ее в себя мне было трудно и в голове вертелась мысль о корабле Тесея.

Согласно мифу, корабль, на котором Тесей вернулся с Крита после победы над Минотавром, афиняне хранили в порту долгие годы. Чтобы корабль не сгнил, они постепенно заменяли старые доски новыми. Суть парадокса в том, что в какой-то момент все исходные части корабля оказываются заменены. Возникает вопрос: является ли это судно тем же самым кораблем (кораблем Тесея) или уже совершенно новым? А если бы из старых досок собрали второй корабль, то какой из них был бы настоящим?

Я чувствовала себя кораблем Тесея, а Владу его прежней версией, но попытка разделить нас вызывала стойкое внутреннее сопротивление, в итоге сидя в теплой воде, которая к вечеру нагревалась сильнее, я не могла найти ответ, кто она, кто я и где начинаюсь я и заканчивается она? Мне не нравилась она, я не нравилась ей, но как можно не нравиться самой себе?

По итогу все эти размышления не давали ничего кроме усталости от неизменного тупика в который я упиралась и раздражения, потому не став углубляться в кроличью нору размышлений слишком глубоко, я расслабилась, чувствуя как волосы в воде ласкают тело и оставаясь на грани сна и дремы, подавляя сопротивление не заснувшего разума, по-

чувствовала как медленно сознание переключается на чужие глаза.

Легко, словно освободившись от тяжелого доспеха, я впорхнула в птичье нутро, ощущая ее непривычное для меня строение тела и тесня уступающее мне сознание. Самостоятельно увидеть себя ее глазами оказалось не просто, но прорвавшись сквозь мглу восприятия, я снова увидела себя со стороны. В этот раз мои глаза были закрыты, так словно я сплю, но я знала, что это не сон. Сердце сильнее забилося в груди и я заволновалась, немножко паникуя от того, что делаю это фактически осознанно.

Птица сорвалась с места и полетела, но, не справившись с волнением, я вернулась в свое тело, чувствуя, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Постепенно паника улеглась и я не заметила, как наступила ночь.

Горячая вода превратила мое тело в разваренный капустный лист. Не хотелось надевать на себя грязную одежду и забираться на линяющих волков, но и на своих двоих добираться до дома, было лень да и дорогу я без них все равно не найду, потому пришлось и одеться и на волка забраться.

По дороге домой, я прокручивала в голове ощущения от случившегося. Никакого сопротивления со стороны животного, скорее моя собственная паника, помешавшая мне, но что бы я тут не видела, я все равно с трудом могла поверить, что такое может быть в реальности. Даже если эта реальность сумасшедшая.

Дома, забравшись в постель и заснув, я словно разделась. Освободившись от тела как от пут, я пол ночи летала с воронами по лесу. Стая так громко и восторженно кричала, что я, точнее мое тело от этого крика начало просыпаться, пришлось радоваться подальше от дома.

Мы облетели все окрестности, я явно что-то увидела, что привело меня в восторг, но проснувшись я не смогла вспомнить что именно, потому что по привычке начала спорить сама с собой, доказывая себе, что это был просто сон.

Глава 3

Меня беспокоило то, что я никак не могла вспомнить, что вызвало у меня такую радость во сне. Что я такого увидела в нем. Сколько бы я ни ломала голову, извлечь воспоминание из памяти не выходило. Единственное, что отпечаталось в памяти ощущение свободы и восторг полета, смутные образы леса и поля где-то далеко за ним, но больше ничего.

Я даже попыталась как-то втиснуться в сознание вороны, но ничего не вышло, только голова разболелась. Во сне моя логика не сопротивлялась интуиции и все получалось легко и естественно, в реальности же вороны продолжали гадить, где зря, орать и нападать на волков.

Регулярные стычки стали почти привычными, хотя волки при всей своей силе, уступали птицам в количестве, при этом когда один из мохнатых всё-таки поймал ворону, ор поднялся такой, что мне, расталкивая птиц руками, пришлось бежать в эпицентр побоища, где черная туча, едва не разодрала огромного волка на атомы и отгонять их от него, а потом выколупывать у того из пасти вороньего недоросля.

В моих воспоминаниях, перешедших от Влады в наследство, почти ничего не было о таком поведении ворон, но чем дольше мы жили бок о бок, тем больше я понимала какие это агрессивные и умные твари, очень злопамятные и ехидные. Как с ними управлялась Влада, я не понимала.

Ей, насколько я помню, они какого-то дискомфорта не доставляли, возможно, потому, что их народ жил бок о бок с этими существами веками, мне же с волками приходилось лихо.

Ко всему прочему, я вскоре поняла, что вороны ревнуют. В один из дней я решила завалиться спать с волками на берегу озера, в привычном уже для нас мохнатом гнезде. У меня был волк, который служил подушкой, потому что у него был самый мягкий бочок, а еще волк, на которого я забрасывала ногу, на меня тоже кто-то пристраивал мохнатую голову и лапу, и так мы спали до утра.

Иногда к нам присоединялась волчица, но в тот злополучный вечер, когда мне стало лень идти до избы, и мы улеглись спать, на уже привычный вороний галдеж, слетелись все кто ошивался вокруг избы, и все они пришли в какое-то поначалу необъяснимое для меня буйство.

Я не могла понять, что происходит, пока некоторые из ворон не начали подлетать ближе и пытаться цапнуть волков, а те щелкали пастью, пытаясь поймать пернатых за хвост. Некоторые даже не подлетали, а подбегали по песку, цапая рычащих волков за бока. В итоге те вскочили на лапы, обороняясь, а я, не понимая, что происходит, пыталась отмахнуться от ворон и задать тем вопросы, ответом на которые стал фекальный обстрел.

Я не знаю, скорее всего, дерево являлось сакральным местом, как и озеро, но смывая вороньи плюхи с волос, в свя-

ценных, вероятно, водах, я, не сдерживаясь, вспоминала все ругательства, которые знала сама и которыми был удивительно полон лексикон Влады.

Если раньше я отмывалась от волчьей шерсти, теперь еще и вороньи катапульты прибавились, во жизнь! Где магия? Где Хогвартс, в конце концов?! Где волшебная палочка, скатерть-самобранка и полеты на метле?!

Почему я должна едва ли не каждый день смывать воронье дерьмо с волос?! Я их и так с трудом расчесываю! Всегда мечтала о густой шевелюре и наконец, получив ее, не могу ее расчесать, а волос ко всему прочему еще и очень чувствительный.

Свои вопросы я, конечно, озвучила воронам, вместе с оскорблениями, и пришлось снова мыть голову. Теперь я ходила в платочке из разодранной юбки и периодически опускалась до того, чтобы показывать ничего не понимающим птицам неприличные знаки руками. Поначалу мне было неловко, но очень недолго. К концу пребывания здесь, а я на него всё-таки надеюсь, я окончательно превращусь в типичную ведьму из сказки.

Несмотря на разногласия, я продолжала попытки как-то состыковаться с воронами, потому что периодически, в совершенно случайные моменты видела саму себя или волков, или какую-то часть леса их глазами, но все это происходило спонтанно и неожиданно.

Когда же я пыталась сама как-то интегрироваться в их со-

знание, это заканчивалось исключительно головной болью и раздражением, а недавно даже кровь из носа пошла. В итоге я бросила эти попытки и окунулась в рутину, по благоустройству дома и территории перед домом, используя для этого все, что находила и старые дома, еще не полностью проглоченные корнями, и камни, и красивую, плюс полезную местную растительность.

После событий в тронном зале я отходила несколько дней, мучаясь кошмарами и головной болью, я снова оказалась в лесу, наедине с собой, волками и ревнивыми воронами. Скучную, но успокаивающую рутину бытовой жизни, разбавляли воспоминания Влады, в которых я ковырялась как в чулане, проводя параллели ее жизни и своей. В них были совпадения.

Она, как и я, любила отца, чем-то ее отец в воспоминаниях был похож на моего. Возможно. А возможно, то шуточки разума, накладывающие один образ на другой. Я ни в чем не могла быть уверена. Закрывая глаза, я спускалась по канатной лестнице куда-то вглубь себя и ковырялась там в темноте, в припыленных временем артефактах, извлекая на свет то одну, то другую побрякушку, к которой было привязано воспоминание.

В лесу, наедине с маленькой дочерью, король ворон становился просто папой. Брал маленькую Владу на плечи и сбросив всякие нормы этикета, распахнув руки словно крылья, носился с ней по лесу, под ее пронзительный визг, а потом

кормил ворон тем, что они взяли с собой на прогулку.

Вспомнив об этом, я тоже начала подкармливать птиц. После того как волки притаскивали очередную тушку какой-нибудь зверушки, я делилась с воронами. К счастью, мне самой было нужно совсем чуть-чуть, максимум на бульон и то не всегда. Мяса я с лихвой зимой наелась, теперь от него воротило, но волки все равно несли свою добычу, и теперь я ту делила еще и с воронами. Вызывая негодование у волков, но потом до меня дошло, что если не просто брать то, что они принесли, а еще и похвалить их, то те довольные собой не злятся на то, что я подкармливаю ворон.

Удивительно, но я ни разу не сказала волкам спасибо, хотя, возможно, и говорила вскользь, когда в целом привыкла к ним, но моя благодарность не была чем-то особенным, чтобы они ее запомнили, но если похвалить их от души, те едва ли не подпрыгивали от радости. Постепенно волки стали приносить дичь крупнее, чем раньше. Раньше мне и одного зайца за глаза хватало на несколько дней, теперь же с ордой птиц его было мало, и волки тащили больше добычи.

Когда я это заметила, а до меня не сразу дошло, почему они стали притаскивать более крупную дичь, с которой было больше возни, я поняла, что они это делают для ворон, очевидно, я одна такой объем съесть не могла. Постепенно количество стычек стало сокращаться, и если бы не ревность ко мне, вовсе сошли бы на нет. Я наблюдала за животными, поражаясь, как быстро они договорились. Людям явно есть

чему поучить у животных.

Позже я поняла, что они еще и охотиться стали вместе. Вороны находили больную дичь или ту, что была поблизости, и зазывали волков, те теперь подрывались на вороний крик совершенно неожиданно и потом неслись куда-то, откуда приволакивали какого-нибудь монстра. Когда они притащили мне еще живого, малость придушенного медведя и тот дернулся, я взлетела на крышу без крыльев, на одной только звуковой волне и оттуда попросила их, не очень вежливо, есть свою добычу где-нибудь подальше от моего дома!

С тех пор мне притаскивали зайца, и большая часть вороньей тучи, носилась за волками, подальше от моего дома, давая мне перерыв от своего галдежа, пока в один из дней волк не угодил в ржавый капкан.

Глава 4

О том, что что-то случилось, я поняла до того, как лес разорвал вороний крик и множеством вороних глаз я увидела бьющегося в ржавом капкане волка.

Необъяснимая тревога мучила меня с самого утра, а когда волки ушли на охоту, я не могла найти себе места и задавала себе один и тот же дурацкий, надоедливый вопрос, звучащий в полной тишине сознания, из которого исчезли разом вообще все мысли:

«Ну, ты чего, Саш? Ты чего?» – Спрашивала я саму себя, не понимая, что со мной происходит. В голове не было ни одной мысли, кроме этой. Белый лист. Сияющий в пустоте. Меня потряхивало, и единственное, что крутилось в голове это вопрос, на который у меня не было ответа, пока резко не заломило левую руку от запястья к локтю.

После резкой вспышки боли, от которой замерцали белые мушки в глазах, раздался оглушающий крик ворон. Когда орет такая орава, это сбивает с ног. Пришлось открыть рот, чтобы мне не разорвало барабанные перепонки и голова не треснула словно орех.

Меня приложило такой волной, от которой я свалилась на колени возле ручья и прежде чем упасть в него лицом и поцарапать лоб о камни в воде, я распахнула множество черных глаз и потерялась в чудовищном объеме обозримого те-

перь пространства.

Я впервые почувствовала приблизительный масштаб леса, и он оказался чудовищных размеров. И это была даже не вся его часть. Если бы лес был вороной, то одно его крыло опаляло солнце, другой сковывал холод. И весь этот живой организм был сконцентрирован на бьющемся в силках волке.

Не знаю, шок это был или я просто чувствовала ворон лучше, чем себя, но я не заметила, как добралась до волка. Я вообще не поняла, что иду к нему. Когда рядом с волком появился человек, я испугалась, не поняв, кто это, и только подлетев поближе, в незнакомом лице, не сразу признала саму себя.

Черные, как у Влады стеклянные глаза смотрели перед собой. Равнодушное, пустое лицо, залитое кровью из раны на лбу. Падая с подбородка, та растекалась по груди и впитывалась в тунику, что-то текло по шее, заползая под воротник.

Мокрые черные волосы, словно древесные корни облепили лицо, шею и плечи. На мгновение мне стало жутко от нее, пока я в этом ком-то не узнала себя. Пришлось искать себя среди ворон, смотрящих сотнями глаз на меня одну, и искать себя среди них, тогда как я была в каждой из них.

Вернуться помогла паника. Сердце лихорадочно забилось в груди, и я вернулась обратно, ощутив, что меня сковало словно в камне. Я свалилась в ступор и странное онемение, все мысли словно ветром рассеяло, и я оказалась в сияющей пустоте отсутствия мыслей, из которой меня вывел тихий,

полный боли голос волка. Мне показалось, что я услышала его человеческий голос, внутри собственной головы и не сразу отличила его от своего. «Помоги мне! Помоги! Помоги!» — звал он меня в охватившей меня пустоте.

Двигаясь за его голосом, как за нитью Ариадны, я смогла вернуться к себе и справиться с оцепенением. Вытерев слезы от крови глаза, тыльной стороной запястья, посмотрела на волка и засомневалась, что это он звал меня. Обезумевшие от боли, злые глаза и ощеренная пасть.

Попытка подойти, провалилась. Он бросился на меня, едва я сунулась к нему. «Тише, тише... Успокойся» — шептала я, но только моя реакция спасла мою шею от его сомкнувшихся в миллиметре от нее зубов.

Нужно было как-то обезвредить волка, потому что боль ослепляла его и делала опасным. Мне нужна была веревка, чтобы связать ему пасть, иначе он цапнет меня, даже не желая этого, просто потому что больно. Фантом его боли сводил мышцы моей руки, не хотелось думать, что чувствует он. Несмотря на жалость, я чувствовала, как во мне разгорается гнев.

Лихорадочно перебирая в уме, все тряпки, которые есть на мне и что есть дома, я искала, что-то подходящее, какой-то прочный ремешок, который еще нужно будет как-то обвязать вокруг его морды. В какой-то момент я хотела, стянув с себя свою окровавленную тунику, но он бы разделался с ней за секунду, эти волки медведя завалить могли, моя ту-

ника из тонкой ткани не удержит волка размером с лошадь. Нужен был либо прочный ремень, либо цепь, и пока я перебирала в уме, где их найти, рядом со мной упала прочная шлейка. Вороны принесли.

Не знаю, где они ее нашли и для чего она предназначалась, но на ней был крепкий металлический крючок и петля. Я не была уверена, что она справится с волком, и не одна я, вскоре несколько ворон приволокли цепь, которой едва не пробили мне макушку.

Ржавая, но не тяжелая, она подходила лучше, но вот как ее закрепить и завязать? Для начала стоило сделать так, чтобы он не мог сомкнуть свои зубы, предстоит пропихнуть цепь между зубов, а потом, когда он не сможет сомкнуть челюсти для укуса, зафиксировать цепь. Обвязать пасть не выйдет, мне нужно было действовать быстро, а пока я буду обматывать его огромную пасть, да еще и пытаться ее как-то сжать, так чтоб стянуть цепью, он меня к этому времени не то что сожрет, уже, скорее всего, переварит.

Перехватив цепь поудобнее, я отошла от него так, чтобы он не мог на меня наброситься, и принялась кружить вокруг него, помахивая концом цепи. Он крутился вокруг своей оси, то бросаясь ко мне, то возвращаясь к пойманной в тиски лапе, но он не подпускал меня, пока ко мне не присоединилась сначала волчица, а потом и вся оставшаяся стая, закружившая вокруг него. Волки то обгоняли меня, то прикрывали меня собой, отвлекая внимание.

В голове мольбы о помощи сменялись бессвязным криком. Его боль и ярость туманили разум не только ему, но и мне. Маховик закручивался, набирая скорость, к нему присоединились птицы, и в какой-то момент происходящее стало походить на охоту. Я потерялась в его чувствах и едва не ослепла, когда я поняла, что время уходит, а я до сих пор не нашла подходящего момента, чтобы подойти к нему, я просто вытолкнула себя к нему, бросаясь к его распахнутой пасти и заталкивая туда цепь.

Авантюра несмотря на весь абсурд увенчалась успехом, потому что он едва не подавился цепью и моей рукой, это дало мне несколько мгновений, чтобы перекинуть цепь ему за затылок, но затянуть ее я не смогла, удалось только перехватить концы и когда он мотнул головой, пытаясь сбросить меня, я повисла на его шее, стараясь не дать ему, выплюнуть цепь.

В тот момент все смешалось в единую кучу. Кружащие вокруг волки, бросились к нам, чтобы он не придавил меня своим телом и не разодрал, а я, болтаясь на нем, пыталась подтянуться выше, чтобы обмотать его пасть и голову цепью.

Руки дрожали от усталости, и цепь соскальзывала с морды, я почувствовала, что выбиваюсь из сил и вот-вот свалюсь с него, и он меня либо задерет, либо отбежит и больше не подпустит вообще. Разозлившись, я рывкнула: «Уймись!», но он меня даже не услышал, когда в возне со мной и другими волками, представился момент, я перехватила два конца

цепи одной рукой и, размахнувшись, ударила его по морде. Вложив в удар всю свою злость и усталость.

- Скотина! Уймись, полудурок! – Пришлось врезать ему еще несколько раз и один раз вцепиться пальцами в шерсть, в попытке выдрать. Он перевел на меня свой желтый глаз, который на таком близком расстоянии казался особенно большим. Обвив его тело своими конечностями, я прижималась вплотную к нему и висела фактически на его шее, держась за цепь и шерсть.

Приблизившись к нему вплотную, обливаясь потом и едва держась на нем, я прошипела ему самое честное свое обещание. В тот момент я действительно думала, что так и сделаю, если он не прекратит бесноваться: «Если ты сейчас не уймешься, я тебе глаза выдавлю. Понял?» и, судя по всему, он мне поверил, потому что прекратил метаться и настороженно посмотрел на меня.

Когда нет времени пудрить себе мозги логикой, все происходит быстро и правильно. Не трата времени на раздумья и продолжая ему расписывать, что я с ним сделаю, если он шелохнется, я обмотала его голову цепью. Причем с первого раза не вышло хорошо ее зафиксировать и мне пришлось снова переделывать, я, наконец, крепко затянула шлейку за ушами и сползла на землю. По лицу тек пот, окрашенный запекшейся кровью, я разодрала себе еще и коленку. Руки мелко дрожали, но волк с перевязанной мордой сидел рядом и больше не пытался напасть.

Оглянувшись, я посмотрела на волка, чья морда выглядела настолько нелепо, что стало смешно, хотя ситуация совершенно не располагала к веселью, но то, что мы ему намотали на голову, смотрелось комично. Под цепью застрял кусок моей туники, которая была разодрана в клочья, там же были какие-то ветки, и в целом и он, и я все были в грязи, потому что он не раз протащил меня по земле.

- Ну, только что вороны на тебя не насрали. – Прокомментировала я и рассмеялась.

Мой неуместный смех показался нелепым, но после него могильная тишина, наконец, сгинула и в лес вернулись звуки. Вороны загалдели, зашумела от ветра листва, и мир с облегчением задышал, а я, отсмеявшись, сбросила львиный кусок напряжения.

С трудом поднявшись на ноги, я ушла к ручью, сказав волку, что прикончу его, если он попытается снять с себя цепь. Не знаю, понял он или нет, но когда, смыв с себя в ручье всю грязь и промыв раны, я вернулась к мохнатой бедолаге, цепь была на месте, а он посмотрел на меня обиженными глазами. В них была и боль, и страх, но ужаса больше не было. После всей этой возни нас всех немного отпустило, но ненадолго. Впереди был самый трудный бой. Предстояло как-то расцепить здоровенный капкан.

- Заткнись! – Рывкнула я зло на него, когда подошла к капкану, и он зарычал. Размахнулась и снова врезала ему по голове. Чтобы он боялся меня больше, чем капкан. – Заткнись!

– Прошипела я, дергая его за цепь на морде и подтягивая ближе к своему лицу. - Понял меня?! – Я снова вытащила из себя худшую часть своей натуры, лучше которой никто не справлялся с грязной и сложной работой. – Только попробуй мне дернуться, мерзкая дрянь, я тебя сама прикончу!

Волк заскулил, отвел глаза и попытался отвернуться. Дернув раз его за цепь, я выпустила ту из рук, и больше он не дергался. И на меня тоже больше не смотрел. Поднявшись на ноги, я ушла искать подходящие палки и прежде чем нашла, обнаружила еще один капкан.

Пришлось потратить одну из найденных, крепких палок на то, чтобы замкнуть капкан. От удара широкое древко треснуло, но не переломилось. Не хотелось думать, что сейчас происходит с лапой волка, но я уже начинала накаляться.

Как только я с палками приблизилась к волку, тот занервничал, но не вскочил. Я понимала, что времени у меня мало, он истекал кровью, и его испуг передо мной рассеивался так же быстро, как и мои надежды с первого раза разомкнуть капкан.

Битва с железными тисками, вытянула из меня все силы, а чудовищная рана лишала надежды, на то, что все это еще можно будет исправить без серьезных последствий, но кость была цела и, снова рывкнув на волка, я всем весом навалилась на втиснутые меж зубьев палки. От усилий, на грани моих возможностей, подскочило давление и набатом колокол забился в висках, но я, наконец, смогла разомкнуть стальные

челюсти ловушки достаточно широко, чтобы волк высвободил лапу.

Свалившись на землю рядом с ловушкой и загнано дыша, я смотрела в прозрачную синеву неба и не верила, что мне удалось освободить его и он не перегрыз мне горло, пока я висела на нем. Перемотав пленку воспоминаний, я взялась выстраивать алгоритм действий с лапой волка, на самом деле самое сложное еще впереди.

Нужна зола, горячая вода, чистые тряпки, веревки для шины и...для...прикрыв глаза, рвано выдохнула, нужно было наложить шину, перебинтовать лапу. Нужно было встать и дойти до дома. Не дать волку далеко убежать, но руки дрожали от напряжения, поэтому я просто лежала и смотрела в небо, переключаясь то на свои глаза, то на вороны.

Посмотрев на себя, валяющуюся со стороны, я подумала, как нелепо выгляжу: из-под разодранной туники торчала обнаженная грудь. Шея в крови. Лицо я хоть и умыла, но на шее осталась кровь, но даже без нее я была вся в грязи и кровь на коленке, из раны которую я промыла, не остановилась, нога до ступни была в красных, размазанных потеках. А еще глазами ворон я увидела еще один капкан. В него едва не наступила волчица.

Собрав себя в кулак, я поднялась на ноги и взяв одну из палок, которые негодились и воткнула в капкан, заставляя тот захлопнуться. Сходив до ручья и приведя себя в какое-то подобие порядка, мне показалось, что я знаю, где еще

Один капкан.

Нужно было возвращаться к волку, но любопытство тянуло меня проверить догадку, и я обнаружила еще три ржавых капкана, в одном из которых уже была чья-то отгрызенная лапа. Так, шаг за шагом я шла и чувствовала помимо гнева, на тех, кто это сделал, что я близка к чему-то. Где-то должны быть люди, раз тут капканы.

И действительно... спустя минут десять, я вышла к окраине деревни, которая, вероятно, когда-то не была частью леса, но теперь ветхие крыши пронзали деревья, а из разбитых окон, торчали кривые ветки кустов. Все тропинки и дорожки утонули в высокой траве и колючих кустах, оплетавших собой, всю деревню, превратившуюся в памятник былому.

Смотря на дома мне казалось, что я их уже где-то видела, одна картинка накладывалась на другую, пока изморозью по коже, до меня не дошло, что это та самая деревня, в которой ведьма спасла волчонка из клетки у наемника.

Стало не по себе. Холодок пробежал по спине. Знакомые улицы, я помнила их живые закоулки из того сна, теперь я с трудом нашла бы проложенные когда-то повозкам дороги. Обернувшись, я посмотрела в ту сторону, где когда-то был базар, но о нем напоминали лишь несколько не обвалившихся, но выгоревших на солнце, деревянных крыш над лотками.

Сцепив зубы и кулаки, я заставила себя отвернуться и запрыгнуть на спину к подошедшей волчице. Можно было с

помощью ворон облететь деревню и рассмотреть ее получше, но почему-то я не хотела этого делать. Пора было возвращаться к волку. Впереди нас ждала и без того непростая ночь.

Глава 5

Трусливый поганец, вероятно, хотел сбежать и где-то спрятаться, но его стая не дала ему уйти далеко и окусывающегося пригнала к дому, где тот, как только увидел меня, предпринял еще одну отчаянную попытку дезертирства.

- Боишься? – Спросила я, проходя мимо него. – Правильно делаешь. Только меня тут и стоит бояться.

Зайдя в дом, обвела свое убогое жилище глазами и поняла, что ничего тут не найду, чтобы скрутить эту махину и обездвигнуть. А если я этого не сделаю, он не даст нормально обработать ему рану.

Чтобы обездвигнуть такого здоровенного лося, мне нужна цепь, длинная и прочная, или ремни, а у меня был только один и тот едва живой. Если бы кто-то из воинов еще остался в поле, можно было бы попробовать поискать там. Мысль о том, чтобы обшаривать мертвые, сгнившие тела, вызвала тошноту, и я обрадовалась, что их там уже нет, потому что я бы заставила себя сделать это.

Перебирая варианты, я разожгла огонь и, набрав в свою новую «кастрюлю» воды, поставила ту на огонь. Туда же отправились чистые кувшины с водой и широкая чашка, из которой я теперь ела. Горячая вода мне пригодится, и желательнее гораздо больше, чем я имею возможность сейчас нагреть.

Кусая губы, я присматривалась к возможности добраться до замка и найти там цепи, примерно я представляла, где их можно найти, но идти туда и обратно, это полдня, у меня нет столько времени. Оставалась моя одежда. А именно мои единственные крепкие бриджи, которыми можно было попытаться связать волчьи лапы.

Были еще старые штаны тут, в которых я ходила, пока бриджи не нашла, но те едва живые, если он их дернет разок, они разойдутся по швам. В итоге пока я ковырялась в своих жалких пожитках, я действительно разозлилась на своего мохнатого пациента.

- Иди сюда! – Рыкнула я, открыв дверь.

Бедолага, поджав хвост и уши, попытался снова дать заднюю, но я, уже решившая пожертвовать свои драгоценные бриджи, домчалась до него, схватила его за цепь на морде и поволокла к избе. Хромая, он плелся за мной и тихо скулил. Я и злилась, и боялась за него и переживала, что у меня ничего не получится. Я знала, только примерный алгоритм действий, но не была уверена, что все получится.

Притащив волка к двери, я заставила его сесть под навес. Нарычала на него, угрожая ему расправой, если он двинется с места, и снова ушла в дом. Вообще, я хотела вызвериться на него сильнее, за все свои страхи и за бриджи, которым замену я сейчас наврядли найду, но увидев эту печальную, опутанную цепями морду, сердце сжалось.

Пока я ковырялась в печи, выгребая в чашку золу, по-

ка искала подходящую чистую ткань, вороны приволокли огромную цепь, и гадины черные, специально уронили ее на навес у двери, так что цепь пробила крышу, под которой мы с волками от них прятались. Когда я выскочила из дома и увидела цепь, я не знала, орать мне на них или благодарить.

Волк, быстро смекнувший, что к чему, попытался сбежать, но мне даже не пришлось его ловить, на него набросились вороны, и ему удалось, только кружок вокруг дома сделать, и он сам пришел ко мне, пряча свою мохнатую задницу от птиц.

- Помощнички мои. – Ласково протянула я, погладив одну из птиц и только развернувшись к волку, забившемуся в угол между печью и стеной, поняла, как легко и естественно я коснулась её. У меня такого не было даже с тем дряхлым вороном, которого я давно, кстати, не видела.

Ну а дальше, перехватив цепь, я вытащила из себя, худшую свою часть и припугнула волка так, что тот почти не сопротивлялся, пока я выуживала его из его укрытия и фиксировала его цепью, к балке в стене. Небольшой зазор, из которого я вытащила очередной, заползший внутрь корень, был как раз того размера, который позволял протащить через него цепь. С другой стороны стены в одно из звеньев, я просунула кочергу, чтобы он не выдернул цепь.

Но по итогу всего этого оказалось мало. Пришлось достать и бриджи, и старые штаны, но он был слишком большой и сильный, чтобы легко с ним справиться. Я попыталась

закрыть ему глаза, намотав на морду кусок ткани от юбки, но мера эта была бесполезной, потому что когда я смочила тряпку горячей водой и, приложила ту к развороченной капканом лапе, он взвился и задергался так, что едва не разломал стену, к которой был привязан за цепь. Я поняла, что к концу обработки раны, он разнесет мне всю избу.

Тащить его на улицу я не хотела, потому что не знала, к чему его там привязывать, там ему легче чем в избе будет сбежать от меня, и я уже пока фиксировала его в избе, устала. Повторение этой процедуры мне виделось в кошмаре, а самое сложное было еще впереди.

- Ах, ты дрянь! – Размахнувшись, я треснула волку по морде. – Лежи, пока я с тебя шкуру не сняла!

Волк то скулил, то пытался рычать, но все это пока я на него ругалась, когда же раны косалась горячая тряпка, он взвивался и дергался, дом ходил ходуном и с крыши сыпался мелкий мусор, а волк весь клокотал от гнева, и явно только цепь на морде не дала ему сомкнуть челюсти на моем горле.

Я не знаю, сколько прошло времени, в избе появились новые щели, сквозь которые у меня теперь была улучшенная циркуляция воздуха и комаров, а еще точечное освящение, но у меня не было нормально обработанной лапы и сил. Руки мелко дрожали, а с этого лося сил ни на грамм не убавилось. Терпение мое начинало иссякать, но что с ним делать я не знала. Я уже и так на каждое его действие лупила его, но ему мои удары, все равно, что комариный укус. Боль лишала его

всяких авторитетов.

Я даже пыталась ему объяснить, что с ним будет, с его лапой, но все это, конечно, было без толку. Я несколько раз снова ставила греть воду, потому что она остывала, а нужна была именно горячая, пришлось сменить тряпку, потому что самой чистой тряпкой, не сдержавшись, я отмудохала его по морде, в итоге он напугался ровно на пять секунд и, как только я потянулась к его лапе, снова оскалился и зарычал.

Мне казалось, что внутри меня натягивается струна, которая грозила вот-вот лопнуть. Весь дом был похож на побоище, дышавшая на ладан печь треснула по центру и явно планировала снова обвалиться, перевернутый стол валялся в другом углу, лавка тоже, почти все горшки на полу, как и все мои вещи. У меня не осталось ни одной чистой, неиспользованной вещи, кроме еще нескольких тряпок, заготовленных для промывания раны.

Постепенно во мне просыпалась такая ярость, не знакомая и черная, словно стальным металлом все тело охватывающая, что я поймала себя на том, что мне трудно говорить. Челюсти сдавило так, что я слышала скрип собственных зубов.

Вытащив свою кастрюлю с последним запасом горячей воды, которую, если он снова перевернет, придется идти и набирать еще к ручью, я подошла ближе и опустилась на колени. Запихнула в нее чистую тряпку и вытащила.

Он смотрел мне в глаза, своими желтыми углями и вы-

жигал душу изнутри. Вообще, у волков тут не всегда были желтые глаза. Они такими становились ночью, днем же они были светлыми, почти прозрачными. Сейчас же он смотрел куда-то вглубь меня, и мне показалось, что меня затягивает в его глаза. Ослепнув на мгновение, я вскоре увидела, как они бегут за моей красной машиной.

Мое сердце стучало так же быстро, как и его, когда он бежал за мчащимся на огромной скорости автомобилем. В какой-то момент я вскинула морду вверх и увидела, как над нами летят вороны. Их я в тот день не помнила.

Тряхнув головой, я, вытолкнула себя из лабиринта его воспоминаний, но воспользовавшись тем, что он пустил меня в свое сознание, я заполнила его собой. Странное ощущение раздвоенности дезориентировало, но я поняла, что он не шевелится. Слобно сломанный компьютер с накладывающимися друг на друга картинками, которые спустя некоторое время, начали более плавно сменять друг друга. Я то смотрела на себя его глазами, то смотрела на него своими.

Напряжение росло. Я поняла, что у меня осталось, немного времени, прежде чем мои мозги сварятся. Мир становился черно-белым и вязким. Преодолевая сопротивление, я засунула руку с тряпкой в огненную, но терпимую воду, и не обращая внимание на обжигающую боль, выжала ту и, раздвинув края раны, нырнула ею вглубь.

Его боль в лапе стала и моей. Руку начало сводить, а потом та начала мелко дрожать и дергаться, но я не могла поз-

волить себе остановиться, потому что второго шанса у нас могло и не быть. До боли прикусив внутреннюю сторону щеки, я раздвигала пальцами края раны и, заливая лицо слезами, промывала рану, забираясь как можно глубже, чтобы не оставить бактериям ни единого шанса. Если я промахнусь, если рана загноится и останется хоть один плохо обработанный участок, все будет насмарку.

Когда на тряпке после очередной обработки больше не осталось грязи, ткань была чистой, я, наконец, рвано выдохнула и, отложив тряпку, посмотрела на стоящую поодаль чашу с золой. Предстоял самый тяжелый этап...хотелось дать нам обоим время на передышку, но у нас его не было.

Я едва удерживала фокус внимания. Пот струился по лицу, заливая глаза и туника на спине прилипла к коже. Скорее всего, когда я начну обработку золой, мне потребуются все силы, которые у меня остались, чтобы сдержать его, но сил не было, осталось одна надежда и цель.

Времени искать чистую воду у меня не было, а пить очень хотелось, во рту все пересохло, потому отпила от той воды, что осталась в кастрюле. Убрала тыльной стороной ладони волосы со лба и обтерла пот. А потом, повернувшись к волку спиной, так чтобы прижать его, насколько это возможно к стене, уперлась босыми ногами в пол, в небольшую выемку, в просевшем бревне, так чтобы сильнее упереться ногами.

- Господи помоги... - Пробормотала я, набирая в руку золы и ныряя пальцами как можно глубже, потому что потом

он мне не дастся.

Секунду и до него дошла сжигающая живую плоть боль. Словно делая вдох перед прыжком, оглушенный он замер на мгновение, а потом забился с такой силой, что меня едва не отбросило к двери. Пришлось навалиться на него всем телом. Он хрипел и рычал. Попытался броситься на меня, но не смог, я удержала его, нырнув не только в его рану как можно глубже, но и в него самого, и, как только я это сделала, шоковая боль охватила и меня. Причем мне показалось, что не только рука моя горит, а я вся живьем горю.

Руку мгновенно свело так, что запястье согнулось, а кожу запекло, словно кто-то лил на нее кипяток не переставая. Глаза мгновенно заволокло слезами. Захотелось закричать, да так сильно, что я почувствовала, как напрягается шея от рвущегося из груди крика, пришлось открыть рот в беззвучном крике, чтобы пережить разделенный на двоих приступ боли.

Волк подо мной перестал так яростно сопротивляться. Видимо, часть его боли, я взяла на себя, и ему стало легче.

Как только ко мне вернулась способность соображать, я обнаружила, что чашка с золой опрокинута и все рассыпано по полу, но рядом с нами была небольшая горка. Пришлось использовать ее, потому что я не была уверена, что смогу встать на ноги и уж тем более подойти к печи и собрать подходящую золу без лишнего мусора, к тому же наврядли при- тихший волк, предоставит мне еще один шанс, снова сунуть-

ся к нему, как только я отойду.

Взяв щепотку золы, я снова нырнула в рану. Снова ослепляющая вспышка боли, я словно не золу ему туда сыпала, а раскаленный песок в нашу общую рану. По лицу градом тек пот. Я слышала, как в ушах стучит сердце. Слизнув соленый пот с губ, я снова взяла золу. Рубаха на мне была уже вся мокрая, как и волк подо мной весь вспрел и явно устал. В какой-то момент он перестал так остро реагировать, и я почти привыкла к этой боли.

Наконец, мне показалось, что я обработала все, что смогла. Довериться этому ощущению я не могла, потому еще раз проверила все участки раны, все карманы. На мгновение стало страшно, что я что-то забыла... а вдруг? По лицу то ли от усталости, то ли от боли и страха, а, возможно, от всего вместе, снова побежали слезы. Вдруг мой волк умрет? Вдруг я что-то упустила?

Мучая и его, и себя, я собрала, сколько смогла золы и снова нырнула пальцами в рану. Заставляя заплывающие слезами глаза тарашиться в рану и искать необработанные участки. Волк тихо и жалобно завыл, но больше не дергался. За стеной отозвалась стая, и нам обоим стало легче. Я даже подумала, почему мы раньше этого не сделали.

- Все... все, все... я все обработала... слава богу... - Шептала я сама себе и, наверное, волку. - Самое сложное позади. Теперь нужно перебинтовать.

Обтерев лицо рукавом, я снова оглянулась вокруг. Дом

был похож на свалку. Все тряпки валялись, где зря. То, что я приготовила, как бинты, испачкалось и намокло, потому что свалилось с опрокинутого стола. Туника на мне была вся в шерсти и поту. Взгляд нехотя остановился на единственной нетронутой вещи. Самой моей красивой и чистой тунике, висевшей под потолком. Я носила ее редко, потому что берегла, больше всех вещей, которые у меня были. Я постирала ее вчера, и она до сих пор висела на веревке.

У нее были тоненькие рюшки по краю воротника и манжетов, а еще едва заметная вышивка на плечах. Не цветная, белая, и видно ее было, только если стоять рядом и смотреть на плечи. Я любила подолгу разглядывать эту вышивку, гадая, чьих она рук и почему этот кто-то вышил цветы, которые видно только тому, кто близко и тому, кто вглядывается?

Мозг лихорадочно метнулся к юбкам в сундуке и старым штанам, но также лихорадочно отмел их. Прикрыв на мгновение глаза, я собрала волю в кулак, поднялась на ноги, волк сразу вскинул голову.

- Лежи!

Стянув ее с веревки, я дала себе несколько коротких мгновений, а, потом опережая сомнения, разодрала ее на длинные лоскуты. Глаза снова защипало, но сцепив зубы, я задавила это в себе и взяв многострадальную лапу, наконец, перевязала её, ощущая горечь, радость и облегчение одновременно.

Появилось короткое искушение наложить шину попозже,

но я отмела эту малодушную мысль. Нужно довести начатое до конца, благо палки для шины я подготовила заранее и, те валялись возле печи.

С шиной тоже пришлось повозиться, руки дрожали, и у меня все никак не получалось правильно установить шину, хотя волк к этому времени не сопротивлялся и явно собрался спать, но из-за своего желания причинить ему как можно меньше боли, я не сразу установила нормально шину. В итоге, когда я, наконец, это сделала, сил у нас двоих не осталось никаких.

Цепи с его морды я стягивала с таким облегчением, словно с собственного лица их снимала. Дав ему попить из того, что осталось в одной из чашек, я влила в себя остатки из кувшина и не стала больше делать ничего, даже подниматься на ноги не стала, а просто легла рядом с ним, и мы мгновенно отключились, нырнув в сны друг друга. В светлые, светлые сны. С бескрайними полями, где восходит заря и свободно летают птицы, а свежий воздух дрожит в предвкушении нового дня.

Я бежала с ним босыми ногами по зеленой, мягкой траве, и я же бежала с ним, пружиня лапами по земле, а потом птицей металась вокруг него, взмывая вверх и падая вниз. Он скалил пасть и в шутку пытался поймать меня, пока мы не добежали до дерева и не нырнули вдвоем в одну и ту же воду и там, среди корней, наконец, наступил покой, словно мы вернулись в одно на двоих гнездо.

Глава 6

Нужно было встать и проверить лапу, но почему-то не выходило разлепить глаза, а потом, находясь между сном и явью, я почувствовала, что лицо горячее. Температура. Ее я заподозрила еще и потому, что снова хотелось плакать и свернуться клубком. Было плохо.

Возможно, от стресса, организм взбрыкнул и подскочила температура, а с нею слабость и ломота во всем теле, так, словно по мне грузовик проехался. Я то просыпалась, то, балансируя на грани реальности, снова проваливалась в муторный, беспокойный сон.

Глаза я не разлепила, даже когда почувствовала шершавый язык на своем лице, который за раз лизнул меня от щеки до макушки, после него появился сухой теплый нос. Сухой, теплый нос...

Протянув руку, нащупала мохнатую морду, в пространстве рядом с собой и сама уже потрогала нос. Сухой и теплый. Так не должно быть. Пришлось открыть глаза.

На меня смотрели желтые волчьи глаза. Приподнявшись на руках, я села и потрогала свой лоб. Горячий. Тело болело и от пола твердого, достаточно холодного и от температуры. Меня вообще знобило. Хотелось пить и во что-нибудь теплое завернуться и спать, а в идеале сухую чистую простыню, пододеяльник, подушечки и тяжелое одеяло, но, увы, у ме-

ня только шкура медвежья, старые шмотки и хорошая компания.

- Надо лапу твою проверить. – Сказала я поднимаясь и не желая трогать его лапу, у меня совсем не было сил на еще одну потасовку. Озноб лихорадил тело, но лапу нужно проверить и если потребуется еще раз обработать.

Волк всхрапнул, облизался и отвернулся. Распустив развалившуюся косу, заплела ее наспех снова и, ёжась, на деревянных ногах и ватных коленках, дошла до печи. За ней в сундуке нашла одну из старых рубаш, достаточно грязных и поношенных, но плотных за счет грубой ткани из-за чего та была достаточно теплая.

Вообще, я была такая грязная, что мне приходилось прилагать усилия, чтобы меня не передергивало от отвращения к самой себе. Растопила печь, собрала посудины для воды и распахнула дверь, собираясь идти к ручью, но вместо этого застыла на пороге, потому что вся пернато-мохнатая живность сидела у порога и сразу же засунула свои любопытные головы в избу.

Вообще, когда я их увидела, только что проглоченный комок слез, подпрыгнул из груди, обратно в горло. Мне показалось, что у меня здесь все же есть семья. Вот такая странная, дикая, но моя. Я вышла на пороги и обняв подошедшую волчицу, спрятала лицо и слабость в ее теплую белую шерсть.

Кто-то из ворон, приземлился мне на плечо, кто-то взялся драться за место на макушке. Ощущение нелепости про-

исходящего, развеяло тучи в груди. Почесав одной из ворон бочок, согнала остальных и забралась к присевшей волчице на спину. Она довезла меня до ручья, я набрала воду и обратно, вытирая грязным рукавом слезы благодарности и какой-то щемящей нежности к ним ко всем, тоже добралась на ней, едва не облившись той водой, которую везла.

Кто-то из волков забрался в дом и пытался помочь товарищу высвободить лапу из оков.

- Ага, вас о помощи не просили. Помощнички. – Проворчала я, отпихивая волков от их пострадавшего приятеля. – Идите ка вы отседова, пока я вам хвоста не накрутила.

Не все сразу вышли, кое, кто попытался забраться за печь и оттуда, видимо, оказывать моральную поддержку собрату.

- Ну да! Конечно! Для тебя я там чистые тряпки выстирала! Чтобы ты лапами своими грязными по ним прошелся! – Возмутилась я на мохнатого увальня. – А ну брысь, отсюда! Еще печь мне ща разнесешь!

Волки вышли, но не ушли, легли у двери, пристроив головы на пороге. Хотелось продолжать ворчать и сказать им, что им тут не гнездо и не нора, но я прикусила язык, потому что от их присутствия становилось легче.

Разогрев воду и подготовив остатки чистой туники для перевязки, я села рядом с волком. Сердце в груди сжималось от страха, что под повязкой все будет плохо. Стало так неожиданно страшно, что в глазах снова защипало. Я вдруг ясно осознала, что если хоть с одним из волков что-то случится, я

этого не переживу. Это неожиданное открытие застало мне врасплох в самый неподходящий момент. Удивительно. Я сама не заметила, как приросла к своим волкам.

Втянув соплю, я развязала узлы на шине и освободила лапу.

- Ты только не двигайся, ладно? – Разговаривала я с ним. Почему-то не хотелось шипеть и командовать, почему-то теперь мне казалось, что он лучше понимает меня. – Я сейчас посмотрю там и если все хорошо, ничего делать не буду.

Волк дернул ухом. Бинт на лапе немного присох, пришлось смочить его и осторожно отсоединить. С замиранием сердца я убирала ткань, боясь увидеть воспаление и гной. Пока глаза судорожно метались вдоль поджившей, немного припухшей раны, с черной трещиной рубца, сердце не стучало. Лапа кое-где была влажной, но без сладковатого запаха.

Пока я нюхала лапу, разглядывая ее со всех сторон, заметила одну из ворон, подошедшую близко и с любопытством смотрящую на меня и на лапу. По первым признакам рана выглядела неплохо. Я выдохнула.

- Кажется, он в порядке. – Пояснила я вороне, та запрыгнула ко мне на колено, и я погладила ее тыльной стороной ладони, так чтобы не трогать руками, пока те чистые, мне еще предстоит обработать рану.

Убрав сухой тканью сукровицу, я решила все же присыпать в одном месте, где отошла корка золой. Совсем чуть-чуть.

- Я подую! Только не дергайся! – Пообещала я, занервничавшему волку.

Едва присыпав рану, я начала изо всех сил дуть и, возможно, озадачила волка, потому что тот перестал елозить и вскоре подsunул мне под плечо свою голову здоровенную, чтобы я его погладила.

- Молодец, молодец.

У меня оставалось кое, какое мясо, я предложила его волку, но тот не захотел есть. Я его понимала. Мне тоже не хотелось. Только пить. Отдала мясо птицам. Напоила его, заварила себе чай из трав и после того, как рана немного подсохла, снова забинтовала ее и наложила шину.

Подтащив медвежью шкуру, я улеглась рядом с задремавшим волком и, накрывшись черным плащом, отключилась. Меня снова зазнобило и, наверное, поднялась температура, но рядом с ним было легче. Теплая шерсть, размеренное дыхание и стук сердца. Уже почти заснув, я почувствовала копошение вокруг меня, кто-то из волков пристраивался рядом и, так как, места в избе было очень мало, ему это с трудом удавалось, но еще один волк явно влез, втиснувшись между мной с пациентом и печью.

Птицы в этот раз не стали устраивать истерику и, пробежавшись по волкам, которые относились к ним теперь гораздо терпеливее, пристроились рядом, одну я точно чувствовала на своей макушке, с которой та сползала, скользя по голове своими лапками. Я даже в какой-то момент начала раз-

дражаться, потому что у той все не получалось нормально устроиться, но в итоге она перестала возиться, до того как я разозлилась и согнала ее с волка и своей головы.

Таким нехитрым способом, под плащом, облепленная живностью со всех сторон я так согрелась, что пропотела. Сон, правда, был урывками. Я то просыпалась, то снова засыпала. Живность сменяла друг дружку на посту. В основном у птиц была передислокация. Благодаря тому, что дверь была открыта, прохладный вечерний воздух, немного поубавил жары в нашем гнезде.

Когда я проснулась среди ночи, шевелиться не хотелось, на порогах лежала волчица, поднявшая голову, как только я открыла глаза и посмотрела на меня. Я чувствовала, что скоро снова засну, но пока этого не случилось, смотрела на нее, думая о том, какая она красивая и какая вообще вокруг волшебная красота.

Та птица, что вила мне гнездо на голове, тоже, видимо, проснулась и сползла мне на плечо, оцарапав немного шею. Перехватив ее, чтобы она не прыгала мне по шее, царапая еще и ее, я приподняла немного свое «покрывало» из плаща и пустила ее под него. Та с охотцей забралась внутрь и, устроившись снова поудобнее, оставила снаружи только голову.

Борясь со сном, я думала о Владе. О том, были ли у нее такие же моменты единения с птицами. На мой вопрос, в голове вспышками высвечивались смутные воспоминания, чем

младше она была, тем чаще в них был отец, но с возрастом, семью заменили птицы. Странное, непонятное отчуждение, сквозило в тех воспоминаниях.

Внимание с воспоминаний Влады, переместилось на пресловутые бытовые удобства, которые ей были доступны. Как современный человек, я смотрела на них свысока, вспоминая теплую воду из крана и горячий душ, а еще микроволновки и чайники, но пожив в лесу, мне теперь было чему позавидовать.

Особую тоску вызывала ее кровать, прохладные белые простыни, по краям расшитые защитной, обрядовой вязью. А еще подушки и тяжелое одеяло. Шторы на окнах, балдахин. За ширмой, металлический кувшин, я помню его изогнутый носик и таз. Для меня, человека современного, это прошлый век, но для меня же, одичавшей тут, словно, Робинзон Крузо теперь это роскошь. Металлический кувшин! Его же нагреть можно...

А еще сундук, полный рубашек, не знаю, как они назывались, но выглядели они как бабулины ночнушки. Длинною в пол, белые, рукав длинный. Облачаясь каждую ночь в них, она напоминала мне немного молодую старушку или актрису из фильма звонок, но сейчас, лежа в своем мохнато-пернатом гнезде, я думала о том, как это потрясающе, спать в чистой льняной ночнушке, на таких же чистых простынях. Без чьей-нибудь лезущей в рот шерсти. Красота.

А еще гребни для волос, зеркало, свечи, мыло... ковры и

гобелены. Может быть, стоит дойти до развалин замка и поискать там, что-нибудь среди камней, но одна только мысль об этом, сжимала сердце в кулаке. К горлу подступал ком слез, который трудно было запихнуть обратно. Не знаю, чьи это были слезы, ее, мои или наши, но думать о замке, о том, что он мертв и от него остались одни лишь руины, я себе запрещала.

Я хотела пойти туда почти каждый день, но в итоге нашла множество причин, чтобы не идти. Сердце болело. Я говорила себе, что это не моя боль, не моя тоска, что она ее или другой меня... я не знаю... в любом случае ничего не помогло. Тоска, словно упрямый ребенок из раза в раз, брала меня за руку и вела в воспоминаниях к нему.

Это был её, мой, наш дом... и его крепкие каменные стены, казались незыблемыми. Видеть их руины, это все равно, что рану на сердце присыпать золой.

Глава 7

Нужно было встать и проверить лапу, но почему-то не выходило разлепить глаза, а потом, находясь между сном и явью, я почувствовала, что лицо горячее. Температура. Ее я заподозрила еще и потому, что снова хотелось плакать и свернуться клубком. Было плохо.

Возможно, от стресса, организм взбрыкнул и подскочила температура, а с нею слабость и ломота во всем теле, так, словно по мне грузовик проехался. Я то просыпалась, то, балансируя на грани реальности, снова проваливалась в муторный, беспокойный сон.

Глаза я не разлепила, даже когда почувствовала шершавый язык на своем лице, который за раз лизнул меня от щеки до макушки, после него появился сухой теплый нос. Сухой, теплый нос...

Протянув руку, нащупала мохнатую морду, в пространстве рядом с собой и сама уже потрогала нос. Сухой и теплый. Так не должно быть. Пришлось открыть глаза.

На меня смотрели желтые волчьи глаза. Приподнявшись на руках, я села и потрогала свой лоб. Горячий. Тело болело и от пола твердого, достаточно холодного и от температуры. Меня вообще знобило. Хотелось пить и во что-нибудь теплое завернуться и спать, а в идеале сухую чистую простыню, пододеяльник, подушечки и тяжелое одеяло, но, увы, у ме-

ня только шкура медвежья, старые шмотки и хорошая компания.

- Надо лапу твою проверить. – Сказала я поднимаясь и не желая трогать его лапу, у меня совсем не было сил на еще одну потасовку. Озноб лихорадил тело, но лапу нужно проверить и если потребуется еще раз обработать.

Волк всхрапнул, облизался и отвернулся. Распустив развалившуюся косу, заплела ее наспех снова и, ёжась, на деревянных ногах и ватных коленках, дошла до печи. За ней в сундуке нашла одну из старых рубаш, достаточно грязных и поношенных, но плотных за счет грубой ткани из-за чего та была достаточно теплая.

Вообще, я была такая грязная, что мне приходилось прилагать усилия, чтобы меня не передергивало от отвращения к самой себе. Растопила печь, собрала посудины для воды и распахнула дверь, собираясь идти к ручью, но вместо этого застыла на пороге, потому что вся пернато-мохнатая живность сидела у порога и сразу же засунула свои любопытные головы в избу.

Вообще, когда я их увидела, только что проглоченный комок слез, подпрыгнул из груди, обратно в горло. Мне показалось, что у меня здесь все же есть семья. Вот такая странная, дикая, но моя. Я вышла на пороги и обняв подошедшую волчицу, спрятала лицо и слабость в ее теплую белую шерсть.

Кто-то из ворон, приземлился мне на плечо, кто-то взялся драться за место на макушке. Ощущение нелепости про-

исходящего, развеяло тучи в груди. Почесав одной из ворон бочок, согнала остальных и забралась к присевшей волчице на спину. Она довезла меня до ручья, я набрала воду и обратно, вытирая грязным рукавом слезы благодарности и какой-то щемящей нежности к ним ко всем, тоже добралась на ней, едва не облившись той водой, которую везла.

Кто-то из волков забрался в дом и пытался помочь товарищу высвободить лапу из оков.

- Ага, вас о помощи не просили. Помощнички. – Проворчала я, отпихивая волков от их пострадавшего приятеля. – Идите ка вы отседова, пока я вам хвоста не накрутила.

Не все сразу вышли, кое, кто попытался забраться за печь и оттуда, видимо, оказывать моральную поддержку собрату.

- Ну да! Конечно! Для тебя я там чистые тряпки выстирала! Чтобы ты лапами своими грязными по ним прошелся! – Возмутилась я на мохнатого увальня. – А ну брысь, отсюда! Еще печь мне ща разнесешь!

Волки вышли, но не ушли, легли у двери, пристроив головы на пороге. Хотелось продолжать ворчать и сказать им, что им тут не гнездо и не нора, но я прикусила язык, потому что от их присутствия становилось легче.

Разогрев воду и подготовив остатки чистой туники для перевязки, я села рядом с волком. Сердце в груди сжималось от страха, что под повязкой все будет плохо. Стало так неожиданно страшно, что в глазах снова защипало. Я вдруг ясно осознала, что если хоть с одним из волков что-то случится, я

этого не переживу. Это неожиданное открытие застало мне врасплох в самый неподходящий момент. Удивительно. Я сама не заметила, как приросла к своим волкам.

Втянув соплю, я развязала узлы на шине и освободила лапу.

- Ты только не двигайся, ладно? – Разговаривала я с ним. Почему-то не хотелось шипеть и командовать, почему-то теперь мне казалось, что он лучше понимает меня. – Я сейчас посмотрю там и если все хорошо, ничего делать не буду.

Волк дернул ухом. Бинт на лапе немного присох, пришлось смочить его и осторожно отсоединить. С замиранием сердца я убирала ткань, боясь увидеть воспаление и гной. Пока глаза судорожно метались вдоль поджившей, немного припухшей раны, с черной трещиной рубца, сердце не стучало. Лапа кое-где была влажной, но без сладковатого запаха.

Пока я нюхала лапу, разглядывая ее со всех сторон, заметила одну из ворон, подошедшую близко и с любопытством смотрящую на меня и на лапу. По первым признакам рана выглядела неплохо. Я выдохнула.

- Кажется, он в порядке. – Пояснила я вороне, та запрыгнула ко мне на колено, и я погладила ее тыльной стороной ладони, так чтобы не трогать руками, пока те чистые, мне еще предстоит обработать рану.

Убрав сухой тканью сукровицу, я решила все же присыпать в одном месте, где отошла корка золой. Совсем чуть-чуть.

- Я подую! Только не дергайся! – Пообещала я, занервничавшему волку.

Едва присыпав рану, я начала изо всех сил дуть и, возможно, озадачила волка, потому что тот перестал елозить и вскоре подsunул мне под плечо свою голову здоровенную, чтобы я его погладила.

- Молодец, молодец.

У меня оставалось кое, какое мясо, я предложила его волку, но тот не захотел есть. Я его понимала. Мне тоже не хотелось. Только пить. Отдала мясо птицам. Напоила его, заварила себе чай из трав и после того, как рана немного подсохла, снова забинтовала ее и наложила шину.

Подтащив медвежью шкуру, я улеглась рядом с задремавшим волком и, накрывшись черным плащом, отключилась. Меня снова зазнобило и, наверное, поднялась температура, но рядом с ним было легче. Теплая шерсть, размеренное дыхание и стук сердца. Уже почти заснув, я почувствовала копошение вокруг меня, кто-то из волков пристраивался рядом и, так как, места в избе было очень мало, ему это с трудом удавалось, но еще один волк явно влез, втиснувшись между мной с пациентом и печью.

Птицы в этот раз не стали устраивать истерику и, пробежавшись по волкам, которые относились к ним теперь гораздо терпеливее, пристроились рядом, одну я точно чувствовала на своей макушке, с которой та сползала, скользя по голове своими лапками. Я даже в какой-то момент начала раз-

дражаться, потому что у той все не получалось нормально устроиться, но в итоге она перестала возиться, до того как я разозлилась и согнала ее с волка и своей головы.

Таким нехитрым способом, под плащом, облепленная живностью со всех сторон я так согрелась, что пропотела. Сон, правда, был урывками. Я то просыпалась, то снова засыпала. Живность сменяла друг дружку на посту. В основном у птиц была передислокация. Благодаря тому, что дверь была открыта, прохладный вечерний воздух, немного поубавил жары в нашем гнезде.

Когда я проснулась среди ночи, шевелиться не хотелось, на порогах лежала волчица, поднявшая голову, как только я открыла глаза и посмотрела на меня. Я чувствовала, что скоро снова засну, но пока этого не случилось, смотрела на нее, думая о том, какая она красивая и какая вообще вокруг волшебная красота.

Та птица, что вила мне гнездо на голове, тоже, видимо, проснулась и сползла мне на плечо, оцарапав немного шею. Перехватив ее, чтобы она не прыгала мне по шее, царапая еще и ее, я приподняла немного свое «покрывало» из плаща и пустила ее под него. Та с охотцей забралась внутрь и, устроившись снова поудобнее, оставила снаружи только голову.

Борясь со сном, я думала о Владе. О том, были ли у нее такие же моменты единения с птицами. На мой вопрос, в голове вспышками высвечивались смутные воспоминания, чем

младше она была, тем чаще в них был отец, но с возрастом, семью заменили птицы. Странное, непонятное отчуждение, сквозило в тех воспоминаниях.

Внимание с воспоминаний Влады, переместилось на пресловутые бытовые удобства, которые ей были доступны. Как современный человек, я смотрела на них свысока, вспоминая теплую воду из крана и горячий душ, а еще микроволновки и чайники, но пожив в лесу, мне теперь было чему позавидовать.

Особую тоску вызывала ее кровать, прохладные белые простыни, по краям расшитые защитной, обрядовой вязью. А еще подушки и тяжелое одеяло. Шторы на окнах, балдахин. За ширмой, металлический кувшин, я помню его изогнутый носик и таз. Для меня, человека современного, это прошлый век, но для меня же, одичавшей тут, словно, Робинзон Крузо теперь это роскошь. Металлический кувшин! Его же нагреть можно...

А еще сундук, полный рубашек, не знаю, как они назывались, но выглядели они как бабулины ночнушки. Длинною в пол, белые, рукав длинный. Облачаясь каждую ночь в них, она напоминала мне немного молодую старушку или актрису из фильма звонок, но сейчас, лежа в своем мохнато-пернатом гнезде, я думала о том, как это потрясающе, спать в чистой льняной ночнушке, на таких же чистых простынях. Без чьей-нибудь лезущей в рот шерсти. Красота.

А еще гребни для волос, зеркало, свечи, мыло... ковры и

гобелены. Может быть, стоит дойти до развалин замка и поискать там, что-нибудь среди камней, но одна только мысль об этом, сжимала сердце в кулаке. К горлу подступал ком слез, который трудно было запихнуть обратно. Не знаю, чьи это были слезы, ее, мои или наши, но думать о замке, о том, что он мертв и от него остались одни лишь руины, я себе запрещала.

Я хотела пойти туда почти каждый день, но в итоге нашла множество причин, чтобы не идти. Сердце болело. Я говорила себе, что это не моя боль, не моя тоска, что она ее или другой меня... я не знаю... в любом случае ничего не помогло. Тоска, словно упрямый ребенок из раза в раз, брала меня за руку и вела в воспоминаниях к нему.

Это был её, мой, наш дом... и его крепкие каменные стены, казались незыблемыми. Видеть их руины, это все равно, что рану на сердце присыпать золой.

Глава 8

Всю ночь мне снилось, что я обворовываю чужие дома. Залезаю через окна или приоткрытые двери и шарюсь по чужим вещам. Это были другие дома, не те, что мне снились в кошмарах. Эти дома были живыми и теплыми. В них были дети и взрослые, там пахло едой и пирогами.

Дома были, с одной стороны, похожи друг на друга, а с другой, у каждого была своя уникальность. Чем-то они мне напоминали наши дачи. Маленькие, но уютные. Своими руками обустроенные и слепленные по эскизу причудливо фантазии хозяина, которая отталкивалась от его возможностей.

С любопытством ребенка и с его детским непосредственным коварством я шарилась во сне по чужим вещам и что-то одно уносила с собой. Меня злило, что нельзя взять все, что мне хочется, но больше одной вещи выпадало из рук. Поэтому сначала я украла таз, в другом доме кувшин. Котелок на огонь оказался очень тяжелым, хотя казался небольшим, но поднатужившись, я и его умыкнула.

Какая-то крупинка совести, ее едва слышный голос звал ко мне из глубин марианской впадины, то есть даже во сне я в целом помнила, что так делать нельзя, но почему-то мне это правило казалось какой-то незначительной ерундой, которую я легко выбросила из головы и продолжила обно-

силь дома.

Потом я добралась до домов побогаче, в них обнаружилось много всего блестящего, и это привело меня в какой-то неопиcуемый восторг. Я надевала на пальцы кольца, обвешивалась ожерельями и, натягивая на себя дорогие тяжелые платья, крутилась возле чужих зеркал, блестя всем блестящим, что смогла найти и на себя надеть.

Было так смешно и весело, что проснулась я в итоге от каркающего смеха, с четким ощущением тяжелых колец на пальцах, но сон окончательно слетел, когда я не смогла нащупать этих колец на пальцах. Несмотря на то что я не сказать, чтобы любила украшения, тем не менее, стало так обидно и горько, что я едва не закричала, но потом до меня, наконец, дошло, что это сон.

Но была и хорошая новость, после воровства чужой собственности во сне, чувствовала я себя удивительно хорошо. М-да, стоило бы задуматься о некоторых качествах своей личности. В любом случае, что бы там ни было, это просто сон, предстояло встать, позавтракать, проверить волка и определиться с тем, куда я пойду мыться к «вечному озеру», так я его прозвала или в естественные ванны, но до них добираться дольше.

Метаясь между двумя вариантами, я потрогала тыкающийся мне в макушку волчий нос, тот был холодным и мокрым, это подбросило настроение еще выше, и я даже не стала злиться, когда мне вместе с щекой облизнули еще и ухо.

Стерев рукавом слюни, я сладко потянулась, выгибаясь в дугу на волчьем боку, и, наконец, прислушалась к странным звукам, доносящимся с улицы.

Из открытой двери все пространство избы заливали солнечные лучи, благодаря тому, что вороны развалили мой самодельный козырек, тенька теперь снова не было. Из-за яркого солнца я не сразу разглядела, что там на улице, но когда раздался особенно громкий хлопок, поднялась на ноги и дойдя до двери, застыла. В метре от меня валялся ковер.

Я засомневалась, что я проснулась. Не веря тому, что это настоящий ковер, и боясь спугнуть видение, я, словно волк на охоте подкралась к ковру, вдруг он улетит, если я сразу рухну на него и, подойдя ближе, осторожно потрогала его.

- Ковер... Это что ковер?! – Спросила я сама у себя, не веря в то, что щупаю настоящий ковер, а потом я подняла взгляд выше и челюсть моя окончательно отвалилась. Вся поляна перед домом была завалена тряпками, а что-то не приземлившись на землю, болталось на ветвях. – Боже святые, это что...это...откуда...

Я не могла поверить собственным глазам, но вороны продолжали прилетать и что-то приносить, бросая это на землю. На макушку мне приземлился тяжеленный перстень, размером мне разве что на большой палец ноги, если бы не удар от него, пришлось бы себя ущипнуть на всякий случай.

- Уй! – Потерев макушку, я забралась поцарапанными коленками на ковер и уставилась вокруг, продолжая созер-

цать множество, множество, разных вещей. Приковылял мой пациент, отвлекшийся от разгрызания шины, и попытался улечься своей линяющей задницей на ковер. – Нет уж нет! – Я похлопала по траве рядом. – Иди сюда.

Волк недовольно всхрапнул, но в итоге улегся туда, куда я ему указала, но так, что едва меня под собой не похоронил, пришлось из-под него выбираться и чесать ему бочок, на котором я полночи провалялась. После бочка пришлось перейти на подпихиваемую под руку морду и там все тщательно почесать, и только после этого я, наконец, переключилась на вещи и на проснувшуюся совесть.

- То есть вы обнесли чужие дома? – Спросила я у вороны, держащей в клюве жемчужное ожерелье. Зачем оно мне тут не известно, но почему ворона его притащила, я понимала. – Вам должно быть стыдно. – Сказала я, не чувствуя тем не менее стыда ни за них, ни за себя. Точнее, мне было стыдно, за то, что мне не стыдно.

Терзания совести мучили меня недолго, их вытеснил восторг от количества вещей. Подбирая их, я думала о том, что у них есть хозяева, то есть где-то все же есть люди! Они где-то есть! Кого-то же мы обворовали! Значит, этот кто-то, есть.

Прижимая к себе платье и кружась, вместе со мной кружилась голова от мысли, что это не какая-то бредовая, моим умирающим мозгом выстроенная реальность, в которой я заперта одна, да даже если это такая реальность, в ней все же есть люди! Судя по фасонам вещей, люди эти не очень

современные, но это явно не пещерные времена. Хотя как они могут быть пещерными, если Влада тут жила в примерно средневековой культуре.

Собрав все, что смогла с земли и сложив это все на покосившуюся веранду, я прихватила металлический таз и такой же кувшин, и полюбовавшись ими, побежала за водой в ручей. Еще направляясь к нему, я не знала, хочу ли я нагреть воду и помыться или просто ополоснуться ледяной водой из ручья.

Бежать к озеру или к ваннам я решительно передумала, руки чесались взяться за вещи и очень уж хотелось побыстрее расправиться с гигиеной, но после температуры, лезть в ледяную воду тоже не хотелось, мало ли снова поднимется.

Раздираемая противоречащими друг другу желаниями, я добежала до ручья, там тоже нашлась парочка вещиц, среди которых оказался жестяной ящичек с мылом. Открыв его, я не сразу поняла, что это такое, потому что мыло выглядело не как брусок, а как масло в квадратной масленке, но запах подсказал, что к чему, и первая попытка с помощью этой штуки помыть руки, подтвердила подозрение. Это было вот такое мягкое мыло! Я прослезилась, а потом и вовсе села у ручья и заревела в голос. Дожила...радуюсь чьему-то мылу, которым человек до меня неизвестно что натирал, да раньше меня бы вывернуло от отвращения, пользоваться чужими гигиеническими предметами, теперь же я была счастлива, что они у меня вообще есть!

Слезная пятиминутка быстро завершилась, я опустила находку под воду, на всякий случай промыла ее, мало ли там осталось что-то от прежнего хозяина и не удержавшись, все же решила мыться в ледяном ручье. Даже если заболею, болеть буду чистой.

- Ну? – Зыркнула я зло на собирающихся волков. – Что приперлись? Дайте мне без ваших гляделок помыться!

Вообще, на ворон мне было в целом все равно, они были для меня как часть меня, часть с которой я все никак не могла договориться, но волки хоть и были частью моей стаи, мне не нравилось расхаживать при них голой.

- Брысь отсюда!

Запустив в одного из волков небольшим камешком, я разогнала их и взялась судорожно натираться мылом и стирать все с кожи. Мне кажется, с меня несколько слоев грязи сошло и ко всему прочему кожу не стягивало и не сушило так сильно, как после того, что я самостоятельно намесила для помывки.

Предстояло еще и волосы помыть, но для этого все же теплая вода мне была нужна, поэтому их я просто переплела. Прикрывая попу тазиком, а грудь не надетыми вещами, я побежала домой.

- Ах вы!!! – Я вытаращилась на развалившихся всем разом на моем ковре волков. Даже волчица туда пристроилась. – Да я вас сейчас, тазом отмудохаю! – Рывкнула я, выронив вещи и перехватив поудобнее кувшин, так чтобы не выронить его,

когда начну лупить им волчьи бока.

Лупить никого не пришлось, волки дали деру, как только я закричала.

- Да когда ж вы черти линять закончите?! – Заорала я, увидев, что ковер теперь фактически белый. – Я вас побрею всех! Будете у меня как мопсы лысые! – Я обернулась на своего пациента, тот с достоинством сидел в сторонке, мол, он тут ни при чём. – Ну, лан, ты хороший мальчик! – Сказала я ему и мне кажется, он самодовольно вскинул нос повыше. – Но если ты не отстанешь от бинтов на своей лапе, я и тебя побрею!

Зайдя в дом, я разговаривала с ними вслух, озвучивая процесс поиска кинжала, которым я как раз и планировала осуществить бритье. Не знаю, понимали они мою речь или нет, но волков всех как ветром сдуло. Даже пациент мой ноги унес. Приполз потом только поздно вечером, один единственный. Остальные, видимо, побоялись.

Волки разбежались, осталась я и вороны, и вот с ними я занялась самым своим приятным занятием здесь: сортировкой награбленного и примеркой. Жаль, зеркала не было. Вещей было очень много, помимо одежды мне притащили два одеяла, три покрывала и, к сожалению, только одну простынь, зато три наволочки и несколько полотенец, их я первыми сложила в аккуратную стопочку, дав себе полюбоваться ручной работой.

Ну а дальше пошли платья. Достав самое красивое, я, об-

лачившись заранее в тонкую тунику, приложила платье к себе. Вообще, раньше я бы ничего не надела, предварительно не постирав, но теперь, мне было не до этого.

Мне очень-очень, нужно было зеркало. Закрыв дверь в дом, я подошла к стеклянному окошку, где все же я кое-как, но отражалась и, прижав к себе шикарное бархатное платье, с тяжелой юбкой и плотным корсетом, покрутилась перед зеркалом.

В голове всплыло воспоминание, как Влада, точно так же начала крутиться перед зеркалом, как только появился Алекс. Я видела уже много ее детских воспоминаний, но только сейчас, смотря на них глазами взрослого человека, я поняла, что, вероятно, о том, что дочь, кого-то нашла в лесу, ее родители догадались почти сразу, потому что, помимо того, что она стала навещать в лес едва ли не каждый день, хотя и раньше там бывало часто, тогда она начала еще и наряжаться.

До появления Алекса, наряды Владе, выбирала мама. Вероятно, это была ее отдушина, и самая первая ссора, ставшая, мне кажется, началом раскола в их отношениях, была связана с платьем. Мама настаивала на том, чтобы Влада надела платье, которое королева давно ждала от портного, а Влада хотела другое, купленное по ее просьбе отцом.

Удивительно, но королева совершенно не хотела уступать еще, по сути, маленькому ребенку, и тот подстать королеве, топая ногами, стоял на своем. Тогда она впервые ударила

дочь по лицу. Охваченная не своим ошеломляющим оцепенением, я застыла, прижимая к себе платье. Ногами я стояла на веранде, но все мое сознание, ощущение и восприятие, унеслось туда, где горячие слезы обиды, бежали по щекам. А потом, не сдержавшись, Влада крикнула маме, что ненавидит ее, и убежала.

Теперь, будучи и сама матерью, я поняла, как глубоко могут ранить эти слова, даже от маленького ребенка. Вероятно королеву это подкосило, потому что больше я не смогла найти воспоминаний, чтобы та помогала дочери выбирать платья, во всяком случае в детстве, потом было несколько смутных воспоминаний, когда уже значительно подросшая Влада приходила за редким советом, но в тот момент в их отношениях появилась первая трещина, которая со временем становилась лишь шире.

Несмотря на драгоценное платье в руках, я не могла остановить показ кинофильма и, прижимая его к себе, опустилась на веранду и, свесив ноги с нее, уставилась в пустоту, досматривая то, что отрывками видела ранее, но до нынешнего момента то, что я видела, ни к каким наблюдениям и выводам меня не подталкивало, сейчас же я смотрела на эти мелкие события другими глазами.

Влада крутилась у зеркала, собиралась и наряжалась, и едва ли только слепой не догадывался, что в лесу есть некто, к кому с такой тщательностью собиралась принцесса. В замке явно переполошились все — от поварихи, собиравшей ре-

бенку корзинку с едой, до короля, пытаясь осторожно выведать у нее, кто ее там в лесу ждет, но Влада словно воды в рот набрала.

Королева требовала, чтобы муж запретил дочери ходить в лес, но ворона не могла запретить вороненку летать, так он ей и ответил, тогда, судя по всему, королева настояла, чтобы король сам узнал, кто там, зашел в лес и вот тут, случилось то, что проложило трещину в отношениях уже с отцом. Лес не пустил короля. Тот, судя по всему, блуждал полдня, но так и не нашел озера и вечного дерева.

Остается только предположить, что испытал отец, лишившись доступа к самому сокровенному, к тому, что делало его исключительным. Ко всему прочему становилось очевидным то, что вороны благоволят к принцессе, и ребенок, со всей своей непосредственностью, совершенно не замечал всех этих тектонических сдвигов, ставших очевидными лишь мне сейчас, когда я взглянула на этот процесс со стороны глазами взрослого, не вовлеченного в эти отношения.

Постепенно все, кроме королевы, привыкли, что Влада уходит. Королева, беспокоясь за честь дочери и её порядочное имя, попросила, чтобы дочь осмотрела повитуха и подтвердила целомудрие. К счастью, Влада не сопротивлялась, правда повторяющаяся процедура ей вскоре надоела и она пообещала уйти в лес, если еще раз к ней придет повитуха. Родители сдались, и все просто ждали, когда из леса появится некто, к кому бегают их дочь.

Ждали Алекса гораздо раньше, никто не думал, что он просидит в лесу с десяток лет, но когда, наконец, до короля дошли слухи, что дочь пытается кого-то устроить на службу, все замерли в ожидании.

Мне всегда казалось, что ее отец, все знал про Алекса, еще до того, как тот вышел из леса, я думала, он видел через ворон, но теперь лично столкнувшись с воронами, я поняла, что у них может быть только один король или королева и Влада, без всякой коронации еще в детстве стала их королевой, соответственно, отец ничего не видел из того, что Влада не хотела показывать. Вероятно, он также понимал, что будет плохой идеей удерживать наделенной большой властью существо в рамках придворного этикета, которым были скованны все, включая короля.

Может быть, не только за свои заслуги Алекс так быстро получил повышение. Расправив складки на платье и развязав на спине шнуровку, я вспоминала, как крутилась в танце перед закованным в доспехи гвардейцем, при этом танцуя с другим, чье лицо, как я его не пыталась вспомнить, так и не появилось сквозь туман памяти. Стало стыдно. Тогда казалось, что никто не догадается о ее чувствах, но только самонадеянность столь юной особы, ослепленной чувствами, не давала увидеть очевидного. Все во дворце знали, по ком она вздыхает.

Когда твоя дочь, главная драгоценность королевства, за которой и так глаз да глаз из-за ее способностей и статуса,

крутится в танце в танце с каким-то благородным юношей, в самом нарядном платье, не в центре зала, а в самом его дальнем углу, перед глазами безродного гвардейца, только идиот не догадается в чем дело.

Закрыв пылающее лицо руками, я пристроила локти на колени и выдохнула. Господи, какой кошмар... уши горели, задница тоже. Хотелось сказать, что это не я, это она, но что не говори, стыдно мне было за нас обеих. Кто бы это ни был.

Девять жизней
до рабавета

Амита
Скай

Глава 9

Воспоминания Влады, которые обрушились на меня тогда на озере, промчались перед глазами как кинолента, на ускоренной перемотке, которая, по сути, рассказала мне об одном: Влада — это я.

Тогда я с этим согласилась, теперь я с этим спорила, в любом случае то, что тогда единым пыльным мешком мне приземлилось на голову, я основательно отрефлексировать не успела, потому воспоминания, оставшиеся без каких-либо выводов, периодически возникали перед глазами, и я порой проводила какое-то время в оцепенении, вытаращившись в пустоту и досматривая кусок каких-то воспоминаний Влады, а потом думала об увиденном.

Сначала мне казалось, что в том, что происходит, есть смысл, потому что я вижу происходящее с ребенком уже взрослыми глазами и понимаю, где она, по моему мнению, допустила ошибки, что, будучи взрослым, мудрым человеком, конечно, поступила бы иначе, но недавно, я поймала себя на том, что Влада, была такой же избалованной и испорченной, как и Влад.

Мне показалось, что меня посетило божественное озарение! Может быть, поэтому неслучайному совпадению, у них одно имя на двоих. Что она, что ее мужская копия, оба вели себя, совершенно отвратительно. Резкие, избалованные, са-

мовлюбленные эгоисты делали лишь только то, что хотели.

Хотя, конечно, Влада не была так уж прям ужасна, она лучше всех знала, что происходит за стенами замка. Именно с ее появлением, обстановка в королевстве стала спокойнее, особенно для женщин и детей. Вороны видели многое и чаще всего приходили на помощь.

Скорее всего, смерть молодой королевы, несмотря на то что она почти не выходила к людям, ее вообще мало кто, кроме Алекса и ворон интересовал, стала для простых людей трагедией, да и Влад, если честно, был очень, очень похож на Алекса. Так что странное совпадение имен, не отвечало на вопрос, почему я похожа на Владу, а Влад на Алекса.

Почему-то, несмотря на то, что я множество раз видела сходство Влада и Алекса, я только сейчас задумалась о том, что между ними есть связь. Это божественное откровение застигло меня врасплох.

- Стоп, стоп, стоп, стоп! – Сказала я застывшему рядом волку. – То есть этот гад, этот абьюзер, газлайтер, эта невоспитанная свинья, там, рядом с моим ребенком и больной матерью, а я тут, в этом одичалом лесу, в ворованных шмотках и туалетом в кустах, обосранная воронами и покусанная комарами, отдуваюсь за наши прошлые грешки?! Да какого х**?!

Я едва не задохнулась от гнева и зло посмотрела на испугавшегося волка.

- Ах ты, скотина! – Зарычалала я на Владу, но так как

смотрела я на волка, бедняжка попятился. – Это все он! Это точно он все как-то придумал!

Очень захотелось треснуть кому-нибудь, волка я бы не стала трогать, но тот явно был в этом не уверен, потому припустил от меня как только я сделала шаг в его сторону. Побегав вокруг дома, я успокоилась. Наверяд ли Влад это все устроил. Просто навряд ли... Все тут было слишком странно и сложно, и я знаю, что когда я разбилась, он был в ужасе.

Каким бы говнюком он ни был, он не хотел развода, и, положив руку на сердце, у нас был бы шанс, если бы он попытался найти общий язык с моей мамой, если бы он проявил хоть каплю уважения к ней, возможно, все сложилось бы иначе.

- Но он проявлял, и даже не каплю, а две капли.

- Этого было недостаточно.

- Этого было достаточно, если бы она сама хотела выстроить отношения.

- Она хотела!

- Да ну?

- Да! Она просто через многое прошла! Ей тоже было непросто... плюс возраст. Он должен был это понимать!

- А не из-за своего ли характера, она «через многое» прошла?

Я уставилась на Владу, которая закинув ногу на ногу, покачивала соскользнувшей с пятки бордовой туфлей, повисшей на ее носке. На ней было длинное черное платье, облегающее ее тело, от шеи и до ступней, без единого декоратив-

ного эллемента, одни только туфли ярким пятном выделялись в ней. Моя надоедливая галлюцинация, которая появлялась тогда, когда я не хотела слышать собственные аргументы, противоположные одобряемой мной точке зрения.

- Молчишь? – Спросила она, разглядывая веер, который мне притащили вороны.

Я ничего не ответила, дожидаясь, когда она исчезнет, но щелкнувший веер с рисунками в виде масок, распахнулся и прикрыв им лицо, она посмотрела поверх него на меня ехидными, все понимающими глазами. Этот ее все знающий взгляд так раздражал.

Разозлившись, я развернулась и сошла с веранды, обошла дом и снова наткнулась на нее, сидящую на крыше, она помахала мне рукой, потом она же появилась на дереве, а потом оттуда с птичим криком спорхнула ко мне.

- Ну не будь ты такой трусливой... - Пропела она, заходя мне за спину. – Нужно ведь совсем немного смелости и каплю честности, чтобы признаться себе, что все, что он говорил, ты множество раз мечтала сказать сама, именно поэтому ты сначала радовалась и лишь только потом, опомнившись, злилась.

- Я, не... - Веер щелкнул и сложилсяЮ плюхнувшись у моих ног. Она исчезла. – Да пошла ты! – Крикнула я в пустоту и обернувшись, застыла.

Старый ворон сидел на земле. Сердце ёкнуло.

- Нет уж, нет! Иди к черту, старый бес! – Рывкнула я и

забежала в избу.

Не хватало мне, чтобы из-за него я снова попала, в ту проклятую временную петлю и меня снова протащило за волосы через огонь и воду. Нет уж. Прилетел он, понимаешь! Давно моими нервными клетками не питался, видимо.

- Катись к черту! – Крикнула я из-за закрытой двери. – Никуда я с тобой не пойду!

Я настолько не хотела снова в это попасть, что почти перестала ходить к вечному озеру, боясь там снова на что-нибудь нарваться. У меня впервые тут был план! Я решила «настроить» свой коннект с птицами и найти, наконец, реальных людей! А, и выйти из леса! Я буквально загорелась этой идеей и каждый день, до боли в голове пыталась законнектится как-то с воронами, чтобы с их помощью исследовать лес и найти людей.

Проблема была в том, что раз на раз не приходился, а если мне и удавалось «подключиться» к вороне, я не всегда могла управлять ее действиями, из-за этого изучить местность и найти людей не выходило. Ко всему прочему контакт не всегда происходил по желанию, иногда меня затягивало в него против воли, а иногда все происходило настолько плохо, что у меня потом болела голова, да так сильно, что я на несколько дней выпадала из жизни.

Мне хотелось какую-то кнопочку, которая бы в идеале еще и находилась где-то вне меня, нажав на которую я «подключалась» бы к воронам и с помощью джойстика управля-

ла бы ими, но такой не было, все кнопочки были внутри и находились они в чувствах и ощущениях, чаще всего не самых приятных.

Все тут было какое-то неправильное и нелогичное! Меня бесило, что все это требовало от меня болезненной чувствительности, которая открывала мой личный ящик Пандоры и такой же, если не больше ящик Влады и все это сваливалось на меня одну.

Нужно было вырваться отсюда любой ценой. Найти людей, пока я окончательно не сошла с ума, но с воронами все шло как-то не так. Несмотря на радость от новых вещей и необычных переживаний, которые у меня, все же случались от контакта с воронами, в мой солнечный мир, словно холодный туман, пробиралась тревога.

Ночами снился все тот же муторный сон с избами, только теперь я в них искала кого-то, и изо дня в день, мой поиск этого кого-то становился все более мучительным и странным. Я просыпалась вся в слезах, с чувством жуткой тоски и тревоги. В какой-то момент я поняла, что эта тоска, эта боль, очень похожа на ту, что я испытывала, стоило мне подумать о сыне, но я испытывала еще и страх, притом что я знала, что сын с мамой, ну или уж на крайний случай с Владом, мне не стоит бояться за него так сильно, как я боялась во сне.

Я дала себе месяц на то, чтобы «подружиться» с воронами, но результата, на который, я рассчитывала изначально, не было, поэтому я решила, что пойду на поиски людей сама,

вдоль ручья. До этого я планировала, что с помощью своих пернатых разведчиков, узнаю расположение ближайшей деревни, что-то изучу об этих людях, чтобы не выходить к ним, ничего о них не зная, но план провалился.

Дни шли, а прогресс оставался в фантазиях, в итоге я решила собрать самое необходимое и направиться вдоль ручья, куда-нибудь рано или поздно он меня выведет. Чем просто тут торчать. Я все собрала и сегодня была последняя ночь в избе, в моей уютной и комфортной теперь постельке.

С самого утра все не заладилось. Солнца не было, небо затянуло предгрозовыми тучами, и я даже подумала о том, что возможно стоит отложить свой поход и дожидаться хорошей погоды, но потом я решила, что это все происки ведьмы этой Влады или еще какая бесовщина очередная, поэтому, отбросив сомнения, я, на удивление легко, распрощалась со своим теперь уютным домом и отправилась в путь.

Я планировала идти вдоль ручья, но волки сопровождавшие меня большую часть дня, куда-то делись, и пока я их звала и искала, я сбилась с дороги и потеряла ручей, а потом я поняла, что я не только его потеряла. Муторное, вязкое пространство грязной землей мешалось под ногами. Я так долго шла, что уже забыла, зачем я вообще вышла и куда иду, во мне осталось одно лишь ощущение сосущей, болезненной пустоты в груди, стягивающей всю меня в маленькую черную точку, где-то на дне марианской впадины, докуда не достают солнечные лучи.

Когда, наконец, я увидела дома людей, мне показалось, что это все сон. Что я сплю. Я не поверила собственным глазам, пришлось ущипнуть себя. Нужно было привести себя в порядок, чтобы своим одичалым видом не напугать порядочных местных жителей.

Собирая свои распущенные, разлохмаченные волосы в коосу и торопливо вытаскивая из них листву и ветки, я смотрела вперед, сквозь деревья, где слышался детский смех, и улыбалась наконец услышав людские голоса. Оправив и отряхнув грязную юбку, я вышла из леса. Перебралась через ручей, который пролегал по самой границе леса и оказался на удивление глубоким, я вышла к людям.

Я не сразу решилась подойти ближе, придумывая, что скажу им, понимают ли они вообще мой язык. Я снова попыталась осмотреть себя, чтобы убедиться, что не напугаю людей. На мне была белая ночнушка в крови. Тряхнув головой, я вытаращилась на подол черной юбки, в которой вышла из дома и подумала, что я, кажется, действительно сумасшедшая. Мне привиделось.

Дома обычные, как и все. Где-то мычит корова, кричит петух. Я хотела подойти к ближайшей избе, к самой крайней и там задать вопросы, но долго не решалась, а когда, наконец, собралась с духом, та оказалась заперта. Хозяев не было дома. Нервничая, что приходится идти вглубь, я дошла до следующей избы, дверь была открыта, но на мой голос никто не отзвался.

Я вышла из дома и обернулась, заметив широкое поле и людей в нем. Кажется, все были на работе, стало немного легче. Я решила спросить у бегающих детей.

- Ты не знаешь, где мой сын? – Поймала я одного из мальчишек за руку, но тот, не обратив на меня внимания, вырвал руку и побежал дальше.

Я подошла к еще одному, босонотому пацаненку.

- Ты не знаешь, где мой сын? – Но и он пронесся мимо.

- А ты не знаешь, где мой сын? А где мои волки? Большие белые волки, ты знаешь, где они? – Очередной мальчишка выдернул руку.

- Я нормальная! – Крикнула я ему в спину, чувствуя себя дурой. – Я не сумасшедшая... - Еще тише добавила я, пока не заметила, что из всей этой ребятни, только один смотрит на меня.

Он не сводил с меня глаз. Сидел на телеге и смотрел на меня в упор. Лет пять, не больше. Я ему улыбнулась, понимая, как, вероятно, выгляжу со стороны. Несколько дней, если не больше в лесу, босая, грязная. Я даже корзину свою потеряла. Стало не по себе. Я отвернулась от него, чтобы не напугать, единственного, кто не смотрел сквозь меня.

- Его здесь нет. – Раздался за моей спиной детский голос. – Ни твоего сына тут нет, ни волков... Даже тебя тут нет.

Я обернулась. На телеге вместо ребенка сидел старый ворон. Резко втянув воздух, так словно не дышала все это время, я закричала и распахнула глаза. Передо мной была кры-

ша моего дома, а на мне кольчуга из гусиной кожи и ледяных мурашек от загривка до спины.

Меня мелко заколотило, захотелось снова закричать, но я сдержала себя. Хватит вести себя как сумасшедшая. Я сцепила зубы, и крик остался внутри меня. Вымотанная, так словно я все эти дни и правда не спала, я привела дыхание в порядок, немного успокоилась и откинула одеяло, собираясь встать. На чистой простыне лежали комья земли. Взгляд переполз на ноги. Босые грязные ноги, грудь снова сдавило ремнем и стало трудно дышать.

Амита Скай

Глава 10

Закрыв лицо руками, я принялась его растирать, чувствуя, как мелко трясутся локти, а в груди словно металлические прутья ворочаются, то сжимая грудную клетку, то разжимая. Наконец, растерев лицо так, что оно нагрелось, я выбралась из кровати и, стараясь не наступать на чистый ковер, подошла к распахнутой настежь двери. На поляне лежал окровавленный, словно чем-то тонким и острым изрезанный волк. На светлой шкуре зияли черные пятна.

В голове зазвенело. Справившись с парализующим оцепенением, я дошла до волка и собираясь коснуться его, потянулась к нему рукой, взгляд зацепился за кисть, та была вся в крови. Все это было похоже на сон. Этим я себя утешала, потому что такое не может быть правдой.

Отдернув руку, я вскочила на ноги и развернувшись, побежала, сама не зная куда. Я просто бежала из этого ужаса, надеясь, что вот-вот проснусь, но вырваться в реальность все никак не удавалось, тогда я решила разогнаться так, чтобы пробиться сквозь пелену сна, через физическое напряжение иногда мне такое удавалось, но увы, не в этот раз.

Задыхаясь, я неслась на всех парах, пока не выбилась из сил. Выдохнувшись я свалилась на колени возле ручья. Глотая воздух как воду, я запустила руку в ледяную воду, в надежде, что она поможет мне очнуться от кошмара, умылась,

но, несмотря на то, что ледяная вода обжигала разгоряченную кожу, кошмарный сон не заканчивался.

Вернулось солнце, прорвавшись ненадолго сквозь стянувшиеся тучи. Нижняя губа против воли задрожала, в горле встал ком. Что это был за волк? Кто именно из них? Неужели это я натворила в очередном полубреду-полуяви? Но я не помнила ничего подобного! Поэтому это сделал кто-то другой! Но почему я не додумалась, проверить, что с волком, может быть, он еще жив? Я даже морды его не разглядела, сразу отшатнулась и бросилась бежать.

А если это все же я? Из глаз побежала очередная порция бесполезных слез. Меня накрывало истерикой, которую, я словно со стороны наблюдала. Что-то происходило со мной, и я не могла понять, что. Меня скручивало до спазмов и колотило, по лицу бежали слезы, но какая-то часть меня мыслила совершенно ясно. Я не могла убить волка. Я бы просто не сделала этого. Я еще никого тут не убила, мне еду волки приносили, уже дохлую.

Пытаясь привести себя в чувство, я снова начала умываться, в ушах бился пульс. Ничего не помогало, и я просто легла на живот, запустив руку в ручей, чувствуя, как ткань рукава напитывается ледяной влагой и подбирается выше, к груди. Осталась я, ощущение ледяного холода и мое дыхание.

Неприятный холод от липнущей мокрой тряпки, заземлял, и в какой-то момент сердечный бег замедлился, мне даже показалось, что я услышала, как где-то рядом всхрапнула

лошадь. Потом она сделала это еще раз, и я предположила, что мне не показалось. В какой-то момент я ясно ощутила, что больше не одна, каждая клетка в моем теле встала дыбом.

Медленно, словно резкое движение приведет к катастрофе, я оторвала лоб от руки, которую я подложила под голову, чтобы не лежать лицом на песке, и едва заметно приподнявшись, скосила глаза вбок. Сквозь занавеску волос я разглядела копыта.

Ручей был холодный, но оказалось ужас холоднее. Ледяной валик страха, от ног до макушки, медленно покатился по телу. Мне кажется, такого страха я не испытывала никогда. Кто-то стоял рядом со мной на лошади. Надеюсь, это все же лошадиные копыта, а иначе я умру обосравшись.

Конь, это все же оказался он, всхрапнул и встал на дыбы. Перепугавшись, я отскочила в сторону, мокрые волосы налипли на лицо, но я все равно прекрасно видела сидящего на черном коне всадника.

Черный. Он был полностью черный, закованный в угольный доспех, с непроницаемой маской на лице, на которой были только две тонкие прорези для глаз. В них не видно было глаз, только густая, затягивающая в себя, как в зыбучие пески тьма. Он медленно наклонился в мою сторону, будто вглядываясь в меня, и я поняла, что нужно бежать. Точнее, я ничего не поняла, я просто дала стрекача, едва шею себе не свернув, потому что мои ноги соображали быстрее головы.

Он был похож на деметра, жаль я не Гарри Поттер и у меня нет волшебной палочки, я даже не Таня Гроттер, а то могла бы улететь на контрабасе, но приходилось лететь на своих двоих куда глаза глядят.

За спиной, сквозь шум дыхания, раздался мокрый перестук. Я поняла, что через несколько мгновений он догонит меня. Я не знала, что мне делать, потому что бежать тут было некуда, если я сверну влево, то попаду под копыта, а справа тянулись высокие терновые заросли.

Мне показалось, что я услышала звук вынимаемого из ножен лезвия, и, не сомневаясь больше ни секунды, нырнула в терновые кусты. Я была в таком ужасе, что боли от иголок размером с палец совершенно не ощущала, просто неслась вперед, закрывая руками лицо, пока спустя какое-то время, не споткнулась о бревно и не свалилась в какую-то кучу сваленных, горелых бревен.

Какое-то расстояние я проползла на заднице, смотря в ту сторону, из которой бежала и, боясь увидеть черного коня и его всадника, но сколько я не крутилась, елозя по пепелищу, никто не появлялся. Я еще какое-то время крутилась из стороны в сторону, глотая горький воздух и чувствуя вязкую слюну во рту, а потом сквозь свое шумное дыхание и стук колотящегося сердца, начала прислушиваться, но сделать это было трудно, меня всю колотило и кроме самой себя и своего дыхания ничего услышать не выходило.

Наконец, я немного успокоилась, достаточно, чтобы по-

нять, что ни единого звука кроме моего дыхания и стука сердца у меня в ушах и нет. Я как будто попала в мертвый безвоздушный вакуум, где была только я, а потом, вдруг неожиданно, мне показалось, что я сижу на дне могилы.

Я огляделась вокруг, никакой ямы, но у меня было четкое ощущение, что я в свежерытой могиле, на самом дне и подо мной деревянная крышка гроба. Новая разновидность ужаса, медленная, наползающая на меня мокрым ледяным одеялом, обняла мои плечи. Я видела, что я окружена кустами, но я чувствовала, крышку гроба под собой. Мне было настолько страшно, что оцепенев, я не сразу решилась, посмотреть на то место, на котором стояли мои колени.

Когда я, наконец, решилась, то там не было никакой крышки, просто черный пепел, почему-то еще теплый, словно он только недавно отгорел, но этого не могло быть, потому что наврядли я так уж далеко отбежала от дома, я бы увидела пожар, но вопреки всему, земля подо мной была теплая. Я коснулась ближайшего бревна, то было еще горячим.

Я бы вскочила на ноги и бросилась бежать дальше через кусты, но дернувшись, я не смогла встать. Ноги отказали.

- Господи боже... - Я попыталась вытереть лицо руками, стереть слезы и поняла, что размазала что-то по лицу. Все руки были черными от сажи.

Вторая волна истерики медленно подступала к груди, сбивая и сдавливая дыхание, но вместе с ней, поднималась и злость.

- Как меня это все заедало! – Прорычала я сквозь слезы, обтирая лицо чистым рукавом.

Кое-как мне удалось подняться на ноги. Запах горелой плоти, становился все более навязчивым, хотя нигде даже дыма не было. Стоило о нем подумать, как он появился, словно я его у диджея заказала, начиная окутывать тот небольшой пяточек, который был окружен терновыми кустами.

Это был дом. Встав, наконец, на ноги и посмотрев на пепелище, я поняла, что это сгоревший дом. Черные обугленные бревна, были навалены друг на друга, что-то сгорело дотла, но не все, что-то вполне себе еще сохраняло целостную структуру. Господи, я свалилась в самый центр этого могильника. Почему-то я не сомневалась, что кто-то тут умер.

Остаться тут у меня не было никакого желания, но и бежать обратно тоже. Вдруг там этот черный черт. Встав на цыпочки, я попыталась увидеть, есть там кто-то за кустами, но моего роста было недостаточно, совсем чуть-чуть не хватало, чтобы увидеть что-то вдали.

Другого выхода не оставалось, но мне пришлось, взять одно из бревен, ставшее уже не просто теплым, а горячим и, подтянув его вбок, попытаться встать на него. Как только я его сдвинула, я увидела длинную черную прядь волос и золотую цепочку. Меня затошнило. Спазм сдавил желудок, и меня едва не вывернуло. Я отошла чуть в сторону, сгибаясь в три погибели и замечая, какая черная у меня юбка.

Наверное, одна только выдержка, которая металлической рукой покоилась где-то в глубине меня, не позволила мне свалиться в бесполезную истерику. Несмотря на все мракобесие, которое происходило со мной в лесу, в нем все же была логика. Все эти дни, я не ходила к вечному дереву, к мертвому озеру, потому что не хотела втягиваться в маховик прошлого и решила найти людей. Какие-нибудь деревни, чьи-то же дома мы обнесли с воронами, я хотела сбежать из этого леса, но вместо этого я блуждала во снах, в поисках выхода из леса и в поисках сына.

Меня все же стошнило. Когда меня перестало выворачивать наизнанку от запаха и ощущения, что тут кто-то помимо меня присутствует, я поняла, что я не выйду отсюда, пока не найду печать. Я осознала это ясно как белый день.

Меньше всего на свете, мне хотелось нырять в это пепелище, чтобы найти печать, но иного выбора не было. Слезы снова побежали по лицу, застилая глаза. Блевать было уже нечем и стараясь не оттягивать неизбежное в долгий ящик, я оттащила одно бревно, за ним еще одно и еще. По мере того как я ковырялась в этом могильнике, дым исчезал и запах тоже. Когда вся зареванная я, наконец, нащупала печать, не было ни дыма, ни запаха, тот больше стоял у меня в воспоминаниях своим мерзким отзвуком, а земля была остывшей и сырой, ко всему прочему пошел мелкий дождь.

Достав тяжеленную, в саже измазанную печать, я плюхнулась на землю и заревела в голос, чувствуя ее тяжесть на се-

бе. На мой вой вдали раздался волчий вой, а вскоре послышался вороний крик. Я решила, что мне показалось, и продолжила реветь, но уже не так громко, а вскоре ко мне прилетела ворона и так истошно заорала, что я подскочила на ноги. Орала она, судя по всему не мне, а свои сородичам, которые начали слетаться со всех сторон ко мне и орать.

Еще никогда я не была так рада их всех видеть. Вся черная от сажи, лицо, скорее всего, тоже черное, я улыбалась им и хотела погладить, но обниматься, конечно, со мной никто не стал, все только носились вокруг и орали. Удивительно, но никто на меня не нагадил. Я заподозрила, что делают они это все же специально.

Стало немножко смешно и уже в целом не так тяжело. Нервно хихикая, я поднялась на ноги, я решила пробираться сквозь заросли на четвереньках, потому что пока ползала по сгоревшей избе, заметила, что понизу, колючек меньше, но пробираться на четвереньках не пришлось, потому что как только я встала, появился волк. Весь исцарапанный и в крови. При виде него, подступил ком в горле и я не знаю, когда у меня закончится слезный резерв, но я снова заревела.

Мой пациент продрался ко мне сквозь все эти колючки, сам весь исцарапанный, но живой. Я даже не сразу смогла забраться к нему на спину, потому что редела в голос и уворачивалась от его попыток облизать мое лицо и руки. Наконец, наревев уже столько слез, что хватило бы потушить пожар, я забралась к нему на спину, вместе с этой проклятой

печатью, и остаток дня мы пробирались сквозь заросли обратно, я, как могла, отодвигала от него кусты, а он, вздергивая морду вверх, шел словно белый волнорез сквозь море нашей общей боли, вынося меня из этого проклятого места.

Анна Сурь

Глава 11

- Мам... - Щеки коснулась теплая ладонь с запахом пластилина. – Барсика стошнило на папин портфель. – Громко прошептал мне на ухо сын.

Стало смешно, и от его дыхания немного щекотно.

- Барсик не любит папу. – Продолжал делиться секретами сын. – Не дает гладиться и бабушку тоже больше не любит. Он, наверное, тоже по тебе скучает.

Сын всхлипнул и прижался ко мне.

- Просыпайся скорее... - Послышался тихий всхлип и шмыг.

Ту тьму, в которой я находилась, затопила боль и горечь, а желание вырваться из нее и обнять сына стало настолько сильным, что в висках зазвенело. Пока сын не заговорил, я ничего не помнила, ни кто я, ни где я. Слышать его голос было чем-то естественным и нормальным, но как только он спросил, когда я проснусь, а я не смогла этого сделать, покой, как ветром сдуло. Я хотела проснуться, дергалась, пытаюсь открыть глаза и преодолеть физическое оцепенение тела, которого не ощущала, но ничего не выходило.

Послышался голос Влада, и я застыла, прислушиваясь к его словам. Голос явно был где-то в коридоре, я почувствовала, как сын спешно сполз с кровати, потому что я больше его не ощущала. Кажется, он разговаривал с врачами, но я

ничего не могла разобрать, пока он не зашел в помещение, где я находилась, и не напомнил Теме, чтобы тот не лез на кровать.

- Почему мама не просыпается? – После непродолжительной болтовни, которая немного отвлекла, спросил неожиданно сын, в голосе явно были слезы.

- Ее вороны унесли.

Ответ Влада окатил меня ледяной водой, и я очнулась, резко, словно из ледяной проруби вынырнула, причем мне показалось, что я не дышала все это время, потому что дыхание рывками вырывалось из груди.

Оглядевшись со сторонам, я обнаружила себя на поляне, рядом с волком, было раннее утро и застывший между деревьев туман, еще не развеял дневной зной. Я лежала на медвежьей шкуре, укрытая одеялом с волчьим боком вместо подушки.

Вчерашний ужас, немного выцветшей кинолентой высветился в голове, и я удивилась насколько мне все равно, на то, что вчера произошло. Я думала меня будет несколько дней трясти от случившегося, а запах горелой плоти надолго проникнет в мое сознание, но после сна про сына, все мрачные чары развеялись на раз.

Это был сон? Или не сон? Все было так реально, что у меня почти не оставалось сомнений, что это был не сон, но ответ Влада про ворон, откуда он мог знать про ворон? Может, он просто в шутку сказал? Но для шутки, совпадение

слишком странное. Что вообще он делает рядом с сыном и где мама? Я жива там или мой мозг выдал мне то, о чем я втайне мечтаю? В этом проклятом лесу совершенно ничего нельзя исключать.

Выбираться из-под одеяла было зябко, но оставаться на месте, когда все во мне переворачивалось от случившегося, у меня просто не получалось. Пришлось вставать. Удивительно, как быстро я хотела теперь верить в вещи сны и мистику. До этого я с ней спорила, сейчас же мне как никогда хотелось поверить, что-то был не сон. Неслучайная игра моего воображения. Да я бы просто не поверила сама себе, если бы согласилась с тем, что это был просто сон. Разве в снах бывают запахи? Тактильные ощущения?

Все валилось из исцарапанных, но уже подживших рук, а я нигде не могла найти себе места, металась по дому, потом вокруг дома, даже повыдирала сорняки в своем куцем палисаднике возле дома. Меня захлестнула необъяснимая волна чувств, с которой я не понимала, что мне делать, но успокоиться не выходило, я даже решила по отжиматься немного, но после трех раз рухнула на полы терраски и так и застыла, наблюдая, как волк поднимается со своего места и плетется ко мне. Весь исцарапанный и пятнистый от золы, которой я вчера присыпала раны, он был немного похож на коровку. Стало смешно. Коровка с зубами с мой палец. Очень мило.

Он вытянулся, потягиваясь, а потом зевнул, подошел ко мне и попытался лизнуть в нос, но я повернулась лицом в

пол, и он лизнул ухо. Дождавшись от меня уже традиционных утренних почесушек за ухом, ушел, а я решила, что мне нужно сходить к ручью. Вчера, когда мы выбрались из бесконечных зарослей терновника, мы вышли прям возле дома, хотя я точно помню, что носилась по лесу, убегая от ведения окровавленного волка, и бежала я долго, но вышли мы возле дома, а шли мы от пепелища прямо. В общем, я даже без этих логичных объяснений знала, что изба эта рядом. Просто знала и все, и всегда чувствовала, что там что-то есть и это что-то меня ждет. Только я решила, что мне оно не надо, но если гора не идет к Магомеду, Магомеда за волосы тащат к горе. Через терновник.

Собрав вещи на смену, таз и то, что нужно постирать, я спустилась к ручью. Вчера, выбираясь из терновника, меня не покидало ощущение, что кто-то смотрит мне в спину, но я не стала оборачиваться. Так же вчера я задавалась вопросом, как я буду теперь пользоваться ручьем и видеть эти кусты, но сегодня, после этого сна, мне вдруг стало плевать, сначала равнодушие было подозрением, но когда я спустилась к ручью и взялась за стирку, я почувствовала, что мне действительно все равно.

Я хотела сбежать отсюда, найти деревню, но теперь я не понимала, на кой черт мне эта деревня, даже если я ее найду. К тому же лес, сколько я не пыталась пойти на поиски людей и деревни, сколько ни пыталась через птиц обнаружить, жилые дома людей, водил меня за нос, затягивая в мутор-

ные сны, где я отпраплялась, куда планировала, бесконечно блуждая по лесу и радуясь утром, что-то был просто очередной тягомотный сон. Возможно, лес знал, что я могу вернуться, я ведь могу? Или нет?

Что, если это просто очередные бредни моего подсознания? Я уже видела тут сына, как живого, что мешало моим мозгам выстроить очередную иллюзию? Внутри поднималась злость и раздражение от всей этой путаницы. Руки, стянутые поджившими царапинами, заболели, и со стиркой я закончила достаточно быстро.

Из волков так никто и не вернулся, а я решила наведаться к вечному озеру, которого избегала, потому что не хотела попадать во все эти жуткие временные петли и проживать те события, пусть даже как наблюдатель. В том числе поэтому я не только к озеру перестала ходить я и про печати почти забыла, пока вчерашнюю не обнаружила, ее я, кстати, тоже забросила на чердак. Даже обтирать от сажи не стала. Нашла первую попавшуюся старую не особо нужную тряпку и замотав в нее, запихнула на чердак и так далеко, как только смогла дотянуться с лавки, на которую встала.

Мысль о чердаке и о печатях заставила остановиться. Чердак занимал половину дома, над моей кроватью и печью, и я запихивала туда печати, даже не разглядывая их особо, как и вчерашнюю. Просто заталкивала вверх, поглубже, чтобы их было не видно, снизу, когда я, например, буду сидеть за столом. Для этого достаточно было их пропихнуть на расстоя-

ние локтя от края чердака, и я так делала со всеми печатями, заталкивая их внутрь и с какой-то подозрительной легкостью выбрасывая их из головы.

Гоня дурные предчувствия, я вернулась домой, бросив таз с мокрыми вещами на пороге и прихватив лестницу, которую кое-как сделала, как только вороны приволокли мне топор, чуть не убив им одного из волков, который в отличие от своих собратьев продолжал подбешивать ворон. Меня он, кстати, тоже немного раздражал, но я сама не знаю почему. В любом случае он раздражал меня не настолько сильно, чтобы я придавала этому значение.

Занеся лестницу в дом, я прислонила ту к чердаку и поднялась на две ступеньки вверх. Внутренности сдавило и мне резко подурнело. Я спустилась вниз. Нужно было забираться туда, когда хотя бы кто-то из волков вернулся бы с охоты, а не лезть туда в одиночку. К моей белой пряди скоро прибавится еще пучок седых волос. Я вышла из дома. Хотелось бы еще и из леса, но, увы.

Я не знаю, о чем я думала, запихивая печати на свой чердак, по сути, рядом со своей кроватью, стоило бы изначально задуматься над тем, что плохая идея их там хранить, но чего я не могла предположить, что наспех закинутые на чердак печати, будут стоять ровным рядком, за печью, над моей кроватью. Последняя, черная печать, которую я точно вчера оставила не так уж далеко от края, заняла свое место в этом ряду и стояла, примерно на уровне моей груди, вторая

от первой, если смотреть справа налево.

Тряпка, в которую я закутала печать, размотанная тянулась от края до самой печати, занявшей место, на которое я ее точно не ставила. Все они стояли по одной линии, на равном расстоянии друг от друга. На голове зашевелились волосы и так как никого из волков рядом не было, пообниматься было не с кем, я решила не откладывая свои планы сходить до вечного дерева и прихватив теплый тулуп, который мне был великоват, направилась к озеру.

Можно было бы не брать одежду, день обещал быть жарким, но меня немного передергивало и очень хотелось во что-нибудь закутаться или спрятаться. Этот здоровенный, явно мужской тулуп, с блестящими золотыми пуговицами (очевидно, ставшими причиной его воровства) почему-то всегда был теплым, как будто я его с батареи снимала.

Кутаясь в тулуп, я шла по лесу босиком. В целом, после моей глупости с печатями удивляться уже нечему. Был бы рядом Влад, сказал бы, что я дура. Я бы ему сказала, что он кретин и еще врезала бы ему. Очень вообще хотелось врезать кому-нибудь. В идеале ему. Остановившись и прикрыв глаза, я представила, как луплю это махину по физиономии, а он уворачивается. Аж прям на душе приятно стало.

Вообще, когда мы съехались, да еще и до этого, мы постоянно дрались. Конечно, ему мои удары, что комариные укусы, но если он меня очень сильно выбешивал, я могла и укусить, вот это ему было больно, а по-другому ничем не прой-

мешь. Он всю жизнь занимался самбо, и что спина, что руки, у него каменные были, только себе запястья отбивать.

Мне нравилось с ним драться. Иногда потасовка начиналась прям с порога. Как только он домой заходил, я не знаю, что это было за помешательство, но я его ждала, когда он придет и у меня руки чесались. Как он мне не врезал ни разу, так чтобы это было действительно больно, не знаю, но мы дрались, первый год особенно много. Он постоянно ходил покусанный. Даже посуду били. Правда, не свою, а соседскую. Мы в общаге комнату снимали, и Влад потом ходил, извинялся и разбитое докупал. Не знаю, что о нас там люди думали, но я на нервной почве убиралась каждый день и перемывала все поверхности, в общих помещениях в том числе, поэтому они помалкивали, потому что так чисто в там не было никогда.

Несмотря на то, в какой дыре мы поначалу жили, это было наше самое счастливое время. Я окончила институт и словно какая-то оторва сбежала от мамы с Владом. Тот учился и работал, я тоже работала, пришлось сменить работу, иначе мама бы меня нашла и Владу не нравилась та аптека, он нашел через знакомых место в больничной аптеке и сам меня туда возил и оттуда забирал. Ночных смен в ней не было.

Все было чудесно, пока мама, которой я звонила, чтобы она знала, что со мной все в порядке, не написала заявление о пропаже в милицию.

Тряхнув головой, я отогнала воспоминания, которые на-

чинали болезненной судорогой сжимать сердце, и обнаружила себя недалеко от озера. Сначала я решила, что мне показалось, но приблизившись еще на несколько шагов, я поняла, что дерево стало еще крупнее и выше, ствол гораздо толще. Мне кажется, даже толще того пня, который я обнаружила, но самое главное озеро уменьшилось вдвое, если не больше.

Крупная густая крона закрывала собой небо, но при этом пропускала свет, и тот золотыми лучами прочерчивал скрытое полумраком пространство. Это было так красиво, что я не сразу нашла в себе силы оторвать взгляд от этого зрелища и спуститься к воде.

Я медленно подходила ближе, не веря своим глазам. Озеро уменьшилось, причем очень существенно, мне и до этого казалось, что оно было гораздо больше, когда я только его увидела, а потом постепенно оно сужалось, но когда я заметила это в первый раз, я подумала, что мне, наверное, просто показалось, плюс в воспоминаниях Влады, оно тоже немного отличалось по размеру. Когда Алекс опускал в воду тело Влады, озеро было самых больших своих размеров, теперь же оно едва ли скроет меня с головой.

Утопая ногами в илистой, мягкой земле, я шла к озеру по его высыхающему теперь дну и не знала, стоит ли мне этого бояться или нет... что вообще происходит? Когда я подошла к границе воды и вскинула голову, та немного закружилась от высоты дерева и широты его ствола, крупные корни, проникающие в землю, проступили сквозь отступающую воду.

Ближайший ко мне корень, был шириной как моя нога, если не шире, как две моих руки. Меня немножко затрясло, и по телу пробежал табун щекотных мурашек, но не от страха, не знаю, что это было. Голову немного вело, оттого, что, запрокинув затылок назад, я открыв рот таращилась на самое высокое и крупное дерево, которое я, когда-либо видела, которое выросло из того пня, из того маленького, не пробившегося сквозь мох ростка и в его мощных ветвях я вскоре заметила птичку, крошечную, размером с камушек, она таскала к его здоровенным ветвям веточки.

При виде нее к горлу подступил проглоченный утром ком и побежали слезы. Наверное, нужно найти этим слезам причину, но ее не было, было ощущение продолжающейся, несмотря ни на что, хрупкой, но сильной и упрямой жизни.

Слизывая соленые слезы с губ, я решила подойти к дереву. Я хотела раздеться, чтобы одежда осталась сухой, но не хотела ждать, я хотела, как и эта птица, обрести дом, прижаться к дереву, чтобы оно спрятало меня в своих ветвях, потому стянув с себя только тулуп, отбросила тот в сторону и сначала дошла до самого глубокого места, а потом в два коротких гребка, оказалась рядом с корнями и могучим стволом.

Широкий и шершавый, с тонкой зеленой порослью в трещинах коры. Я положила ладонь на его теплый ствол, а потом, ухватившись за выступающий из воды корень, подтянулась и забралась на него. Сначала хотела посидеть на корне как на ветке, но что-то жужжало во мне заведенным мотор-

чиком и поднявшись на ноги, я, раскинув руки в стороны, развернулась к дереву, обнимая его.

Ветер зашумел, волнуя листву, тихо скрипели ветви, а птица, вьющая гнездо, пела свою красивую песню. Впервые за долгое время было так спокойно и хорошо, что совершенно не хотелось шевелиться. Не знаю, сколько я так простояла, но соседний корень, находящийся от меня не так далеко, манил меня допрыгнуть до него.

Ребяческая авантюра и азарт, завели во мне пружинку, с которой начиналось много идиотских приключений в моей жизни. Я решила перебраться на другой корень, а когда перебралась, заметила следующий подходящий корень, и меня осенило, что можно обойти так все дерево. Конечно, я решила, что именно это мне и нужно сделать.

Затея эта была дурацкая, и я на половине преодоленного пути, уже жалела, что взялась за эту детскую авантюру, потому что царапины, оставленные терновником, отзывались на соприкосновение со стволом дерева, но я сама не заметила, как набрала скорость и неслась по корням так, словно миллион раз это делала.

Странно ликование распирало грудь и, прыгая от корня к корню, я громко вскрикивала. Если бы я этого не делала, меня бы этот запертый звук разорвал изнутри.

Так, я пробежала еще один круг, а за ним еще один, войдя во вкус, я бы бежала и дальше, но я запнулась, теряя скорость, и остановилась, едва не свалившись в воду. У самой

кромки воды, что-то блестело в лучах вечернего солнца, это что-то было совсем недалеко от моих следов.

Я, честно говоря, хотела продолжить свое занятие и носиться вокруг дерева, пока не устану, но где-то в глубине живота, что-то сжалось в предчувствии, и я остановилась.

Отвернувшись, я поколупала кору ногтями, засадила под ноготь занозу, но быстро вытащила ту. Господи, это печать. Это еще одна печать. Меня передернул озноб и стало почему-то холодно, не знаю, почему я не чувствовала холода раньше, но сейчас меня колотило с каждым мгновением все сильнее.

Заметив небольшую капельку смолы, я сколупнула ту и недолго думая отправила в рот. Терпкий вкус растекся по языку, прогоняя тревожный озноб и повернувшись к дереву лицом, я раскинула руки словно крылья и оттолкнувшись от корня ногами, упала в воду.

Теплая вода, небольшая глубина и корни, словно сетка, спружинили подо мной. Перевернувшись на живот, я поплыла в сторону печати, которая блестела под водой, отражая солнечные лучи. По мере приближения к ней мне все меньше хотелось выныривать из воды, хотя я могла бы встать и дойти до нее, но извиваясь словно змея, я приближалась к ней, прижимаясь к дну высыхающего озера и чувствуя исходящую от нее пульсацию, отзывавшуюся во мне незнакомым ритмом.

Она была похожа на все остальные печати, такая же круп-

ная и тяжелая, также оплетена корнями, только кроме корней ничего на ней не было, пока подплыв поближе, я не заметила золотистый камушек, оказавшийся глазом змеи, чья голова едва заметно проступала сквозь корни.

Камень в глазу змеи сиял так ярко, словно светился изнутри, и непонятно было, корнями оплетена печать или это все бесконечный змеиный хвост, слившийся с корнями в единое целое, и ни тому ни другому не было ни конца, ни начала.

Не знаю, почему я медлила, предчувствие теснило заканчивающийся в груди кислород, но золотой глаз змеи тянул меня к себе сильнее магнита, коснувшись которого тело прошиб сильнейший импульс, заставивший сжаться и распахнуть не свои глаза.

Глава 12

Сквозь тишину прорвался едва различимый стук копыт, шаманский бубен и заполошно бьющееся сердце, но не они разбудили лес, заставив открыться множество старых глаз, а песня-вой.

Сквозь тишину, какая бывает только в зимнем лесу, мчался серый, с ног до головы замотанный в тряпье всадник. Загнанный конь, вяз в глубоких сугробах, шумно всхрапывал, но из раза в раз упрямо выбирался из снежной ловушки, снова набирая скорость. Ни ветра, ни метели, все замерло и, затаив дыхание, прислушивается к потревожившим покой.

Вскинув руку к лицу, всадник поднес к губам крошечный варган, и запел голосами тех, кто давно уже мертв. Звук прорастал в костях и заполнял пространство, делая его плотным и напряженным, как загнанный в угол зверь. Это был голос метала, познавшего горечь и боль, познакомившегося с кровью и потерей.

Металлический голос натянутой до предела струны, перешел на шепот, а потом и вовсе угас. Всадник открыл золотые глаза. Черный зрачок вытянулся в иглу. Спрятав свой крошечный инструмент за пазуху, громко свистнул, как кнутом ударил и, вскинув руку с увешанным яркими лентами и бубенцами коротким древком, запел.

Открой глаза! Открой глаза! Просыпайся, вечный лес!

Просыпайся, вечный лес! Мой древний отец! Твоя дочь зовет к тебе. Последняя свободная змея зовет к тебе!

Отчаянный голос звенел в тишине, и, казалось, никто не слышит его, но без ветра тихо заскрипели деревья, разгоняя спящий на голых ветвях ветер.

Пробудись! Открой глаза! Ты, чьи корни — в теле мира, Ты, чьи ветви — в жилах неба, Ты, чья крона — в семи звёздах,

Заклинаю тебя, открой глаза! Ты, кто помнит смерть и роды, Ты, кто видел жизни воды. Ты, кто пеленает в землю мертвецов.

твою вечную песню в последний раз! Поющий колыбельную мертвецам, пока те не станут младенцами! Заклинаю тебя, открой глаза! Последняя свободная змея поет тризну по своему клану,

На самом дне, звенящего голоса, собрался ком и на мгновение сдавил горло. Заметался между деревьев ледяной ветер, загудели древние стволы, собирая с земли снег и заметая им следы, пока всадница неслась вдоль давно нехоженных троп, к вечному дереву, о котором слышала от своей слепой бабки, а та от своей матери, а мать ее матери от своей матери и так до начала времен.

чтобы духи клана моего были свободны! Я пою тризну по клану своему — По вольной жизни. Межу проложила судьба и в шаге я от смерти и вечного рабства. Я держу печать в руке — Между правдой и меж ложью. Пусти меня, древний

лес, старый отец! Забери змеиную печать, водяная мать,

Мокрый снег облеплял одежду, слепил глаза, а за спиной медленно, никуда не спеша, ползла черная, удушающая, словно петля на шее, тьма всадников. Ворона с дырявыми крыльями и мертвыми глазами, слетела с дерева, чтобы показать дорогу к вечному озеру, но запрокинув руку назад, всадница достала лук и последнюю стрелу. Нет веры воронам, нет веры волкам.

Крик разрезал тишину, и всадница свернула не туда. Как не звала ее свободная ворона, та летела прочь, загоняя себя в руки врага, пока не услышала лай гончих и улюлюкающий гул открывших на нее охоту палачей. Всадница натянула поводья и, бросив горящий взгляд на ворону, развернула коня, следуя за ней.

Загнанный напарник бежал быстрее, чем летели в спину стрелы, но и его силам пришел конец. С трудом выбравшись из-под задыхающегося жеребца, она наскоро простилась с ним и, утопая в сугробах по колено, следовала за вороной, пока та не привела ее к пустому, окутанному могильной тишиной полю. Пустое и одинокое, оно светилось, от холодного света, не перекрытого ветвями стоящих по краю этого поля деревьев. Предчувствие ледяной рукой сдавило грудь.

Вскинув взгляд на ворону, которую заносило снегом и та не шевелилась, потому что снова умерла, всадница сделала еще несколько шагов вперед, подходя к краю леса, за которым небольшой обрыв и белоснежная линза ничем не запол-

ненной пустоты. С небольшим, едва заметным холмом в самом центре, на нем остановился, а вскоре и вовсе застыл взгляд. Преодолевая появившуюся слабость в ногах, всадница сделала еще несколько шагов и, прижимая к животу сверток, который везла, скатилась по склону на поле.

Несколько неуверенных шагов и под ногами закрипел лед. Тихий хруст, был похож на удар металлического кнута, рассекающего воздух и плоть. С каждым шагом, приближавшим ее к центру заснеженной поляны и ее небольшому холму, вьюга ужаса за ребрами и за деревьями по краю поляны, набирала обороты, окутывая пространство режущим, ледяным полотном.

В обманчиво равнодушной тишине леса все замерло в ожидании, затаив свое холодное дыхание, дожидаясь, когда она дойдет до холма и замороженная запустит руки под снег, где нащупает широкий срез дерева. Кровь зашумела в ушах и глаза затянуло пеленой.

Что может быть страшнее того, кто идет по ее следам? Что может быть страшнее гибели клана? То, что застыло бесчисленным множеством колец под ее руками, страшнее...

Мешок с драгоценной печатью, скатился с плеча и свалился к ногам. Туда же осколками осыпалось сердце, а вслед за ними опустились колени. Время встало, забыв о живых. В золотых глазах гас огонь, и те стекленели как у мертвеца. Если бы ветер не принес приближающийся свист и лай, её бы как и этот пень, занесло снегом, но перед застывшими глаза-

ми встали лица родных, отдавших свои жизни, за то, чтобы она оказалось здесь. За то, чтобы она вызволила печать своего народа у черного короля. И она это сделала, и если все, конечно, то почему он идет по ее следам?

Заледеневшие пальцы, на которых уже не таял снег, коснулись рукоятки клинка, сжали его, оживая, и вытащили тот из ножен, выпуская на свет, волка и черную ворону. Переведя выцветшие глаза на снег, стряхнула его, обнажая черный лед и сжав двумя руками кинжал, воткнула без особой надежды тот в лед. Тонкие трещины прочертили ледяной панцирь, но их было недостаточно, чтобы пробить его.

Был ли во всем этом смысл? Она сидела на льду, но ощущала, как тонет в зыбучих песках отчаяния. Руки на клинке ослабли, готовясь выпустить его из рук, но доносящиеся из леса звуки, заставили сжать рукоятку снова, снова занести кинжал над головой и снова воткнуть его в лед. Тот затрещал, но не подался.

Снова и снова она поднимала кинжал, выбивая лунку, но та стала глубже, лишь на толщину ладони, время стремительно заканчивалось. Черные флаги, острые пики и голодные волки, стягивались к озеру, окружая его черной стеной со всех сторон. Свист и хмельное улюлюканье охоты. Они готовились отпраздновать поимку загнанной дичи и, перебрасываясь шутками, гоготали во всё горло, будто слетевшиеся на пир стервятники.

Он не спешил. Подъехал на коне к тому месту, с которо-

го она скатилась к озеру, и остановился, смотря на нее своими черными, поглощающими свет глазами. Этот взгляд ощущался острым лезвием у яремной вены. Плотными ледяными мурашками, под вставшими дыбом волосами.

Оцепенение сковывало тело, словно лед озера, медленно и неотвратно. Кинжал едва не выпал из рук, последний выдох скатился с губ, но что-то толкнуло в спину, ветер принес тихий звон колокольчиков и живые голоса мертвых предков. Вдохнув, рвано, глубоко и больно, так будто не дышала давно, сдвинула застывшие глаза в сторону, разрывая контакт глаз с черными провалами в маске короля. Тело шарнирным механизмом медленно возвращало себе движение, двигаясь короткими рывками.

К ногам, спешившегося черного короля бросили двух скрученных мужчин. Тихий хлопок их падения, заставил замереть и прислушаться. Снова перевести взгляд в их сторону. Они были связаны с друг другом и лежали у ног короля, пока тот смотрел на нее, наклонившись к пленникам, он стянул с головы одного из них мешок, а потом ногой, словно это были не люди, а бревна, сбросил их с обрыва на лед.

Судя по всему, один из мужчин был без сознания, потому что не шевелился, а вот второй, приподнял голову, обводя пространство золотым глазами с вытянутым зрачком, пока эти глаза не остановились в замешательстве на ней. Мгновение на узнавание и внутренности сдавило в кулаке. Змея. Высокие скулы, узкие разрезы век, уходящие к вискам и чер-

ные, немного вьющиеся волосы, с чешуйками по линии роста волос.

Она знала точно, ее род истреблен. Все, кто помогал ей выкрасть печать, погибли, она последняя, но, кто эти двое? Сородич смотрел на еще живыми, удивленными глазами, пока к нему неторопясь, спускался черный король.

В оглушающей тишине застыло время и замер мир. За печать у ее ног жизнями заплатило много змей, для того чтобы род, их истребленный клан, был свободен и сила их рода, не служила опьяненному от власти жестокому безумцу, поправшему законы жизни и равновесия. Решение дрожало на кончике ножа. Она уже и сама не знала, в кого вонзит кинжал, в лед или свой живот, но прямой взгляд золотых глаз родного незнакомца стал ответом.

За эти несколько коротких мгновений, пока они смотрели друг на друга, они познакомились и попрощались. Сородич закрыл глаза, она сжала кинжал и занесла его над своей головой. Одно лезвие вонзилось в лед, другое в горло. Тихий хрип, она не удержалась, отвлекалась, и рука, ослабив хватку, соскользнула с рукоятки, на лезвие. Жгучий росчерк по ладони и алая кровь побежала по руке, змеей скользнула к лунке.

Резкий, оглушающий треск разнесся по озеру, тектонические плиты пришли в движение, заставляя землю дрожать, а черное войско гудеть. Сердце забилося быстрее, разгоняя огонь по стынувшему в ужасе телу. Больше она не смотрела

на них, вместо этого, не давая себе больше времени на сомнения, выдернула кинжал изо льда и дотянувшись до печати, жала ту в руках, запрокинула над головой и вложив в удар все свои силы, впечатала ту в лунку.

Лед дрогнул, но этого было недостаточно, чтобы печать провалилась под лед. Тихий хлопок, упавших к ногам мертвых тел. Вот и все. Они мертвы. Последние. Ногти до белезны впились в метал. Терять больше некого. На кону одна лишь свобода и надежда всех, кто умер. Она снова подняла печать и, вскинув последний взгляд на черного короля, идущего в ее сторону, вонзила печать в лед. Пришлось навалиться на нее всем телом, чтобы протолкнуть вглубь, но ей это удалось, как раз тогда, когда черный король, ускорившись, добежал до нее. Золотой змеиный глаз мерцал, скрываясь в черной воде, затопившей лунку.

С обветренных губ слетел смешок, а потом на лице растянулась шальная улыбка. В глазах приговорённой плескалась хмельная победа. Он не успел. Печать в воде. Клан на свободе. Ликование заполнило грудь, и груз, все это время лежащий на ее плечах, свалился с них. Она упала на снег, рядом со стоящим с ней черным королем и смеялась так счастливо, как никогда в жизни не смеялась. Из глаз бежали слезы из лунки, где утонула печать, черная вода. Легкость и тишина. Ей показалось она слышит шелест срубленного вечного дерева. Где-то на дне озера, просыпались его корни.

Она перевела счастливый взгляд на черного короля, чей

кинжал в крови ее сородичей вот-вот заберет и ее жизнь. Самурай умирает до боя и больше не было страха. Она приподнялась. Он, повернулся к ней, а потом заметил валяющийся рядом с ней кинжал, опустился на колени и поднял его.

Какое-то время он смотрел на волка, а потом, перевернув лезви, изучал ворону. Она украла этот кинжал у него вместе с печатью. Сама не знала зачем, что-то толкнуло ее изнутри и она прихватила его с собой. Судя по всему, тот давно был отдельно от своего хозяина, и теперь тот разглядывал свой же кинжал так, будто видел впервые.

Наконец, он равнодушно отбросил его в сторону и повернувшись к ней, положил свою тяжелую руку ей на плечо, похлопав по нему так, словно поздравлял с победой. А потом шею начало сдавливать, невидимой шелковой удавкой. Он не шевелился, просто смотрел на нее так пристально и внимательное, как может делать только тот, кто упивается чужой болью. Не без усилий, она улыбнулась. Горло с каждым мгновением сдавливало все сильнее, но она держала лицо.

- Хочешь, я покажу её тебе?

Непроницаемая, безликая маска продолжала равнодушно смотреть на нее, но натиск на шее ослаб.

- Ты забыл... - Догадалась она. – Ты забыл ее, но продолжаешь искать...

Она усмехнулась, зачерпнула рукой мокрый снег и провела им по лицу. В следующее мгновение мне вдруг пока-

залось, что меня ошпарили ледяной водой, умыли, но она умывалась, при чём тут я? Точнее, она размазала снег, испачканный в своей крови и воде по своему лицу. Пока я думала о том, что происходит, я пропустила момент, когда меня со дна озера, в котором я продолжала болтаться с печатью в руках, потащило к ним. К ней.

Я вдруг осознала, где нахожусь, что я вообще есть и я не эти немые деревья, следящие за ней. Ужас сжал мое живое сердце, и я задергалась в воде, попыталась отбросить печать, но та прилипла к рукам и сколько я не билась, отбросить ее от себя не удалось, как и вырваться, разорвать связь, освободиться от силы тащившей меня к ним. Я пушинкой болталась в ее руках.

Зажмурив глаза, я почувствовала, как мое лицо проступает на ее лице и то меняется. Немного вытянулся нос, заострились скулы. Лицо текло и плавилось как пластилин, пока остыв, не застыло. Теперь я не чувствовала ее лица, я чувствовала свое, словно меня вытащил кто-то через эту прорубь и уже мою кожу обдавало ледяное дыхание зимы. Ее черный, немного волнистый волос, который метал по лицу ветер, сменился на мой, тонкий и прямой.

Я перестала сопротивляться, поняв, что это бесполезно, я почувствовала, что между ним и мной, мои тонкие веки. Тот, чью маску я видела, прежде чем броситься в терновые кусты, снова был напротив меня, и мне потребовалась вся моя смелость, чтобы открыть глаза.

Дыхание застыло в ложбинке, на дне ключиц. Не моргая, я смотрела на него черными вороньими глазами, и мир вокруг нас замер, не дыша. Он, казалось, тоже застыл.

- Узнаешь ее? – Произнесла моими губами змея. – Нет? А так?

Я поняла, что против моей воли, с глаз начинает исчезать воронья пелена. Меня словно насильно раздевали перед ним. На глаза набежали слезы. Не знаю, что это было. Я не хотела смотреть не него без нее не потому, что мне было страшно, а потому что мне стало больно. Так, словно валявшийся в снегу кинжал, застрял в моей груди.

Когда черная пелена исчезла, а слезы сорвались с глаз, маска напротив меня неожиданно щелкнула. Я не сразу поняла, что это за звук, но потом догадалась. Где-то в глубине самой себя она треснула. Вскоре, догадка подтвердилась, на безликой поверхности поползли трещины, а сквозь них черный дым. Трещал лед под их ногами, трещала маска на его лице.

Вскоре от маски откололся первый осколок. Он упал в снег и тот растаял, продолжая шипеть от соприкосновения со льдом. Спустя мгновение рядом с ним упал еще один, пока сквозь маску не начло проступать человеческое лицо.

- Влада? – Его голос вырвал меня из зачарованного оцепенения.

До того как он успел коснуться моего лица, за меня ответила ведьма.

- Теперь ее зовут по-другому.

Глава 13

Когда ведьма, наконец, отпустила меня, я едва не захлебнулась. Если бы не волчица, я бы, возможно, так и осталась в озере. Пока меня выворачивало водой на берегу, меня не покидало ощущение, что тот, кого я видела перед собой уже во второй раз, вот-вот выберется за мной следом, поэтому я постоянно оборачивалась назад, вглядываясь в воду, но время шло и ничего больше не происходило.

Как только рвотные спазмы прошли, я не чувствовала в себе никаких сил, чтобы возвращаться домой. Я не заметила, как волчица ушла, я даже не уверена, что это именно она вытащила меня из воды, но, кажется, все же она. Она исчезла, и я о ней забыла, да даже если бы она и осталась, я с трудом могла поднять руки, так сильно я устала. Что уж говорить о том, чтобы встать на ноги и забраться к ней на спину, чтобы доехать до дома. До дома, где меня ждут печати. Пока они над кроватью, я там больше спать не лягу.

Выбравшись с пересохшей части озера, на песчаный берег, я тяжело дыша, откинулась на спину. Глаза щипало, веки были тяжелыми, и я их закрыла, прислушиваясь к ночному шуму живого леса. Где-то в глубине леса пели птицы, стрекотали насекомые, кто-то занудно жужжал над ухом, шумел в листве незаснувший ветер. Не чета тому мертвому безмолвию, из которого я вернулась.

Там по другую сторону реальности, лес мертв и дело не в зиме. Прилетевшая на помощь ворона, была так же мертва, как и ее дом. Перед закрытыми глазами стоял мертвый пенёк, застеленный снегом, и широченное озеро, перед открытыми глазами крепкие ветви возродившегося дерева, тянулись к дрожащим на ночном небе звездам и высыхающее озеро. Он продолжал расти и, без всяких сомнений, был шире того пня, что обнимала последняя змея.

Приоткрыв глаза, я смотрела на него и по груди разливалась щемлящая, болезненная нежность. Дерево живо, лес жив, все дышит и поет свой гимн хрупкой жизни и красоте. Сонный ветер шевелил листья, и сквозь густую крону виднелись яркие звезды. Тут, где нет городских огней, они казались ослепительно яркими. Казалось, протяни руку и заберешь одну из них в карман.

Не удержавшись, я вскинула руку и поймала в ладонь, вместо звезды листок. Плотный и гладкий, он приятно пах листвой и немного песком. Хотелось проткнуть эту плотную ткань ногтем, чтобы почувствовать запах, но я не решилась. Поднесла его к губам и поцеловала. Приложила к груди и закрыла глаза.

Когда я коснулась печати, был вечер, когда я выбралась из воды, уже наступила глубокая ночь. Как можно было не задохнуться под водой, проведя там период от вечера до глубокой ночи?

Я не заметила, как заснула, но легко поняла, что сплю, ко-

гда увидела черного короля в озере. Такой же, каким я его запомнила, когда осыпалась его маска, за мгновение до того, как я вернулась обратно. Черный плащ, доспехи, скрытое маской и сумраком лицо. Не шевелясь, он стоял в воде и смотрел в мою сторону.

Возможно, потому, что я понимала, что это сон, мне не было страшно и почему-то не сомневаясь, я знала, что он смотрит не в мою сторону, а на меня, хотя я и не видела его лица. Только черный силуэт, выступающий из воды. Я медленно села на песке, обнимая свои колени и смотря на него. Мне не было страшно. Я почему-то знала, что он ничего не сделает. Он просто смотрел и не двигался, как и я. Лес, затаявшись, тоже молчал. Умолкли птицы, затих ветер и стрекот насекомых, хотя, возможно, я просто не слышала и не видела ничего, кроме него. Мир стал плотным и сжался до расстояния между нами. Расстояния напряженного и натянутого как струна, где каждое движение отражалось во всем, словно неожиданно застывшее в шторм море.

Иногда я ненадолго отводила глаза, потому что чем дольше я на него смотрела, тем сильнее мне хотелось плакать. Без объективных на то причин. Не знаю, сколько прошло времени, но вскоре я проиграла бой за самообладание, и по лицу побежали слезы. Чтобы скрыть их, я попыталась стереть их натянутым на запястье рукавом, и в этот момент он подался в мою сторону, словно желая подойти.

Дернувшись, я замерла, во все глаза, смотря на него, заме-

тив мой испуг, он застыл. Какое-то время я еще таращилась на него с поднесенной к лицу рукой, а потом все же вытерла лицо и, отодвинувшись немного дальше, поменяла положение, сев не полубоком к нему, а прямо. Не знаю, чем все закончилось, я просто проснулась утром и в памяти остались лишь эти немые переглядки.

Лицо было стянутым от слез, а глаза немного щипало. Утро выдалось холодным, и меня едва заметно знобило, поэтому я решила отправляться домой. Позвала через ворону своего волка и пока он бежал ко мне, решила подойти к озеру и забрать печать.

После этой долгой ночи, и странного сна, не знаютак странно было видеть это же озеро, без него в нем. Его присутствие во сне было чем-то естественным. Нормальным. Он жестоко убил двоих на моих глазах, но во сне я совершенно не думала об этом. Меня это вообще не волновало, зато заволновало когда я проснулась. Заволновалась я еще и потому, что его присутствие воспринималось мной во сне, как что-то естественное, что-то, что встало на свои места, и его присутствие рядом было чем-то нормальным и привычным. Я сама себе задавала вопросы, как такое может быть, воскрешала в голове воспоминания о том, что сделал этот изверг, но как я не распалила огонь ненависти, он не хотел разгораться. Пустота и каша в голове.

Пришел волк, морда в крови. Видно, сожрал кого-то или был в процессе. Я его отвлекла.

- Фу! – Я не дала себя облизнуть и, отодвигая его морду, почесала за ухом.

Мы добрались до дома, и он снова сбежал, доедать кого-то. Хотелось бы, чтобы он остался, потому что-то, дело, которое мне предстояло, требовало от меня львиной доли спокойствия, но отвлекать волка от трапезы это слишком жестоко, поэтому, проводив его глазами, я поставила печать на порог веранды и зашла в дом.

Предстояло снять печати с чердака, и от одной только мысли об этом по телу бежали мурашки. Походив возле печи, потом сходяв и умывшись, вычесав волосы и даже поставив «чайник» на огонь, я, наконец, решилась занести в дом лестницу и подняться по ней на несколько ступеней. Печати, как и прежде, стояли в ряд.

Меня слегка перетряхнуло, и я спустилась вниз. Почему-то снова вспомнила минувший сон и неожиданно задалась вопросом, а кто это вообще был? Даже стало немного смешно. Опомнилась я задаться этим вопросом только сейчас, очень вовремя, но я действительно не знала. Точнее, во сне я знала кто это, но теперь, у меня было только предположение, но не гарантия, поверить в которое почему-то было трудно. Возможно, все дело в том, каким я его запомнила. Неужели это Алекс?

Встав на выступающий порожек в дверном проеме босыми ногами, я зависла. Я называла его то Алекс, то Влад и то и другое имя, подходило ему и в то же время, что-то было

не так, оно соскальзывало с языка, словно мокрый камень с гальки. Он был где-то между этими именами. А может-то всего лишь мои фантазии. Меня немного передернуло, и я снова повернулась к печатям.

На веранду приземлилась ворона и как деловая колбаса вошла в дом. Словно она в нем хозяйка. Прошла по избе, запрыгнула на лавку, а потом на стол. Каркнула, словно подгоняя и взлетев под потолок, села там, на балку рядом с лестницей.

- Пришла меня поддержать? - Спросила я, подходя к лестнице. Та в ответ коротко крякнула, и я забралась на лестницу.

Поднялась к чердаку, сердце снова сжалось, как и все внутренности под ним, но с вороной было не так уж и страшно. Та прыгала по балке, а когда я решила снова спуститься вниз, чтобы взять какую-нибудь тряпку для рук, я надеялась, что такая мера предосторожности, поможет мне избежать очередных странностей и видений, недовольно закричала.

- Не вопи! – Буркнула я, схватив первое, что под руку подвернулась и, наконец, забралась на чердак. Прикасаться к ним желания совсем не было. Хотелось дождаться волков, но чем дольше я смотрела на печати, тем тревожнее мне становилось. Нужно было вышвырнуть их из дома как можно скорее, я просто не выдерживала их близкого присутствия. Не знаю, как я не свихнулась, находясь столько времени под

ними.

Обмотав тряпкой, самую первую печать, я дотянулась до той тряпки, в которой была последняя обнаруженная мною печать и еще ею обмотала сверху, а потом подняла печать. Это оказалось не так просто сделать. Та словно не хотела сдвигаться со своего места и подалась не сразу, но как только это случилось, мне сразу немного подурнело.

Не мешкая больше не минуты, я едва ли не на крыльях слетела с чердака и вынесла печать из дома, поставив ее рядом со змеиной печатью. Не давая себе времени на раздумья и страхи, я также быстро вернулась обратно и с помощью все тех же тряпок сняла следующую печать. Так продолжалось до тех пор, пока не осталась последняя, та самая, которую я нашла последней. Точнее предпоследней, на том жутком пепелище.

Удивительно, как сон про сына, помог мне переключиться от тех событий и запах горелой плоти больше не преследовал меня, но почему-то именно ее я не решилась коснуться. Не потому, что испугалась. Мне почему-то захотелось замедлиться и не спешить. Присесть рядом с ней и ненадолго замереть, чтобы прислушаться к себе. Что-то происходило со мной, пока я была рядом с ней, и это не было чем-то жутким. Удивительно, но именно к ней мне захотелось прикоснуться без тряпки.

На чердаке было темно. Даже с учетом того, что уже наступил день, там все равно было темно. Небо затянуло тре-

возможными низкими тучами, и пока я сидела на чердаке, тихо забарабанил дождь.

Я опустила набок рядом с печатью, которую так и не сдвинула с места. Черная, вся в саже, она стояла на расстоянии вытянутой руки, и я сама не заметила, как потянулась к ней, коснувшись кончиками пальцев жирной сажи.

Жирной сажи...

Меня дернуло где-то глубоко внутри, я поднесла руку к лицу и понюхала, в горло, словно, стрела попала. До меня дошло, и волосы встали дыбом. Это была не магия, не сон. Это была физика. Такая жирная сажа появляется, при сгорании тела. Меня передернуло, и я села. Захотелось уйти. Спустится с лестницы и бросить печать.

Именно таким был первый порыв, но уже спустив ноги на лестницу и взяв в руки тряпки, я остановилась. Снова посмотрела на нее, а потом вернулась, замотала ее в тряпки и, прижав к себе, спустилась вниз. Спрашивая себя, зачем мне ее прижимать к себе, если все печати до этого, я словно горячие банки несла на вытянутых руках, я дошла до ручья и бросила в воду печать. Разодрала тряпку на три части, опустилась на колени в ледяную воду и, используя песок, принялась стирать сажу.

Ледяная вода уносила с собой сажу, смывая из моего горла тошноту. Легкая дурнота оставалась до тех пор, пока я не выскоблила её дочиста. Каждый корень и каждое вороное перо. Черный вороний глаз заблестел, и я заметила на своем

лице улыбку. Меня немного потряхивало. Возможно, от ледяной воды, а может быть дело совсем не в ней.

Подняв печать, уже без всякой тряпки я прижала ее к себе, и мне показалось, что она теплая. Хотя до этого, мне так не казалось. Нужно было вернуть ее домой. Почему-то я решила, что она останется дома, а все остальные останутся за пределами дома. Не знаю, почему я так решила, но это решение было продиктовано ясными как мысли чувствами, поэтому я сделала, как планировала. Вернулась домой, переделалась, завернулась в одеяло вместе с печатью и заснула.

В голове мелькнула мысль, что это плохая идея, но почему-то я не придала ей никакого значения. Я словно спала, еще не заснув, и делала все это в каком-то полубреду, полуживости.

Я не знаю, было ли время ложиться спать, по идее нет, но я, без всяких сомнений, легла в постель, чтобы увидеть сон, от которого не хотелось просыпаться. Там я вдруг не захотела больше возвращаться ни сюда, ни к сыну, потому что спустя миллионы лет я наконец-то вернулась домой. Туда, откуда я родом и куда рано или поздно вернусь.

Там не было ничего, кроме ощущения щемящей тоски и ошеломляющего чувства узнавания. Я узнала это место. Оно словно всегда было где-то в глубине самой моей сути. Центра моей вселенной, того места, откуда берут начало корни моего дерева, но это не более чем метафора, потому что нет слов, чтобы объяснить, что это было за место. Там было толь-

ко ощущение и пустота, утонувшая в полноте. Там был покой и я на своем месте.

Приближаясь к нему, я еще цеплялась за сына, но когда я оказалась там, когда я узнала это место и поняла, откуда я родом, вся пронесшаяся в воспоминаниях жизнь, показалась затянувшимся кошмаром, который, наконец, подошел к концу и снова была дома.

Древние египтяне описывали свой египетский рай как дом, в котором горит свеча, которую зажег умерший, прежде чем уйти в жизнь, которая была смертью и вот он вернулся, в тот самый свой дом, где догорая, его ждала зажжённая им свеча.

Я ничего не поняла, когда услышала об этом на одной из лекций, но все встало на свои места, когда я очнулась в постели в обнимку с печатью. Иначе это описать я бы не смогла и когда пришло время возвращаться, я приложила максимум своих сил, чтобы остаться там, но ничего не вышло.

Слишком рано возвращаться домой, потому сотрясаясь от слез, я очнулась в своей кровати, с печатью в обнимку. С желанием все объяснить, но, не найдя слов, я просто застыла, вспоминая то место. Хотя это не место. Этому не подходят никакие слова. Там нет ничего и там есть всё. Когда окажешься там, не спутаешь ни с чем.

Я бы дала своему скептику усомниться, если бы хоть как-то смогла себе объяснить, свое ощущение узнавания и ликование от возвращения домой, которое я там испытала. Это

была моя самая долгая, самая грустная и счастливая ночь тут. Исцелившая, зияющую дыру в центре моей груди. Мне показалось, что я вижу сквозную пробоину, которая затянулась и через нее больше не сквозит холод и боль.

Глава 14

Короткие ногти, крепкие длинные пальцы, красная тряпка разодранной юбки обхватила стальной клинок и стерла с него кровь. С тихим вжиком меч зашел в ножны, вслед за ним, член нырнул в ширинку.

Пнув ногой, отсеченную кисть, сытый шакал свистнул своего коня и когда тот приблизился, обходя осторожно, усеянную трупами землю, легко запрыгнул на него. Так, легко, словно за спиной не остается мертвая тишина и пропитанная кровью земля.

- Долго ты. – Вытащив изо рта веточку, которой ковырялся в желтых зубах, заметил один из ждущих. Его внешность с жидкими рыжими волосами была менее примечательной, чем у припозднившегося.

Широкие плечи, узкая талия, крепкие ноги, длинные белые волосы, собранные в высокий хвост и заплетенные на висках в тонкие косички. Красивые черты лица, уродовали цепкие злые глаза.

- Упрямая дрянь попалась. – На лице растянулась самодовольная ухмылка, а потом язык скользнул по нижней губе, слизывая кровь из раны.

- Моя визжала как свинья, пока я не свернул ей шею. – Наклонившись, рыжий откинул крышку вытянутого сундука, стоящего на телеге, почти пустого, и его припозднивший-

ся товарищ, швырнул туда несколько мешков с монетами и мятое серебряное ожерелье. Крышка глухо хлопнула, когда ее снова закрыли. Рядом стояло еще несколько таких сундуков, а сбоку от них, наваленные стопкой шкуры.

- А мы думали, это ты так орешь, пока кончаешь.

- Пошел ты. – Процедил рыжий, отворачиваясь, пока его дружки драли глотки хохоча.

Этот смех был единственным, что звучало в онемевшем лесу. Из сгущающихся сумерек леса, отделился сотканный из той же тьмы силуэт вороны. Облетев затихшие навечно дома, птица села на одну из крыш, а потом слетела вниз, заметив через разбитое окно, забившегося в пустую кадучку ребенка.

Ворона увидела его, и гогочущий шакал, нахмурившись, умолк. Обернулся назад, но они уже достаточно отъехали, чтобы возвращаться и выколупывать какого-то щенка из банки. Поэтому рыкнув на приятелей, чтобы те заткнулись, он натянул поводья и пришпорил коня.

Рвущийся крик застрял в груди. Ворона взмыла вверх и уже намеревалась приземлиться к ублюдку на плечо, когда я отдернула руки от печати, разрывая контакт и открывая глаза в ночном лесу рядом с домом.

Тяжелые, натягивающие нутро, как струны спазмы, скрутили тело. Липкий ледяной пот стянул кожу. В горле встал непроглатываемый ком. С трудом держась на ногах, я отошла на несколько шагов от дома и меня вывернуло в кусты.

В ушах тянуло и звенело, горло, нос и желудок драло словно когтями. Я не сразу поняла, что плачу. Казалось, еще один такой спазм и я вывернусь наизнанку.

Когда меня немного отпустило, я поднялась на ноги и дошла на деревянных ногах до веранды, неуклюже плюхнувшись на нее так, что ударилась о порог. Боль ненадолго отвлекла от картинок в голове и заставила переключиться на тело, на спасительное «здесь и сейчас».

Физически ощущение было, будто меня вытащили из барабана стиральной машины, но до этого мне не было дела, потому что я пыталась как-то примириться с мыслью, что можно прийти в деревню и просто поубивать там всех, чтобы изнасиловать женщин и выгрести все ценности, какие были у людей. А было там немного

Воспоминания были настолько яркими и навязчивыми, что я решила сходить до ручья, в надежде, что ледяная вода поможет мне смыть их с лица. Несколько ворон, направились следом. Одна из них села ко мне на плечо так же, как я едва не села на плечо к тому ублюдку. Я надеюсь, он сдох в мучениях, и я это увижу своими глазами. Пожалуй, этого я забывать не захочу.

Руки мелко дрожали и не только они. Умыв лицо в ручье, я посмотрела на терновые кусты, судорога передернула плечами, и, поднявшись, я села на свою кривую скамейку, в той части берега, где выложила небольшой участок плиточником. Сегодня было особенно темно. Луна закуталась

в плотное одеяло туч, и лес казался одним черным пятном, которое разбавляли едва различимые силуэты растений.

Шум от ручья и птичье многоголосье вызывали странный диссонанс тьмы и неспящей жизни. После того как я коснулась вороньей печати, что-то внутри меня встало на свои места. Словно дыра в груди затянулась. Я буквально видела ее своим внутренним взором, ничего не выдумывая, она появилась перед закрытыми веками, прежде чем исчезнуть.

Я не хотела делать выводов и преждевременных наблюдений, потому что сама еще не поняла, что во мне сдвинулось на свое место, вдруг это что-то, если посмотреть на него слишком пристально окажется самообманом?

Я была осторожна, не вглядывалась в бездну, чтобы та не посмотрела в меня, но тем не менее краем глаза я замечала, что что-то изменилось. Словно в мою неустойчивую внутреннюю конструкцию добавилось равновесия, тяжести, плотности и баланса. Что-то встало на свое место, там, где должно было быть.

Я не могу сказать, что я теперь в полном порядке, нет. Просто, что-то изменилось. Не суть. Я все равно не смогу это описать, потому что сама для себя такой же темный лес, как тот, что окружает меня. По ощущениям, кстати, с момента, как я коснулась печати и до момента, как убрала с не руки, прошло не больше четверти часа, но когда я закрывала глаза, было утро, а когда открыла, наступила ночь.

Сначала я не сразу поняла, что происходит, а когда до ме-

ня дошло, я хотела вмешаться, но не могла пошевелиться, до тех пор, пока меня всю не перекорежило от омерзения при осознании того, что я вот-вот коснусь плеча, этой мерзости. Только сильнейшее отвращение помогло пересилить оцепенение и оторвать руки от печати.

Прошла примерно неделя с того времени, как я вынесла печати из избы, оставив рядом с собой свою печать. Все остальные, укутанные в ткань, стояли на веранде, воронью же печать я периодически таскала с собой. То выносила из дома, то заносила, но почему-то была важна граница дома, она должна была быть в моем доме, а остальные печати не должны были там быть.

Корни перестали оплетать дом, как только я так сделала. До этого времени они по чуть-чуть оплетали избу, хоть я их и снимала осторожно, теперь перестали, ну, а я, наконец, поняла, почему Влада так легко управлялась с воронами. Оказывается, это так легко и дело было не в печати. Точнее, Влада не касалась печати, чтобы понимать своих птиц. Я не уверена, что она вообще знала о печати, некоторые воспоминания откинули меня так далеко, что я не уверена, что отец и дед Влады знали о ней, хотя, возможно, они догадывались, но точно не видели ее.

Удивительно, но я, кажется, видела прапрапрадеда Влады, он, кстати, чем-то был похож на Алекса, только волос черный и глаза. Хотя нет, лицо все же несколько другое, у ворон все же характерные черты лица. Не знаю, почему мне

так показалось...

Поднявшись на ноги, я вернулась к дому. Луна ненадолго выглянула из-за облаков и залила своим холодным светом дом и пространство перед ним. Сев рядом с печатью, я посмотрела на одну из ворон.

Раньше мне казалось, что все они одинаковые как капли воды, теперь же меня удивляло, как можно быть настолько слепой. Все они были разными, и у каждой свой характер и даже секреты. Некоторыми они делились со мной. Например, та, что запрыгнула с порога мне на коленку, прятала под одним из кустов в лесу, чей-то кошелек, в котором изначально было несколько монет, а теперь, множество побрякушек.

Никто об этом не знал, кроме нее и меня, и эта маленькая тайна на двоих, делала что-то особенно с нами. Потоптавшись по коленке, птица перебралась ко мне под руку, ближе к локтю и уткнулась в промежуток между локтем и туловищем, подставляя мне спинку, чтобы я ее погладила.

Так, мы и сидели с ней вдвоем, пока луну не скрыла туча. Подняв на руки печать и свою ворону, я вернулась в дом и не став переодеваться в ночнушку, легла в постель. В последнее время все эти ритуалы перед сном, казались мне абсурдом, потому что у меня не было гарантий, что утром я проснусь в своей постели, иногда я просыпалась на полпути к озеру или вообще в каком-то непонятном месте.

В такие моменты кто-то из волков сопровождал меня, и на нем же я добиралась обратно. Вероятно, это было странно,

но мне уже было плевать. Я устала удивляться. Тут все странно, и это странное, с каждым днем становилось для меня все больше нормальным. Мне кажется, даже более нормальным, чем та жизнь, которой я жила, до того как очнулась здесь.

Теперь я чувствовала себя в лесу как дома и не запира- ла дверь не ночь. И честно говоря, я сама не знала, хочу ли я вернуться обратно или нет. Я скучала по сыну, но не по жизни там. Шум машин, реклама, вечный бег куда-то. При мысли обо всем этом начинала болеть голова, и вот это меня уже напрягало, потому что неужели я не вернусь? И больше не увижу сына

От таких предположений, ком собирался в горле и сейчас снова появился. Ополоснув ноги в тазу, я вылила воду, пере- оделась в шорты до колен (сшила их сама из юбки), рубашку и прихватив с собой печать, легла в постель.

Сон не шел, ворона копошилась рядом, видимо, тоже ни- как не могла устроиться. Кто-то из ворон залетел в избу и бегал по чердаку, устраиваясь там на сон. К такому я уже привыкла, у меня порой огромная толпа в избу набивалась, при этом никто ни разу не нагадил на пол.

В избе было темно, хоть глаз выколи, но я видела глаз во- роны на печати.

- Покажи мне его. – Попросила я ее не на что особо не рассчитывая, и сама не заметила, как заснула.

Мы долго летели через лес, всей стаей, пока сквозь гу- стые ветви деревьев, я не заметила электрические фонари.

В груди все потянуло, но я продолжала лететь, боясь, что не успею, что мираж исчезнет. Наконец, я оказалась на полупустой парковке. Под фонарями бились мотыльки, и кто-то из ворон, отвлекся на них.

Почти сразу стало ясно, что это больница, но я не знаю какая, я такую не видела ни разу. Корпус был небольшой, да еще и утоплен в лесу, никакого шума дорог, хотя редкие машины стояли на парковке и среди них была даже скорая. Водитель сидел за рулем и, кажется, смотрел какой-то фильм на телефоне.

Большинство окон, были черными, кроме тех, что выходили в коридор, и по ним изредка сновали сонные врачи. Не знаю, откуда я знала, куда мне нужно лететь, но вспорхнув вверх, я облетела здание и направилась к одному из темных окон.

Приземлиться сразу не вышло, и когти проскрежетали по пологому подоконнику несколько раз, прежде чем я заметила соседнее окно, приоткрытое на проветривание. Из него доносился тихий шум работающей аппаратуры.

В палате было темно, но маленькую фигурку сына, облаченную с ног до головы вовсе былое, я заметила сразу. Он лежал на двух сдвинутых друг к другу больничных кроватях, спиной к окну. У меня не было ни одного доказательства, что это мой сын, потому что на голове был больничный чепчик, но я просто знала, что это он.

Стараясь не шуметь, чтобы не потревожить его сон, я тихо

перебралась в изножье кровати, так чтобы посмотреть на его личико. Он лежал на животе, закинув ногу и руку на соседнюю кровать. Пухлые словно пирожки, щечки и чуть больше вытянувшиеся ручки и ножки. Он подросток. Мой мальчик подросток и все такой же хрупкий. Какой же он маленький

Не знаю, сколько я смотрела на него, блуждая глазами по его лицу, приоткрытому рту и пушистым ресничкам, по маленьким пальчикам. Я с трудом подавила желание обнять его, не сразу вспомнив, что у меня сейчас не руки, а крылья.

Не знаю, в какой момент, что-то изменилось, словно кто-то посмотрел на меня из темноты и я почувствовала этот взгляд в спину, но он не заставил меня обернуться, он заставил меня лишь только оторвать взгляд с сына и, наконец, задаться вопросом, что он тут делает, присмотреться к обстановке.

Он лежал на двух кроватях, по центру, и я не сразу поняла почему, только присмотревшись, я, наконец, заметила проступающий в темноте силуэт на другой кровати, той, что была дальше от окна и ближе к стене. Рядом с ней находилась вся аппаратура, провода и трубки которые, казалось, уходили в саму постель, а не в человека.

Острый нос. Такой заострившийся и немного вытянутый. Такой был у моей бабки в гробу, когда мы ее хоронили, мне тогда тоже показалось, что нос как будто немного вытянулся, но, вероятно, это было, потому что я увидела его в другом ракурсе, хотя сейчас мне кажется, что дело было как будто

бы и не в этом словно кожа натянулась. Такая же землистая и тонкая, как у моей навсегда остывшей бабули.

Если бы не торчащая из трахеи трубка и поднимающаяся вместе с аппаратом ИВЛ грудь, я бы решила, что мой сын лежит рядом с мертвецом. Время заканчивалось, я чувствовала, как мое время заканчивалось тут, но я не могла понять, почему я не узнаю маму. Неужели это из-за инсульта? Но разве инсульт влияет на легкие?

Мысли судорожно металась в голове, пока до меня не дошло, что этот, по сути, мертвый, обтянутый кожей скелет, к чьим утонувшим в матрасе ногам прижимается мой сын, — это я.

Это я повторяла я себе и не верила в то, что говорю. Это была я. Мое место было в гробу, но мое тело вместо могилы лежало на постели, и я не чувствовала его живым, поэтому я не заметила его, когда смотрела на сына, единственное живое существо на этих кроватях, но аппараты тем не менее пищали, и сердце билось.

Тонкие волосы, тонкие руки, кожа, обтянувшая кости. Я не была тощей, как при болезни анорексией, но я словно растаяла. Я и не думала, что тут я гораздо меньшей комплекции, чем там, и волосы другие. Сейчас у меня длинный и густой, толстый черный волос, а тут тонкий, полупрозрачный и спутанный, тянулся по острым плечам к впалой груди.

Руки, оплетенные проводами, перевернуты ладонями вверх, в одной из них лежит желтая машинка. При виде нее

мне стало плохо, а в следующую секунду я резко взлетела, сама не знаю, на что я среагировала, но если бы я этого не сделала, меня бы прибило к стене, под ногами пронесся поток воздуха.

Ударившись о потолок, потом о стену, я, наконец, приземлилась на аппаратуру у изголовья и застыла, смотря на черный силуэт и горящие в темноте глаза. Я не сразу поняла, кто это. Два золотых глаза смотрели на меня, полными ненависти глазами.

- Убирайся отсюда - Сдавленным, приглушенным, видимо, чтобы не разбудить сына, голосом сказал Влад. От его голоса у меня по шее побежали мурашки, и я почувствовала свое человеческое тело, обнимающее печать. Я так давно не слышала его голос и сейчас, словно впервые услышала его.

Ему было бы трудно подойти ко мне, потому что пространство от стены до окна было не широким, явно предназначенным для одной кровати, а туда втиснули еще одну, и на ней спал Тёма. Соответственно, пробраться ко мне с комплекцией Влада, было бы, возможно, но трудно, поэтому я не спешила улетать.

Что-то знакомое при виде него, просыпалось где-то в самой глубине моего существа, что-то, что заставляло сжимать челюсти и делать гадости. Не знаю, что за беса он во мне всегда будил, но и сейчас он тоже пробудился.

Моя злость отразилась на вороне, и та пригнувшись, закричала, разбудив и сына. Я дернулась, понимая, что мы вре-

дим ребенку, но Влад, этот слон в посудной лавке ломанулся в мою сторону, а вороная не знаю, принимала ли я сама в процессе участие или нет, но как отравлять жизнь окружающим вороны, вероятно, знали еще в яйце, потому прежде чем вылететь из окна, мы едва не оставили Влада без глаза, но этого так просто не напугаешь, потому, как только я вылетела из окна, рандеву продолжилось на парковке.

Этот псих, выскочивший из больницы, добежал до своей машины и вытащил двустволку, пока он ее перезаряжал, мы обосрали ему машину. Ничего приятней в своей жизни я еще не делала. Правда, долго поразвлекчсья не вышло, потому что этот живодер, мерзкий браконьер, покупавший лицензии на убийства всего живого чего можно в нашем государстве, имел также и разрешение на хранение оружия. Так что двустволка в его машине, меня в целом не удивила, но пришлось удирать до того, как он кого-нибудь из нас пришлепнул. Помогли сумерки и ночь. Без них навряд ли мы бы унесли ноги без потерь.

Глава 15

Я не сразу поняла, что слышу раззадоренное, смеющееся карканье ворон из своей постели, а не на одной из ветвей. Я знала, что они смеются, я и сама смеялась. Мне было весело до тех пор, пока глубоко вдохнув и шумно выдохнув, я вдруг не вспомнила желтую машинку в безвольной руке.

Грудь сдавило, и втянутый воздух остался запертым в груди. Я вдруг забыла, как дышать, смотря в пустоту слепыми глазами и видя перед собой то желтую машинку, то Темину макушку в больничном чепчике. В моих воспоминаниях он, как и прежде, беззаботно спал на кровати рядом с полумертвецом.

Взгляд медленно опустился вниз. Рядом копошились вороны, кто-то ходил по мне, и я посмотрела на свое тело под одеялом, на свои руки и ноги. Поднесла ладони поближе, чтобы разглядеть их в предрассветном сумраке избы.

Длинные пальцы, крепкие и красивые, немного загорелые. Тут кожа была другой, плотной, теплой, живой, там тонкой, полупрозрачной, белой. Сжав и разжав руку, я так и не обнаружила в ней желтой машинки. Приложила ладонь к щеке, вдруг мне кажется, что я ее вижу, вдруг я там в палате, едва живая, но щека была теплой, а вскоре стала влажной.

Постепенно по чуть-чуть до меня доходило осознание, что я там живахотя скорее больше мертва, чем жива, но тем не

менее тело мое живо, хотя когда я оказалась там как ворона, я не чувствовала там ничего живого кроме сына и Влада, чей взгляд почувствовала гораздо раньше, чем обернулась к нему. Но меня там не было.

Тиски с груди, перебрались на горло. Его сжимала надежда и отчаяние. Он держит меня на аппаратах, хотя я там больше мертва, чем жива. Я захожу в озеро мертвых у дерева, куда не входят живые, потому что я на границе мертвых? Поэтому я могу в него заходить? Хотя Влада тоже могла...

- Я ее не отдам! – Эхом донесся до меня голос Влада из воспоминаний.

Он носился за мной по палате и что-то говорил. Только сейчас я задумалась над его словами. Там я на них не обращала внимание, потому что была больше птицей, чем человеком, но теперь от этих слов побежали мурашки.

Что значит не отдаст? Он это вороне говорил? Он решил, что ворона пришла за моей душой? Он знает что-то про ворон или это просто какая-то его ассоциация? Он ведь мог ворону выгнать, если бы это была просто птица для него, зачем такое говорить? Он обращался к ней, то есть ко мне как к человеку, но он не узнал меня в ней? И я не знаю, должен ли был...

Мысли метались по голове, запертой в палате птицей. То Влад, то сын, то желтая машинка в руке, то мой нос вытянутый и острый, словно у покойницы. От воспоминаний о самой себе становилось особенно лихо. Настолько плохо, что

вскоре я утратила возможность разглядывать фотокарточку памяти со своим изображением, вместо меня там вскоре появилось только черное пятно, но рука с машинкой осталась на месте.

Несколько дней прошли в каком-то странном тумане. Меня знобило, мысли, словно вспышки возникали из пустоты и снова исчезали, а я либо спала, либо тарасилась в пустоту, пытаюсь думать о чем-то, кроме воспоминаний, двигаться дальше, но ничего не выходило. Я словно так и не вернулась из той палаты. Застряв между мирами.

Вскоре я переключилась на ворон, большую часть дня проводя в убаюкивающих сознание полетах, пока не наткнулась на небольшую деревню. Я уже находила несколько таких, но быстро выбрасывала их из головы, потому что больше не собиралась искать людей и «выбираться из леса», но тут меня зацепил мужик и ребенок.

Неловкий увалень, опасливо оглядываясь, ползал по лесу с сынишкой на закорках и собирал траву. Я долго наблюдала за ними, мальчишка был чуть старше Темы моего и страдал от псориаза.

При виде вороны, мужик убежал, но через день вернулся, ну а мы нашли его дом на отшибе. Жалко их стало, точнее, мальчишку, и я подумала, что могла бы собрать для них трав и сделать мазь, которая поможет с такой проблемой. Не вылечит, но облегчит симптомы точно. Тем более мне как фармацевту тут было что применить.

Из угла своего я выбиралась с трудом. Несколько дней неподвижности отразились слабостью в теле, но волки, которые, видимо, переживали за меня, так оживились, когда я вышла, что едва не снесли меня с ног, крутясь вокруг, облизывая и тыкаясь холодными носами, то в шею, то в щеку.

- Да жива я, здорова - Бормотала я, утешая их и стыдясь за то, что и не подумала о них, пока валялась в своем забытии все эти дни.

Привела себя в порядок, перекусила тем, что осталось и, прихватив корзину, отправилась за травами для мальчишки. Не знаю, что случилось с лесом, но я вдруг поняла, что сейчас середина лета. Откуда-то повылезала куча ягод и грибов!

В итоге вместо трав я, охваченная приступом жадности, металась по лесу и собирала грибы и ягоды, вспоминая попутно, как мы с Владом воровали капусту. Точнее, я-то ничего не воровала, но этот браконьер несчастный, когда мы съехались и денег у нас было кот наплакал, он постоянно могался рыбачить и меня тащил, хотела я того или нет. Буквально в одеяло, как блинчик закатывал и на руках выносил, потому что добровольно подниматься в такую рань я бы не согласилась ни за что.

Влад рыбачил, а я досыпала в машине, потом что-нибудь поймав, мы возвращались домой, где я должна была готовить эту вонючую рыбину. Запах стоял блевотошный, я такое не любила, но почему-то его обижать не хотела, он так собой гордился и рыбой этой, и я, честно говоря, им тоже горди-

лась.

Интересно, как бы он жил тут, попади он сюда вместо меня. Скорее всего, никаких бы крокодиловых слез не было. Жил бы этот гад тут припеваючи. Как только у него появились первые лишние деньги, он с рыбалки на охоту переключился. Получил разрешение на хранение оружия, ну, а дальше внаглую браконьерничал со своими дружками и еще какими-то мужиками, каких я не знала.

Я во всем этом решительно отказалась участвовать. Еще рыбалку я как-то могла понять, но не охоту. Мои увещевания ни к чему не привели, да и было ясно, что есть в нем странная тяга, кого-нибудь убивать. Наверное. Не знаю. Просто я чувствовала его эту тьму внутреннюю и честно говоря, она меня не напрягала. Интересно почему, но мне было все равно. Если бы не мама, мы в целом неплохо сосуществовали вместе. Дрались, скандалили, но ненависти не было

Когда же все изменилосьдумать об этом не хотелось. Лучше о капусте. О ней безопасней. Так как Влад таскал меня на рыбалку, хотела я того или нет, я напряглась, когда он собрался куда-то на ночь глядя и без меня. Я тогда сильно переживала, что он свяжется с «братками», потому сторожила его чутко, и тут он куда-то ночью намылился.

Он пытался меня отговорить, но я напросилась следом и пожалела. Я знала, что у него совесть и стыд, отпали вместе с пуповиной, но чтобы настолько Мы приехали на поле ночью. Я, он и его приятель с девушкой. Набились в Владову

девятку и поехали. Все смеялись и косились на меня. Я не могла понять почему, пока мы не приехали на поле.

- Ого - Пробормотала я, удивленно, смотря на работающих в поле людей. – Даже ночью, в темноте трудятся

Дружный гогот был мне ответом.

- Сиди в машине. – Выбравшись из-за руля и закинув мешок на плечо, сказал Влад. – А то еще потеряешься между грядок, ищи тебя потом свищи. – Он наклонился и ехидно улыбнулся. – Ну а я пойдупотружусь с остальными.

- Я с вами.

- Сиди тут. – Отрезал Влад, поцеловав меня в кончик носа.

По плечам побежали мурашки. Я вдруг вспомнила, что он тогда называл меня вороной, а мой нос острым как клюв. У меня едва комплексы не появились, и я с таких его шуточек начала более придирчиво разглядывать себя в зеркале. Нос как нос. Да, острый, возможно, чуть длиннее, чем у всех, но он совершенно не портил лицо. Мне вообще мой нос нравился. На самом кончике едва заметно проступал острый хрящик, отчего нос казался острее. В общем, нос мне мой нравился, и шутки те меня вскоре выбесили, до такой степени, что я разругалась с ним вдрызг и добилась, чтобы он меня так больше не называл и он перестал. Я уже и забыла об этом

Тогда он снова назвал меня вороной и ушел. Он сделал бутерброды и отдал их мне, я откусила от одного, но есть не хотелось. Тем более в отличие от него, копченый сыр колбаской я не любила.

В салон машины залетели комары и решили, что я их ужин. Я пыталась отбиваться, но решила, что на улице мне будет проще, чем в машине, и я всё-таки вышла «помогать». Пока я искала этих «тружеников» среди остальных «трудо-голиков» до меня дошло, что это все просто ворующие с колхозных полей капусту студенты.

Кто на великах, кто на машинах, а кто на своих двоих, кто-то даже с коляской, они все собрались ночью и набивали себе сумки и мешки. Когда я нашла этого вора и браконьера с его шайкой, они уже напихали два мешка капусты и довольные собой шли в мою сторону. Мне дали кочан капусты, и я, не удержав равновесия в рыхлой почве, свалилась с ним между грядок, вызвав очередную волну веселья и приступ бешенства.

Если бы не его друзья, он бы у меня прям там бы и отхватил, а так пришлось терпеть до дома, да еще и, как назло, пока я под их хохот боролась с капустой и гравитацией, послышался крик, что сторож идет и все бросились врассыпную. Я только поднявшаяся на ноги с этим проклятым кочаном, снова свалилась, когда какой-то лось промчался мимо.

До того как я поняла, что происходит, Влад выдрал у меня из рук кочан, бросив его на землю, забросил меня на плечо и с мешком капусты в одной руке и со мной на плече, побежал к машине.

С вами на плече когда-нибудь бежал двухметровый детина? Да еще и в темноте, попутно неся мешок МЕШОК, капу-

сты! Я не знаю, от чего я была в большем шоке, оттого, что за нами на велосипеде по ухабам гнался дед с двустволкой, заправленной солью, или оттого, что со мной на руках бегут по какому-то полю, и мне казалось, что я вот-вот свалюсь и дед меня расстреляет.

Я так испугалась, что ни звука не издавала, держась за немного взмокшую Владову футболку. Он со мной на плече ласточкой запрыгнул в салон уже заведенной машины, попутно забросив мешок в открытый багажник. Он его даже закрывать не стал. Так, мы удирали еще какое-то время от осатаневшего деда, который явно вознамерился нас догнать и даже стрелял по машине, но потом, видимо, переключился на каких-то других жертв, и мы, наконец, уехали.

Вцепившись в Влада, я с глазами, как у совы вернулась домой. Я была в таком ужасе и шоке, что даже не ругалась, и вскоре Влад перестал надо мной смеяться и забеспокоился.

- Ну что ты - Он стер с моей щеки грязь. – Пошли мыться, ты вся в земле. Я ванную набрал.

- Нас посадят? – Выдавила я из себя уже в ванной, где пар от горячей воды стоял такой, что дышать было трудно. Влад всегда мылся в очень горячей воде.

- Чего? – Не понял он, замерев и перестав намыливать мне голову.

- Дед нас запомнил он пойдет в милицию, и нас посадят-ы-ы-ы-ы - Плотину прорвало, и я заревела. Я при нем почти не плакала. Я вообще редко плакала тогда, я с ним чаще

дралась, чем плакала, и он обалдел. Он то смеялся, то серьезно на меня смотрел, пытаюсь, видимо, собраться с мыслями.

Он пытался шутить, что сесть за кражу капусты — это, конечно, надо постараться. Называл меня «капустная гроза» и «грядкин оковалок», но мне было не смешно. Вру. Немного было смешно, но он меня больше бесил.

- Тебе не стыдно?! Это же воровство! – Возмущалась я, наблюдая, как бессовестный спокойненько шинкует ворованную капусту, готовясь тушить ее. Он был в одних спортивных штанах, хорошо сидящих на его крепких ягодицах. Стройная талия, широкие плечи, сильные руки. Сложно было сосредоточиться на мыслях и возмущаться, когда он такой потрясающий стоит перед тобой и готовит.

- Не согрешил - не покаялся. – Отмахивался он.

- Как тебе не совестно только

Выбрав кусочек листа из нашинкованной капусты, он преврал отповедь, засунув мне его в рот.

- Земля принадлежит народу, мы эту капусту сажали, так что она, так сказать, «наша». – Отмахнулся он, но я с него требовала, чтобы больше он такого не делал, и он согласился. Вероятно, не потому, что благородных чувств преисполнился, а знал, что если я прознаю, будет долгий и утомительный скандал.

Удивительно, мы жили тогда хуже всего, денег почти не было, я работала, он учился и подрабатывал в свободное время, кровать была шириной с его спину, потому спать там

можно было только друг на друге, но так как меня бы он раздавил, я спала на нем как панда на ветке, и даже когда мы переехали в другое место, еще долго продолжали спать друг на друге.

Вспомнилась поездка в Питер. Я долго крутилась на верхней полке, пока бабка на соседней полке не уснула и Влад не позвал меня, похлопав по себе.

- Бабка увидит. – Тихо сказала я ему, выглядывая с верхней полки.

- Она уже десятый сон видит. – Отмахнулся он. – Иди сюда и снова постучал по груди. Словно предлагал в сердце свое спуститься. Я слезла к нему, забралась на него, он накрыл нас одеялом, и мы мгновенно отрубилась. Если бы его длинные ноги не торчали из кровати и не мешали людям ходить по коридору, возможно, проснулись бы мы уже в Питере, а так пришлось еще пару часов ехать под осуждающим бабушкиным взглядом.

- Вот молодежь бесстыжая пошла - Вытаскивая сумки из-под сиденья, шипела бабка. Влад ей помог их вытащить и вынести из вагона, и она перестала на нас смотреть такими колючими глазами. – Эх, молодость. - Цыкнула и ушла.

Воспоминания схлынули, оставив меня сидящую на пне с пустыми глазами, смотрящими в никуда. Так, остро захотелось вернуться в то время, что подбородок задрожал, а уголки губ потянуло вниз так, словно кто-то навесил на них грузики.

Глава 16

Наверное, я заскучала по нему. Его борьба за меня там, всколыхнула сентиментальные чувства, и меня потянуло вспоминать все хорошее, что было между нами, но на самом деле мы скандалили так же часто, как целовались.

Он бесил меня, а я намеренно выбеживала его. Теперь, после того как вся жизнь Влады, пробежала перед моими глазами и мозг, словно запрограммированный механизм, несмотря на все мое сопротивление, нашел множество совпадений, можно признаться себе в том, что я множество раз провоцировала его, чтобы проверить границу его терпения.

Я хотела «нажать» на него посильнее, чтобы понять, что будет. Как он поведет себя. Достаточно ли сильно он любит меня, чтобы не сорваться? Бросит ли он меня, как папа маму? А еще чтобы я не думала про Владу, я так же как и она, безумно ревновала и заставляла его ревновать меня.

Зубы прикусили нижнюю губу, отдирая сухую корочку, под которой появилась ранка, по ней пробежался язык. Честность с собой мне всегда давалась тяжело. Не знаю, что за бес в меня вселялся рядом с ним, но я была в постоянном состоянии тревоги от ожидания, что он вот-вот предаст меня. Уйдет к другой. Ударит. Изменит. Я не знаю. Подошла бы любая из причин, после которой ожидаемое станет реальностью, и я, как пророчила мать, «приползу к ней».

В какой-то момент я так устала думать о том, как пережить его неминуемое предательство и не умереть от боли, что уже хотела, чтобы оно случилось. Чтобы эта каторга изматывающего внутреннего ожидания беды, наконец, закончилась, все свершилось и я бы как-то жила дальше с чувством «выполненного долга», где все мои опасения подтвердились, и я оказалась права.

Я не хотела продлевать агонию, обреченной на гибель любви. Ведь не бывает же так, чтобы люди могли любить друг друга так долго? Ни у кого из тех, кого я знала в детстве, в их семье не было «книжной любви» между родителями, у большинства не было полной семьи, а у кого была, там были чаще всего отцы-алкоголики или еще чего похуже. Тем более такой, как Влад Красивый, умный, сильный. Упрямый как черт.

Наверное, главной проблемой было то, что я его любила сильнее, чем могла себе позволить. У нашего будущего было больше шансов, если бы я его не любила. Если бы мне было все равно. Есть он, нет его – все одно.

Только рядом с ним я поняла, что именно такого «ненужного» мужа я себе и хотела. Чтобы поворачивать утром лицо вбок, и увидев лицо, не вызывающее во мне ни малейшего шелеста чувств, заново его вспоминать, а перед сном легко забывать. И даже если оно вдруг изменится, не замечать разницы. Я даже готова была расплатиться за это своим телом. Отдавая его тому, кого я не люблю. Во всяком случае, мне

так казалось.

Пожалуй, я просто ничего не хотела чувствовать ни к кому, потому что все чувства, которые я к кому-либо, когда-либо испытывала, были болью в разных ее вариациях. Папа ушел, мама постоянно талдычила мне, что скоро помрет, до моей свадьбы не доживет, что я плохая дочь, что я ее брошу, как и отец, и так оно и вышло

Она оказалась права, по итогу я ее бросила, когда как последняя вертихвостка сбежала с Владом и каждую ночь, прижимаясь к нему, я казнила себя за то, что бросила маму, которая только для меня и жила все эти годы. Быть с ним, оказалось преступлением против нее.

Она всегда говорила, что я вся в своего отца, и всю жизнь я пыталась доказать ей обратное, но так оно, видимо, и было, она оказалась права, потому что я тоже бросила ее, моего самого дорогого человека, и, конечно, я боялась, что судьба накажет меня и меня бросит самый дорогой человек, которого я уже ненавидела за то, что любила.

Мне было невыносимо больно от мысли, что мы расстанемся, и страшно было представить, что мама испытывает нечто похожее, возможно, даже сильнее из-за того, что я бросила ее. Вина сжирала меня изнутри.

Почему-то мне всегда приходилось выбирать, между мамой и папой, между Владом и мамой. Я не хотела делать этот выбор, не хотела переживать боль из-за своего выбора. Почему, если они любили меня, никто из них не избавил меня

от необходимости выбирать между ними?

Я злилась на них, в основном на маму, за то, что она заставляла сжиматься внутри меня пружину и упрямо пророчить мне беду, обещая, что Влад плохой выбор и поступит со мной так же, как отец, поступил с ней.

Я ежедневно вела дискуссии в своей голове с мамой, защищая Влада, и в то же время, хотела, чтобы он сделал что-то, что освободит меня от него и от чувств к нему. От боли, раздирающей душу тоски, поселившейся во мне с той минуты, как я подумала о том, что то, о чем говорит мама, может действительно случиться.

В какой-то момент я поймала себя на мысли, которую мгновенно отогнала, но все равно запомнила. Я представила, как он ударит меня. Как это все решит. Развяжет мне руки. Подтвердит мамины слова, можно будет вернуться к ней и разлюбить его, ведь я полюбила иллюзию, из раза в раз, оказывалась правдой. Я доводила его как одержимая, чтобы он уже, наконец, сорвался и он срывался, но недостаточно сильно, чтобы это оправдало мой уход.

Он угрожал мне, бил в стены кулаками, однажды выломал дверь, потому что я там заперлась, в очередной раз «собирая вещи». Я выворачивала и ему, и себе нервы наизнанку и ненавидела себя за это. Спустя три месяца совместной жизни, я съездила к маме, хотела помириться. Я звонила ей на работу, но она бросала трубку, не желая разговаривать со мной, и я понемногу сходила с ума. Измучившись от тоски

и вины, я, купив тортик, приехала к ней. Она плюнула мне в лицо и захлопнула дверь.

Лицо горело огнем. Я словно вся горела. Я чувствовала себя последним ничтожеством и таким же впервые ощутила Влада Прирастая к нему с чудовищной скоростью, я с каждым днем воспринимала его как часть себя, а к себе я относилась плохотакое ничтожество, как я, могло полюбить только такое же ничтожество.

Я не заметила, как мое отношение к себе, перенеслось и на него, это ведь логично, только такое же ничтожество как я, могло полюбить меня. Я начала его презирать так же, как в глубине души презирала себя.

Нет, конечно, это все неправда. Относилась я к себе нормально, просто злилась иногда, просто нужно быть порой с собой построже, чтобы чего-то добиться. И к нему я относилась нормально. Все у нас было хорошо, я просто ковыряюсь во всякой ерунде, я его любила и заботилась о нем. Просто он был бесячим говнюком, бросавшем из раза в раз мне правду в глаза, которую я не хотела слушать, и я также жалила его правдой. Но все было нормально, все было хорошо

Струна лопнула где-то внутри, и глаза заволокло пеленой. Сцепленные челюсти закрипели зубами. Отложив деревянную ложку, которой мешала растопленный жир для мази, я несколько раз сжала и разжала кулаки, а потом, чувствуя, что вот-вот задохнусь, выскочила из дома.

Она словно ждала меня. Привалившаяся плечом к бере-

зе, стояла Влада. Все такое же черное платье, но на этот раз на ней были длинные, до локтя красные перчатки. Понимаяще ухмыльнувшись, она помахала мне рукой, а потом надела алый кокошник, перебросила через плечо косу и изобразила наивно невинные глаза, как у Настеньки в морозко. Она кривлялась и едва сдерживала смех, пока я не влетела в нее и не вцепилась в волосы.

Не знаю, возможно, это был сон, потому что до этого я никогда не касалась ее, а тут мне удалось вцепиться ей в волосы, и мы просто обезумели. Я ненавидела ее, потому что вся вереница эпизодов из ее жизни, которые я вспомнила, заставили меня увидеть, параллель между тем, что делала она и я, и эта параллель, совершенно неожиданно, вывела меня на откровенность с собой, к которой я была не готова. Я впервые озвучила самбй себе все эти мысли, точнее, я впервые дала этому голосу договорить до конца.

На каждую свою выходку я могла бы привести три выходки Влада, которые заслуживают всяческого порицания, но сейчас, перед лицом правды, осевшей на горящих щеках оплеухами, это выглядело бы как оправдание.

Я расцарапала лицо ей, она мне, вырвала ей клочок волос, она едва не сняла скальп с меня и с чувством полной уверенности, что я сумасшедшая, отправилась доваривать мазь. Ссыпала в нее все подготовленные травы, перемешала и задула огонь. Собрала лохматые волосы в хвост и до того, как по лицу побежали подступившие слезы, схватила воронью

печать, вынесла ее на пороги и сжала двумя руками, закрывая глаза.

Я сжимала ее изо всех сил, кусая губы и давя слезы, пока, наконец, не услышала шелест, словно тяжелая тряпка колыхнется на ветру. Это оказались знамена вдоль длинной каменной стены. Холодный ветер обдул разгоряченное лицо и высушил слезы, щиплющие царапины на лице. Слава богу, можно отвлечься от себя

На знаменах была лошадь, вставшая на дыбы, с какой-то штукой из перьев на голове. На ней не было седла и узды, просто лошадь с перьями на голове и золотым украшением из круглых пластин на груди. Больше ничего. Длинная стена опоясывала огромную территорию, которую не сразу мог охватить взгляд, и отсекала лес от огромного, широкого замка, в несколько этажей.

Никаких узких башенок, тянущихся острыми пиками к небу, наоборот, замок больше напоминал плоское, устойчивое укрепление, словно приплюснутое к земле, и на нем были те же знамена.

За стеной много людей и лошадей. Те не были привязаны и бродили за своими хозяевами свободно. Вся территория за стеной больше напоминала огромное пастбище с хаотично разбросанными домами без деревьев. В основном все деревья были за стеной. Зато много сена, охапками уложенного рядом с домами.

Неожиданный крик патрульного из-за спины, заставил

дернуться и, отпрянув в сторону, обернуться. За стеной из леса вышла уже знакомая мне шайка головорезов. Если бы не их белобрысый вожак с вороной на плече и телега, с сундуками больше напоминающие гробы, я бы их не признала.

Одеты они были совершенно по-другому: легкую кольчугу заменил отполированный доспех, в руках знамена с волком и вороной, а на лицах любезные улыбки. Точнее, улыбка. Лицо было видно только у белобрысого. Единственное, что напоминало о тех зверствах, что я видела, — это доверху набитая телега, которую едва волокли два запряженных в нее коня.

Пустые сундуки теперь были набиты доверху, и один из них не закрывался до конца, из него на шкуры вывалилось немного блестящих монет.

Было что-то особенное в том, что бы увидеть кого-то хуже себя и испытать от этого облегчение.

- Я Рейнар Ворн, посланник владыки Волчьего трона и хранителя Вороньих земель. Я прибыл не с мечом, но со словом своего короля. Откройте ворота, мы просим аудиенции!

Разговаривавший с головорезами постовой, не выглядел удивленным. Сплюнув себе под ноги, он хмуро глянул на невысокого парнишку, державшего в руках голубя. Кивнув ему, он спустился вниз к воротам. Из окна над ним вылетела птица. Сняв широкий засов, с небольшой дверцы в высоченных тяжелых воротах, постовой вышел из-за этой двери и, заправив руки за свой ремень с оружием, встал перед при-

бывшими. Между ними был мост через ров.

- Я отправил уведомление о вас моему господину. - Он наклонил голову набок, придирчиво разглядывая прибывших. Они ему явно не нравились, и я была солидарна с его чуйкой. – Отдайте любого из ваших коней. Позже мы вернем его. – Выдвинул он неожиданное требование, и прибывшие, переглянулись.

- Неужто дела ваши так плохи, что в лошадином государстве не осталось лошадей. – Оскалился в кривой улыбке, которая должна была быть вежливой, белобрысый.

- Таковы правила. Отдайте любую из лошадей или останетесь тут до тех пор, пока не согласитесь.

- Наши лошади нужны нам самим - Менее уверенно ответил лидер шайки. – Но ради нашего доброго сотрудничества, я готов на такую мелкую услугу.

Он слез со своего коня, подошел к одному из коней, запряженных в телегу и, отвязав его от упряжи, направился к постовому. Тот вскинул руку, останавливая его.

- Он придет сам. – Постовой свистнул, и черный конь, дернувшись, обернулся к нему, неуверенно отступил, но потом быстро, словно опомнившись, побежал через мост. Гулкий стук копыт по деревянному мосту разносился в тишине, разбавляемой лишь шумом деревьев в лесу.

Постовой демонстративно снял с него узду и, отшвырнув ту на землю, завел коня внутрь, бросив равнодушное «ожидайте». Звук закрывающегося засова на двери был слишком

громким. На лице белобрысого отразилось недовольство и замешательство. У меня в груди растеклось приятно ощущение удовлетворения.

Глава 17

Они их продержали у ворот несколько дней до тех пор, пока разъяренные прибывшие, изрыгая угрозы, не собрались уходить.

- Приносим свои глубочайшие извинения, Его Величество не сразу известили, так как он только прибыл с охоты. – Любезно улыбаясь неискренней улыбкой и низко кланяясь, объявил миловидный юноша с большими выразительными глазами. – Извольте следовать за мной.

Злой, как сатана белобрысый спешил с коня, на которого забрался, чтобы уезжать.

- У вас принято не давать путникам ночлега? Гостеприимство короля — его лицо.

- Это наша вина. – Юноша снова низко поклонился. – Виновные в такой халатности понесут суровое наказание!

Глаза белобрысого, с аккуратно уложенных кучеряшек на причёске встречающего, переползли на стоящего вразвалку "виновного", перекатывающего во рту соломинку. Судя по прямому взгляду, наглой, расслабленной позе тот либо не боялся никакого наказания, либо был уверен, что его не будет.

- Где мой конь? – Приблизившись вплотную к патрульному, выплюнул прибывший.

- Какой конь? – Переспросил ничего не понимающий юно-

ша.

Судя по лицу, белобрысому пришлось приложить усилия, чтобы сдержаться.

- Я забрал у них, старую больную клячу. – Прокомментируйте ситуацию полевой. – Ее вы заберете в замок.

Там явно была не старая больная кляча, а молодой крепкий жеребец, и сомнений в этом не было ни у кого из присутствующих, но все молчали, метая друг на друга многообещающие взгляды.

Их проводили в покои, принесли еды, даже дали женщин, но те оказались настолько плохи, что после их появления, ни у кого из прибывших не осталось сомнений в том, что им не рады, хотя формально гостеприимство было оказано.

Аудиенции пришлось ждать еще несколько дней, во время которых от них шарахались как от прокаженных. К концу третьего дня, разъяренный волк, собрал всю свою шайку и заявился к королю прямо в разгар званого вечера, к которому их никто не пригласил.

- Ваше Величество... – Поклонившись недостаточно низко для статуса того, кому кланяются, белобрысый, растянул неискреннюю, но любезную улыбку. – Вероятно, ваши подданные не доложили о нашем визите, но у нас, увы, уже нет времени дожидаться, когда они вспомнят о своих обязанностях.

Король отставил тяжелый золотой бокал, убрал с него руку, усеянную перстнями, и, перевел на прибывших тяжелый

взгляд из-под густых бровей. Он был стар, кожа висела на нем как на старом бульдоге, но в осанке чувствовалась королевская стать, для старика он был просто огромных размеров, сильные плечи, тяжелая челюсть, немного вытянутое, продолговатое лицо. Раздраженно вздохнув, король откинулся на спинку своего кресла и развернулся в сторону прибывших, время шло, а он продолжал молчать, разглядывая стоящих в конце богатого стола незваных гостей.

Напряжение и неловкость уплотнились в молчаливом пространстве, где, кажется, было неловко всем кроме короля и нескольких его приближенных, также вальяжно развалившихся в своих креслах и с нескрываемой брезгливостью рассматривающих прибывших волков. Одна из благородных дам, не выдержав напряжения, закашлялась и, извинившись, неловко выбралась из-за стола и ушла. Когда смолк стук ее каблуков, король, наконец, заговорил.

- Я планировал принять вас завтра. – Зычный глубокий голос разнесся по сияющей множеством свечей зале. – Но раз уж вы уже тут не будем откладывать в долгий ящик, нашу беседу. – Король тяжело поднялся, за ним встала еще дюжина крепких, здоровенных мужчин, и все они направились вон из зала.

Заявившаяся троица без нескольких своих напарников, ждущих их в конюшнях, направилась следом. Они вышли из сияющего множеством свечей зала в темный, холодный коридор и долго шли вдоль него, углубляясь вглубь замка, по-

ка гости не поняли, что они постепенно спускаются в подземелье, но отказаться не представлялось возможным, потому сжимая руки на рукоятках своих мечей, волки шли следом.

Наконец, одну из дверей с протяжным скрипом, проехавшимся по костям, открыли, и король зашел в пустое, угрюмое помещение, вдоль которого висели цепи, а у небольшого окна в противоположной части достаточно широкой комнаты стоял грубо сколоченный, темный трон, на который король сел, сцепив узловатые пальцы в замок и уставившись на прибывших. По бокам от него встали его приближенные. Волчьим головорезам было явно не по себе. Въевшийся в стены запах крови волновал нутро дурным предчувствием.

Король ничего не говорил, лишь взглядом дал понять, что они могут говорить. Слетевшая бравада заставила немного растеряться, но белобрысый взял себя в руки и с вызовом посмотрел в непроницаемые глаза старого короля.

- Мой король прислал вам дары и пожелание долгой дружбы- Он запнулся, вероятно, не таким и в не таких обстоятельствах белобрысый представлял себе этот разговор. Уверенность несмотря на выдержку таяла, и взгляд становился неуверенным и суетливым. Речь, которую он заготовил и множество раз прокручивал в своей голове, полируя слова как клинок, теперь выглядела глупой и нелепой, но другой у него не было.

Пауза затягивалась. Неожиданно в окно залетела ворона, все обернулись при виде нее. Она перепрыгнула с подокон-

ника на спинку кресла короля, но быстро взлетела вновь, облетела камеру и села к белобрысому на плечо. Его глаз затянуло вороньей тьмой и напряженное лицо расслабилось, словно утрачивая признаки присутствия личности.

- Вы укрываете у себя, старую ворону с птенцом и рыжую лису. Отдайте их нам, мой господин гарантирует жизнь наследнику вороньего престола и его бабке - Белобрысый словно захмелев, усмехнулся, ненадолго прикрывая глаза. Когда он снова поднял веки, воронья чернота исчезла. Теперь перед ними стоял голодный волк с сияющими золотом глазами. - А также верную дружбу. - В уголках губ задрожала насмешка.

Король долго молчал, словно, забыв о присутствии, кого-либо в этой комнате. Пока, наконец, нетерпеливый волк, не кашлянул, напоминая о себе.

- Так что мне передать моему королю?

- Передать? - Король удивленно вскинул тяжелую бровь и посмотрел на шакала перед собой. - Ты уже все передал.

- Но ваш ответ? - Волк нахмурился.

- Мой ответ твоему королю не нужен.

Волк явно растерялся, не ожидая такого ответа, его взгляд забегал по присутствующим, он даже обернулся к своим напарникам, которые также не понимали в чем дело.

Сидящий напротив король снисходительно усмехнулся.

- Ты так жесток, потому что глуп. Ты даже не понял, что твой король не нуждается в союзе с нами? - В глазах короля

отразилась насмешливая жалость. – Ему нужна война.

Король медленно поднялся, собираясь уйти, но волк, явно удивленный, преградил ему путь.

- Вы, вероятно, неверно поняли меня... – Попытался он продолжить разговор.

Король раздраженно вздохнул, один из рядом стоящих с ним положил руку на рукоятку меча, намереваясь «помочь» завершить ненужный диалог, но король остановился напротив приговоренного посла.

- Вероятно, это ты неверно понял своего короля, мальчик. Твой волк часть тебя. Ты знаешь, все то же самое, что знает твой волк. Теперь твой король-узурпатор, владеет вороньей печатью, что противоречит всем законам равновесия, но ты также видишь вороньими глазами. Ты прибыл сюда на лошадях

Судя по лицу, до белобрысого постепенно доходила правда, и король усмехнулся, видя наступающее его осознание.

- Сколько деревень ты вырезал, пока резвился на моих территориях, собирая для меня «подарок», от своего короля? – Повисла тишина. Любезность на лице волка таяла, обнажая хищную суть. – Думаешь, твой король, не знал тебя?

Король понимающе улыбнулся, когда на лице волка проступил испуг. Даже похлопал парня перед собой по плечу.

- Он знал, кого он отправлял ко мне, потому что ему нужен был только один ответ, который я передам вместе с твоей отрубленной головой, чтобы он мог намотать твои белые

волосы на кулак и вынести твою голову на площадь, где покажет ее твоим сородичам и те, вооруженные ненавистью, соберутся в поход, но я даже этого делать не буду. Хотя нужно отдать должное его изобретательности, те сундуки, в которых ты привез свое кровавое золото, как раз с тебя ростом. Он даже об этом позаботился. – Повисла пауза. Волк сглотнул вязкую слюну. – Единственный грех человека, мальчик мой, это невежество. Сносить с плеч твою глупую голову было бы слишком жестоко, ты бы не усвоил урок, поэтому я замурую тебя в стенах этого замка, чтобы у тебя было немного времени подумать и поумнеть. Надеюсь, в следующий раз, когда великое древо даст тебе жизнь, ты не будешь так глуп и жесток.

Волк попытался броситься на короля, но ничего не вышло, а за сотни километров отсюда хищно улыбнулся волчий король.

- Лошади дали свой ответ. – Объявил он своему командиру. Воронья тьма растаяла, обнажая жадный огонь золотых глаз. – Мы выступаем.

Глава 18

Лошади готовились к войне. Они укрыли у себя ворон и лису с его войском не потому, что это благородно, а потому что все прекрасно понимали, что захвативший чужую печать безумен.

Король лошадей разослал во все королевства письма и своих послов, с просьбой о помощи и информацией о случившемся, но он не знал, что почти никто не получил его писем. Те, что он отправил через птиц, перехватили вороны и лучники, а тех, что через гонцов, волки. Никто не вернулся назад и эта тишина стала ответом.

Лошадиный король думал, что у него есть время, поэтому тянул с ответом, он ждал короля оленей, единственного, кто был в курсе происходящего и обещал прийти на помощь, но не успел, потому что на него напали раньше, чем на короля лошадей. Это была самая короткая война. Пробравшиеся на его территорию волки, закололи короля в его же покоях, а потом выволокли всю его семью в тронный зал, где к ногам супруги и детей, бросили тело отца.

Перепуганная мать, испугавшаяся за жизни своих еще юных сыновей, принесла клятву верности, не надеясь на спасение, но волчий король, лично явившийся через несколько дней в захваченный замок, ничего не сделал молодой королевы, лишь выдрал печать ее мужа из стены и забрал ее с

собой.

Войску скормили ложь о том, что на жизнь короля посягнули ублюдки лисьего короля, о котором раньше никто из старых родов не слышал и теперь тот обманом укрывается у лошадей. Облаченную в черное королеву и всех ее целых сыновей вывели перед людьми, доказывая, что мать народа в безопасности и волк говорит правду, та, давясь слезами, подтвердила его слова.

- Не стоит лить слезы, дорогая. – Волчий король коснулся красивого лица. Королева была молода и хороша собой, большие глаза, робкая, пугливая натура, но ему, увы, не хотелось сделать с ней ничего, кроме как вцепиться зубами в шею. – Твои сыновья займут престол и будут править, как и их отец вашим королевством просто теперь у них есть добрый старший брат.

Алекс улыбнулся ласковой улыбкой, от которой по спине королевы пробежал холодок.

– Займись достойными похоронами мужа и правильным воспитанием своих сыновей, а мы отомстим за него - Алекс поперхнулся смехом, едва удержав ликующее веселье в рамках кривой ухмылки. Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы взять себя в руки и не показать своего веселья, но на губах продолжала дрожать тень улыбки. Ее же было видно, в желтых глазах, которые то и дело затягивала воронья мгла.

Лошадиный король, славившийся умом и дипломатией,

но никогда в своей жизни по-настоящему не воевавший, готовился к первой в своей жизни войне. Его сильные войны были вооружены, и армия оснащена всем необходимым, но никто из них не ожидал, что в одну из темных ночей, небо загорится.

Множество ворон поднялись в воздух, с горящими фитилями и заполнили собой все воздушное пространство, их дикий крик превратился в оглушающий визг, к которому вскоре присоединился вой перепуганных людей.

Обезумевшие от испуга лошади топтали людей, лягались, вставали на дыбы и бились под своими наездниками, сбрасывая тех со спины, но бежать было некуда, потому что надежные стены превратились в ловушку, из-за которой, летели горящие стрелы, впиваясь в людей, лошадей и деревянные дома.

Огромный город окруженный надежной стеной, превратился в жаровню, в центре которой стоял почерневший от копоти замок. Вскоре ворота каменных стен открылись и выбегающих оттуда людей, забивали встречающие их волки. Союзники хоть и держались в стороне, но помогали. Город пал за сутки, те, кто выжил, сдались. Еще одна печать попала в руки волка.

Друзья буду рада вашей обратной связи и планирую пройтись и добавить визуал, к предыдущим главам, у меня его много накопилось, так что если интересно, рекомендую по-

листать более ранние главы, планирую и в них добавить картинки))

ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ ДО РАССВЕТА

Глава 19

- Хватит на уши ей приседать. – Катая зубочистку по губам, бросил заходящий в аптеку Влад.

Тетя Наташа обернулась, скривилась недовольно и зацыкала, собирая купленные для сердца и давления препараты.

- Ой, Сашенька, не с тем ты связалась, не с тем. – Наконец, она убрала все в сумку, стоящую на маленькой тележке, которая звонко гроыхала, когда перекатывалась через порог. – Себя не жалко, так мать бы пожалела. Она тебя одна поднимала.

- Катись отсюда, вместе с коляской своей, пока я тебе не помог. – Процедил Влад, начиная нагреваться от раздражения.

- Уголовник. – Бросила тетя Наташа и, качая головой, вышла, пока я жевала губы, чтобы не закричать на него при ней.

Наконец, дверь звякнула и закрылась. Я перевела полный ярости взгляд на Влада.

- Ты что светофор? – Спросил он усмехаясь. – Цвета так быстро меняешь. Жду зеленый.

- Тебе смешно?! – Выдавила я из себя, сквозь сцепленные челюсти. Лицо горело и явно было красным.

- А я, что плакать должен? У меня жена может регулировать дорожное движение. Не у всех такая есть.

- Мы еще не женаты. – Несмотря на злость, мне стало

немного смешно и стало еще труднее разорваться между двумя противоположными чувствами.

- Готов это исправить. – Поковырявшись в карманах, он вытащил плоскую жвачку с машинами, внутри них еще были вкладыши, к ней было прицеплено колечко. Такие в киоске с газетами продаются.

Я посмотрела на него сквозь прилавок. Тему свадьбы он обсуждал как само собой разумеющееся. Он был просто уверен, что мы поженимся, а я не была уверена, что не должна прислушаться к взрослому, опытному человеку и бросить его прямо сейчас, наверное, так было бы правильно.

Мама всегда сокрушалась, что не послушалась свою мать, что та не хотела их с отцом благословлять, но в итоге сделала это, и все равно ничего у них не сложилось. Моя нас точно не благословитно когда я смотрела на него ехидно улыбающегося, на его густые, темные, немного жесткие волосы, которые я любила пропускать сквозь пальцы, все просто сжималось внутри оттого, что мы должны расстаться.

Я отвернулась, не взяв протянутую жвачку. Он попытался зайти внутрь, я обычно открывала ему, но в этот раз не захотела, он подергал дверь, попытался заговорить, но я молчала. Вскоре зашли еще несколько посетителей, и смена моя подошла к концу.

Закончив с кассой и закрыв аптеку, я села в его машину, думая о маме. Я постоянно думала о ней и вела с ней бесконечные, воображаемые диалоги. Спорила с ней, защищала

Влада, извинялась, ругалась, пыталась доказать, что он хороший, спрашивала как она, что делает и т. д. Конца этим диалогам в моей голове не было, и хотя в этих воображаемых спорах я всегда приводила веские аргументы, почему-то споры не прекращались, я крутила одно и то же по сотне раз. Словно я преступление какое-то совершила. Но, все это было без толку после того, как Влад схватил ее за волосы, пытаясь отцепить от меня, все аргументы не имели смысла. Все изначально пошло наперекосяк.

- Долго будешь губы дуть?

- Иди к черту! – Взорвалась, наконец, я. – Почему ты такой хам?! Она старше тебя втрое! А ты так с ней разговариваешь!

- Всего лишь втрое? Я думал, она ровесница египетских пирамид.

- Хватит паясничать! Ты разговариваешь с человеком, который старше тебя как с ровесником!

- А как я с ней должен разговаривать?! Она ездит на другой конец города к тебе в аптеку, ведь в куче аптек, которые она мимо проезжает, нет слабительного и наивной дурочки, которой можно любую лапшу на уши вешать.

- Она мне ничего не вешает!!! – Закричала я, чувствуя, что нижняя губа начинает дрожать от подступающих слез. – Она мне про маму рассказывает!

- Да ну? И как же там самка богомола поживает? Никакого мужичка больше не съела? Оголодала, наверное, бедняжка.

- Это моя мама! – Я перешла на визг, а потом на рукопаш-

ку.

Отбив об него все руки и охрипнув от крика, я выскочила из машины. Он выскочил следом. На улице было уже темно и ни машин, ни людей почти не было. Я неслась вдоль дороги, сама не знаю куда. Он бежал за мной. Догнать ему меня ничего не стоило, хотя бы, потому что ноги у него были длиннее моих, но подгоняемая злостью, даже на каблучках я топила на каких-то сумасшедших скоростях, что боялась, что если что не успею затормозить. Я так ни на каких соревнованиях не носилась, как от него.

В какой-то момент в теле просыпалось что-то старое, инстинктивное, собирающееся где-то в центре живота в плотный ком, затягивающийся узел. Напряжение, тревога, азарт, даже ужас. Сквозь заполошный стук сердца и собственное дыхание я слышала, как он бежит следом и каждый волосок на теле вставал дыбом.

Когда он был уже совсем близко, я пыталась сделать маневр и резко свернуть куда-нибудь, иногда это удавалось, иногда нет, но в этот раз не удалось, перехватив меня под живот, он поймал меня и прижал к себе. Как-то раз, за меня попытался заступиться какой-то парень, решивший, видимо, что за мной гонится преступник, но ничего объяснить не пришлось, потому что вопросы у него отпали, когда я врезала Владу по лицу, за свои колготки, по которым из-за него поползла стрелка.

На самом деле сделала я это специально. Лучше я вре-

жу Владу, чем он врежет храброму, но обреченному парню. Пришлось оперативно отвлекать. А потом я снова болталась на его плече, пока он нес меня обратно к машине. В такие моменты мы не разговаривали. Просто молчали. Наступала, наконец, тишина в голове и в сердце. Все было на своих чертовых местах.

- Она не слабительное покупала. - Буркнула я.

- Цианистый калий? — равнодушно уточнил Влад.

- Корвалол и таблетки от давления. Мама плохо себя чувствует... — к горлу подступили слезы, но я их прятала, за-талкивая обратно в сердце. Я надеялась, что Влад не знал, но руки на моих ногах сжимались крепче.

- Твою мать так просто не возьмёшь. - Бормотал он тише.

- Она Гитлера пережила и тебя ещё переживет.

Я стукнула его по спине.

- Шуточки твои дурацкие. - Буркнула я. До машины оставалось совсем чуть-чуть. Я, кажется, привыкала ездить на его плече.

- Это не шуточки. - Едва слышно, почти незаметно, добавил он.

*

Когда я убрала руки с печати, на выжженной сетчатке глаз остался черный замок, окруженный огнем. Разгоряченное пожаром лицо еще горело, как и кожа на руках и шее. Город словно горячий металл, прилип ко мне, забираясь даже под закрытые веки, где он продолжал гореть и сжигать меня из-

нутри простым вопросом: насколько существенна моя роль в том, что случилось?

Конечно, я попыталась спасти себя, переложив вину на Владу, но та давила на мои плечи и сжимала мою грудь. Не было никаких плеч Влады. Расчесывая руки и запястья, я с радостью вспомнила о мази, которую не закончила и сбежала с головой в последние сборы. Пока я суетилась у стола, за моей спиной поднимали знамена две армии, одна из которых готовилась защищать меня, другая — нападать. Между ними стояла Влада.

Когда я развернулась, она вскинула руки и, обернувшись вороной, взлетела, направляясь в лес. Не теряя возможности сбежать с поля боя, где меня вот-вот разорвет ужас и вина, я сделала то же самое, направляясь следом.

Мы долго летели сквозь лес, пока не поднялись выше, туда, где над спящими кронами деревьев дрожат звезды. Я бы осталась в этой безмятежной прохладе ночи и тишине, если бы не золотая вереница в лесной мгле. В первое мгновение мне показалось, что это раскаленная лава течет сквозь лес, но спустившись ниже, поняла — это люди.

Войны шли строем, за ними конница, телеги, люди, лай собак и крик ворон. Все смешалось в один живой организм, текущий сквозь ночь и разгонявший тьму множеством фонарей и трещавших факелов.

Их было так много, что до начала вереницы мы так и не добрались, вместо этого развернувшись, направились туда,

откуда они шли. Сначала мне показалось, что город, до которого мы добрались, спит, но в нем было так холодно, словно он остыл, и, приглядевшись к заколоченным окнам, я поняла, что он почти полностью пуст.

Я узнала этого город, только тогда, когда заметила стоящий вдали, почти утонувший в лесу замок ворон. Я никогда не видела его с этого ракурса, потому не сразу узнала. Черные острые пики нанизывали небо и отражали лунный свет.

Ворона передо мной завернула за замок и растворилась в воздухе, оставив меня один на один с распахнутым окном, из-за которого доносился подозрительный крик. Я не сразу решила приблизиться, а когда все таки сделала это, меня волной других ворон, занесло внутрь. Я вспомнила этот день, я уже видела его. Что-то вспыхнуло из воспоминаний Влады.

Это был второй или третий день ее родов, она и сама не помнила, сколько длилась эта агония, все просто смешалось в бесконечную череду боли, ярости и отчаяния запертого внутри бесконечной муки существа.

Покладистой роженицы из Влады не вышло, потому к моменту появления наследника, в спальне почти никого не осталось. Все желающие засвидетельствовать рождение были осыпаны проклятиями и оскорблениями. Кто-то быстро ощутил на себе действие тяжелого слова королевы, потому остальные в покои больше не совались. У дверей остался муж, несколько гвардейцев, с врачами и королева-мать. Та

периодически уходила в свои покои, но потом снова возвращалась.

Когда крики за дверью стихли, все забеспокоились, но двери им никто не спешил открывать. Оставшийся в спальне воин, преданный почившему королю, на вопросы отвечал сухо и скупое, внутрь не пускал и никто не решался, выламывать двери, в том числе, потому что заполонившие замок птицы, остро реагировали на попытки открыть дверь, за которой полупрозрачная, едва живая Влада спала на развороченной постели. В ногах ее постели стояла служанка со спящим на руках младенцем. Присутствующих было всего двое, если не считать ворон.

В сгущающейся темноте, все прислушивались к хриплому дыханию Влады. От него отвлекали редкие звуки, издаваемые ребенком, и шелест крыльев, похожий на листву. Все чего-то ждали, но ничего не происходило, пока время не застыло в самой темной точке ночи, после которой начинался рассвет.

От одной из глубоких теней в углу спальни отделился силуэт. Большая голова, короткие руки и ноги. Человек высотой чуть выше царской кровати, неловко ковыляя, подошел к постели, прижимая к груди висящую на шее мягкую корзину.

- Ваше Высочество – Тихо позвала стоящая в ногах девица. – Она пришла.

Влада не сразу очнулась, войну пришлось подойти и мяг-

ко потрясти ее за плечо. Глубоко вдохнув, Влада с трудом разлепила глаза и попыталась сесть, но удалось только ненадолго приподнять затылок, который вскоре снова упал на подушку.

Обойдя кровать, мужчина помог ей сесть, подпихнув под спину подушки. Голова, несмотря на то, что Влада пыталась держать ее на весу, болталась словно привязанная. Проведя рукой по лицу, Влада, наконец, подняла голову, держа ее на весу и смотря на гостью сквозь черное полотно волос упрямыми, злыми глазами.

Гостья нестолько поклонилась, сколько кивнула и, сняв с шеи мягкую корзину, положила ту на колени Влады. Стоящий рядом, старый воин потянулся к корзине, собираясь ее придержать, но Влада раздраженно отпихнула его руку, самостоятельно разворачивая широкие полы и комок тряпок, в которых оказался младенец.

Судя по тому, что на белоснежных пеленах была кровь, как и на самом младенце, тот родился несколько часов назад. Это явно была ворона, характерные черты лица, которые проступали даже у младенца, черные волосы и родимое пятно под мышкой, такое же, как у меня и моего сына. Оно было у меня тут, оно было у меня там, и почему-то, я была уверена, что похужее есть у всех присутствующих ворон.

По шее побежали мурашки. Я часто в детстве разглядывала его. Мне почему-то оно нравилось, и оно всегда было моим секретом. Не знаю, что такого в нем было секретного,

но почему-то я его хранила как секрет и маме говорила никому о нем не рассказывать. Только тут я об этом вспомнила.

Быстро проверив наличие пятна у ребенка, который от ее манипуляций начинал просыпаться, Влада махнула рукой служанке и та поднесла спящего принца матери. Осторожно, словно прикасается к сокровищу, Влада развернула дорогие пелёнки с рюшами и королевскими гербами. Почти такой же мальчик открыл черные вороньи глазки, сладко зевнул и снова закрыл.

На какое-то время она зависла над ним, держа в руках сжатые кулачки сына, пока не послышался тихий стук в дверь и требование пустить к жене. Пока старый ворон дошел до двери, пока ответил, Влада в это время выпустила руку сына и запустив пальцы в свои волосы под затылком, выцепила ногтями длинную черную прядь, которую отсекла молчаливая гостья.

Она же хотела сама ею перевязать запястья лежащих рядом младенцев, но Влада отпихнула ее руку, и сама перевязала руки своими отсеченными волосами. Поверх перевязанных ручек легла исхудавшая, костлявая рука Влады, а поверх нее, ладонь с короткими пальцами, усеянными перстнями. Немой рот гостьи зашевелился, и волосы под руками истлели.

Все мое нутро, словно сжали в кулаке. У сына, через несколько часов после рождения, на запястье появилось красное пятно, на том же месте, где у этих двух мальчишек

истлели черные волосы Влады. Врачи сказали, что оно, скорее всего, исчезнет потом, со временем оно перестало быть таким ярким, выцвело и потемнело, но по форме это было то же самое, что я сейчас видела перед своими глазами на запястьях младенцев.

Истлевшие волосы черным пеплом осели на руках и появилось родимое пятно, по которому Влада провела рукой. Редаргар уже колотил в двери, грозясь выломать двери, а за горизонтом поднималось солнце. Время несло вперед, но Влада продолжала, не шевелясь смотреть на сына, держа его за ручки. Он не спал и смотрел на нее мутными детскими глазами, пока, наконец, она не выдержала и, склонившись над ним, не начала осыпать все его маленькое тельце хаотичными поцелуями.

Ручки, ножки, пяточки, живот, щеки, лоб и нос, макушка и шея. Подняв его суетливо на руки, так, словно его вот-вот отнимут, перевернула на живот и зацеловала спинку, запеленутую в тряпки попку, а потом, рвано дыша, неловко прижала к груди, словно стараясь затолкать его сквозь ребра в сердце.

Редаргар отбиваясь от птиц, принялся выламывать двери. Гостья переложила принесенного младенца из его тряпок, в королевские пеленки, из которого Влада вытащила сына и нетерпеливо шлепнула ту по колену. Проведя по личику сына в последний раз руками, так чтобы запомнить его черты, Влада закрыла глаза и положила ребенка в чужие пеленки.

Как только принц оказался в чужих пеленках, гостья быстро завернула его в тряпки и закрыв полы мягкой корзины, повесила ту на шею. Я думала, она уйдет, тем более Редаргар уже вполне себе настойчиво ломился в двери, но она откинула одеяло с ног Влады и подцепив край ее окровавленной рубахи, отодрала отделанный рюшами подол, не весь, но кусок, запихнула его в карман и скрылась так же быстро и незаметно, как появился.

Чужой ребенок громко заревел, Влада едва не спихнула его с колен, отдавая служанке и разбившись на осколки, свалилась в постель. Двери открылись, и влетевшая в спальню королева-мать вцепилась в внука, даже не глянув на дочь, и развернула пеленки.

- Сын - Едва слышно, — у нас принц! – Громко закричала она, выбегая с ребенком в коридор и пробегая мимо зашедшего следом Редаргара, единственного из семьи и родни, подошедшего к постели Влады, вместе с врачами и окружившей кровать прислугой.

Он хотел коснуться ее руки, но она убрала руку и отвела взгляд. Какое-то время он стоял рядом, но она ничего не говорила, и он молчал. Он вышел в коридор, проверить сына, а когда вернулся, Влада уже спала.

Низко кланяясь, заходили придворные, собираясь высказать свое почтение и поздравления, но слушать их было некому. Редаргар, задержавшийся рядом с ней дольше, чем должен был, надеялся, что она что-то скажет ему, даст по-

следние наставления или требует клятву заботиться о сыне, но когда та ненадолго пришла в себя, посмотрев сквозь него мутными глазами, она задала вопрос, ответ на который он дал с трудом.

- Он пришел?

- Кто? – Сжимая челюсть, уточнил Редаргар, зная ответ, на свой вопрос.

- АлексАлекс пришел?

- Нет

Она закрыла глаза и больше не приходила в себя, а он больше не мог ждать.

Глава 20

Единственная служанка, присутствовавшая на родах, свернула себе шею, до того как успела присоединиться к покидающей замок знати, но к счастью, найти новую кормилицу удалось быстро. Одна из простолюдинок, потерявшая в родах ребенка, прибилась к ним в лесу, прося взять ее собой.

Королева не хотела ей доверять внука, но они спешили и двигались в одиночестве, большая часть местных уже была далеко впереди, потому пришлось соглашаться на немую девку из простых.

Новая кормилица на удивление понравилась королеве, вероятно, потому, что была немая, кланялась низко и ни взглядом, ни делом, не перечила властной бабке.

Стерев указательным пальцем слезу из уголка глаза, я дотронулась до печати, напротив которой лежала и размазала ее по профилю вороны, от черного глаза вниз к клюву, пока палец не перестал оставлять влажный след.

Голова гудела, и резко вставать я не решилась, вместо этого прикусив щеку изнутри, перевернулась на спину и выдохнула сквозь зубы от облегчения. Рука жутко затекла и теперь кололась множеством иголок, кожу на лице стянуло от слез, глаза щипало и только проснувшись, я снова хотела спать. Хотя, вероятно, я не спала.

Не знаю, что это и как это со мной происходит, но мне

лень искать для этого термины. Я пыталась найти подходящий, но каждый раз была неточность, которая мешала его применить. Единственное слово, которым я все это называла – мракобесие, но в последнее время, я произношу его с некоторой теплотой.

Когда боль в голове немного отступила, я дотянулась до губ и пробежалась по ним кончиками пальцев. Мне казалось, что я чувствую прикосновения от поцелуев к детской спинке. Младенческий запах сына. Хотелось закрыть глаза и снова вернуться туда, чтобы поцеловать его, но мне пришлось напомнить себе, что это не мой ребенок, это Влады ребенок. Я уже сама не верила в свою версию, но словно упрямый баран продолжала за нее цепляться.

Мечась между привычкой доказывать себе, что я не она и это не мое прошлое, и новыми воспоминаниями, которых почему-то не было среди того, что свалилось на меня тогда на озере, я вдруг вскинула руку и не сразу решилась заглянуть под мышку.

Я сначала вскинула руку, а потом подумала, что не хочу смотреть. Опустила, а потом подумала, что все равно сведу себя с ума не посмотрев. Снова вскинула руку. Родинка была на месте. Такая же, как у Влады, такая же как у ее сына, у моего и у меня на земле. Захотелось скovyрнуть ее, чтобы не перечила мне, но все это без толку.

Опустив руку, я отвернулась от фактов и решила, что хватит валяться, нужно сесть. Я хотела пойти, проверить, от-

правила ли я мазь для того мальчишки, но до того как я поднялась на ноги, я заметила корзинку, в которой отправляла мазь. Я уж было решила, что забыла отправить ее, и мне вообще померещилось это в очередном видении или сне, не знаю, что это, но корзина валялась на боку у порогов и я ее так не оставляла.

Вывалившись из корзины, на траве лежало явно опробованное воронами сало, до этого замотанное в листья лопуха, рядом с ним хлеб, лук и небольшая банка меда, ее эти додельные расковырять не смогли.

При виде хлеба к глазам снова подступили слезы. Не знаю, откуда у меня такие запасы влаги в организме. Вероятно, я как-то от озера подпитываюсь, возможно, поэтому оно высыхает. Сколько я тут слезы лью, никаких озер не хватит.

Хотела сходить попить, но вместо этого вцепилась в булку и прижала ее к себе, понюхала, посолила ее немного слезами и откусила. Я сидела с куском во рту и с комом слез в горле, ни тот ни другой проглотить не выходило.

Пока я умывалась слезами, стирая их с лица, в надежде, что скоро они прекратятся, я вдруг почувствовала знакомое мне ощущение. Ощущение глухого отчуждения, когда между тобой и миром километры пустоты, и тут вдруг с другого края вселенной кто-то протягивает тебе теплую руку в твою холодную вселенную, и ты понимаешь, что ты не один.

Удивительноздесь, в лесу это совсем неудивительно. Я так давно не видела людей, не контактировала с ними и не ела

простой человеческой еды, но удивительно не это. Удивительно, то, что мне это чувство знакомо, я так жила среди людей. Я так жила даже рядом с Владом. Смотря на него сквозь толщу пустоты и одиночества. Не знаю, как он не замерз рядом со мной.

Тряхнув головой, я отогнала дурацкие мысли. Придет же порой какой-нибудь бред в голову. «Толща пустоты и одиночества» — передразнила я саму себя. Захихикала и, сбегав за кинжалом, отрезала тоненький кусочек сала и кусочек хлеба, а потом все это положила друг на дружку и лучок сверху. Никогда такое не любила, но тут аж пальцы на ногах поджались от предвкушения и удовольствия, после которого опять накатила тоска, по дому, по семье, по людям, по обычной жизни.

Неимоверные усилия ушли на то, чтобы не съесть все сразу, да в меня бы и не влезло, но по ощущениям, я могла бы в себя это затолкать, если бы приложила чуть больше усилий, но пришлось взять себя в руки. Помог мед.

Убрав хлеб и сало с глаз долой, я взяла банку меда и, как только та оказалась в моих руках, ко мне присоединилось несколько пернатых любопытных, недвусмысленно намекающих, на то, что нужно делиться.

Сняв завязку, с которой вороны не справились, я запустила палец в банку и засунула его в рот. Мед был густой и терпкий, ни на что не похожий. Не знаю, с каких он трав и растений, но это было очень вкусно.

Недолго думая я предложила попробовать его прыгающим в нетерпении по мне воронам, и потом пришлось отбиться от них, потому что попробовать захотелось многим. Не знаю, как они сало с хлебом не сожрали, видимо, решили дождаться меня, но за банку они взялись вплотную.

- Э-э-э-э! – Я пыталась отмахивать и махать руками. – Это мое!! Это мне передали! – Но вороны, черным облаком метались за банкой, охаживая меня крыльями по лицу. Я сдалась, отдала им банку и привалившись спиной к стене, наблюдала как уничтожается мой деликатес.

Пришли волки, все в колючках, не знаю, где они лазили и завалились на меня своими потяжелевшими и немного потемневшими боками. Отожрались они прилично за весну. Пока вытаскивала колючки из шерсти, решила, что давно не устраивала себе банный день.

Поздновато уже было топить баню, но я все равно собралась. На розжиг сухих веток у меня было много, натаскала воды и, собрав все свои скребки и мыло, уже по темноте ушла в баню. Волки обнюхивали пальцы, учуяв сало, но я им ничего не дала, сама их потом сидела, нюхала, пока мылась.

Долго промывала свою шевелюру, которая отросла уже до земли. Еще чуть-чуть и придется заплетать всегда, чтобы не волочились по земле. Удивительно, последний раз, когда я обращала внимание на длину волос, а это было не так уж и давно, те были чуть выше икр, а теперь почти доросли до пяток.

Не знаю, сколько я присидела в своей бане без двери до позднего вечера, периодически проверяемая теми, кто мне эту дверь вынес уже во второй раз, не знаю чего им в бане медом намазано, но шлындали эти волчьи увальни в нее регулярно. Причем смотрят они на меня в ней так, словно если они не будут проверять, я в ней исчезну. К счастью, линять они закончили, потому моя баня, которую я собрала после несчастного случая с ее предыдущей версией, была без огромного количества белой шерсти.

К концу помывки я поняла, что совсем без сил. Лень было даже смывать то, что намыла и наскребла, потому я просто зависала, смотря в пустоту, и если бы, волки действительно не заглядывали регулярно, вместе с комарами, так бы, наверное, и сидела до утра, теряясь в своих мыслях о воспоминаниях из прошлого. Зачем Влада это сделала? Почему? Что было дальше? Я как будто бы знала ответы, но не была в них уверена, а потом мозг скатывался в немую пустоту и я зависала.

- Господи, да иду я! – Шикнула я на волка, который не просто заглянул в баню, а видимо, напрягся из-за того, что я сижу и смотрю в стену и решил лизнуть меня в плечо, чтобы проверить, что со мной все в порядке. От неожиданности я сначала дернулась, а потом подпрыгнула на месте, чуть рефлекторно не шмякнув ему по лицу.

Подогретая вода остыла, и пришлось обливаться уже прохладной. Закутавшись в полотно, которое у меня тут было

вместо полотенца и выжав волосы, я переборола желание забраться на волчью спину. Не хотелось потом отмываться от волос и запаха, и отправилась домой пешком, но пока шла, все равно, они все об меня обтерлись по очереди, и к дому я уже подходила белая и вонючая как етти, и такая же злая. Если они вообще злые.

Хотелось наговорить им много обидных слов, но я прикусила свой ядовитый язык, потому что не чувствовала тут себя одиноко только благодаря им и воронам, пробравшимся в дом и пожравшим остатки моего хлеба и сала.

Если волки меня разозлили, то эти выбесили. Содрав с себя свое «полотенце», все уже белое от шерсти, я принялась охаживать им ворон, и вообще всех, благодаря кому я не чувствовала себя одиноко. Последней каплей стало то, что когда я вернулась домой, я застала картину как последний огрызок сала, который я отбила у ворон, слизнул с пола волк.

- Ах, ты ж скотина волосатая! – Этому тоже перепало полотенцем, я его специально для него скрутила в тугий жгутик и засандалила по наглой морде, та ломанулась на улицу, а я за ней. Кто бы мне сказал, что я буду бегать по лесу голая и лупить волков и ворон тряпкой, я бы не поверила.

Потеряв свой куцый тапочек в траве и наступив на шишку, я решила уgomониться и идти домой. Рой комаров нацелился на мои обнаженные телеса, и мне пришлось обмотаться своей грязной тряпкой и всей вонючей вернуться в дом.

- Помоюсь я тут когда-нибудь нормально [*нецензурное*]

слово] или нет [еще одно]?! Белобрысые [еще два нецензурных слова] и черномордые [много разных нецензурных слов].

Прооравшись я спустилась к ручью и смыла с себя шерсть, а потом ввернулась в дом и завалилась спать. Все изгнанные из рая, постепенно вернулись и без всякого зазрения совести облепили меня ночью так, что стало жарко. Волчья морда, пристроившаяся у меня в ногах, пока я спала, отлежала мне ноги до онемения, хотела продолжить скандальить, но отвлеклась на заваленный булками и кренделями двор.

- Нельзя обносить чужие дома! – Заталкивая в рот рогалик со сливовым вареньем, вещала я своей вороватой шайке. – Мы же с вами не воры, да?

Сала мне, конечно, не принесли, но сдобы натаскали столько, что у меня не было никаких сомнений, что какая-то пекарня подверглась вороньей атаке. Предстояло как-то компенсировать убыток владельцу.

Глава 21

Я долго думала, чем компенсировать пекарю его убытки. Самым простым решением было бы отправить лекарственные травы, коих у меня набралось уже столько, что места под потолком почти не осталось.

Жадность моя и запасливость после столь чудовищной зимовки, не давали сидеть без дела, и я собирала все, что представляет ценность, а в лесу, куда ни глянь, все какая-нибудь да ценность, особенно когда за плечами фармацевтический институт и добросовестно полученный красный диплом. В получении которого мне даже Влад не помешал.

Одного только иван-чая было уже столько, что мне на две зимы хватит, к нему чага, сушеные грибы и еще множество разных растений, от хворей которых у меня нет. Я бы не собирала лишнее, если бы растения не были редкостью, которую еще и в определенное время нужно собрать. Видя такое сокровище и понимая, что время сбора проходит, я не могла пройти мимо. Раньше я и подумать не могла, что моя профессия мне так пригодится.

Я бы отправила что-то из уже собранного, но у меня не было гарантий, что люди знают, как этим лечиться, а написать им инструкцию, я не могу. Нечем, не на чем и не факт, что они поймут мой язык. К тому же какие-то знания о лекарственных травах у них наверняка были, и они сами себе

рут то, что им нужно. Так, идея с травами отпала.

Потом я подумала, что можно было бы отнять у волков часть их добычи и отправить в виде компенсации, но я представила, как куча, ворон вылетает из леса с окровавленной ляхой лося и все местные разбегаются в ужасе от такого зрелища. Дичь отпадает, остались грибы, ягоды и орехи.

Орехи еще не созрели, ни кедровые, ни фундук, потому как бы мне не хотелось сократить время сбора, пришлось собирать ягоды, благо я знала, где найти жимолость и землянику. Сначала я собирала все сама, по правилу: ягоду в рот, ягоду в корзину, но потом поняла, что объелась, а корзина фактически пустая, и взгляд сам собой переместился на пернатых уголовников.

Я решила, что как Наруто должна освоить новую технику ниндзя и как-то так сделать, чтобы за меня ягоду собрали птицы. Наивные мечты покинули в тот момент, когда птицы склевали всю жимолость, добросовестно срыгнув мне что-то в корзинку.

Так как жимолость в пешей доступности закончилась, пришлось корячиться собирать землянику. Лучше бы я ляху лося отправила, чем лазила с этой земляникой, но делать все равно нечего, так что в целом я собрала полную корзину за несколько дней и укрыв это все надежно тряпкой, отправила свою «компенсацию» пекарю.

Перепуганный бедолага при виде ворон, принялся захлопывать окна пекарни, но остановился, когда вороны призем-

лились на телегу с корзинкой, умудрившись ту не перевернуть и не уронить, вероятно, боялись, что я прорежу перья провинившимся.

Мужика я напугала. Тот побледнел, потом застыл, смотря на корзину, а потом отшатнулся и побежал за женой. Тоже мне, защитник, блин. Жена его не из пугливых оказалась, быстро поняла, что в корзине и забрав содержимое, положила внутрь сыр и хлеб.

На такое я не рассчитывала, поэтому сама удивилась и еще больше обалдела, когда они воронам кланяться начали. От сыра я отказываться не стала. Вороны приволокли, мне корзинку, надеялись, что я их угощу, но я с особым гаденьким удовольствием захлопнула дверь и, слушая их возмущенные крики, впервые за сто лет, попробовала сыр, за что мне обгадили баню.

Не хочется в этом признаваться, но, выбрав ворон покрупнее, я оттаскала за макушки тех, кто загадил мне баню, но эту тайну я планирую унести с собой в могилу. Опуститься до того, чтобы драться с воронами в вороньем обличии, это, конечно, нужно дожить

Еще немножко поревела из-за сыра и хлеба, точнее, я не ревела, я просто ела бутерброд с сыром и стирала бегущие ручьями слезы, но страдала я недолго, любопытство взяло верх, и я снова вернулась в деревню.

Не так далеко было еще несколько деревень, но я не хотела отвлекаться и вовлекаться в чужую, не имеющую для

меня значения жизнь. Все равно все мои попытки добраться до людей провалились. Лес не пускал, и я просто блуждала кругами вокруг дома, пока не приходила обратно, но теперь мне вдруг остро захотелось понаблюдать за людьми.

Мне стало любопытно, но не потому что мне есть дело до этих людей, а потому что я знала, всем своим существом остро чувствовала, что мне нужно идти к озеру, и не хотела этого делать. Ноги сами несли меня к озеру, но я разворачивалась на полпути и возвращалась домой. Хватит с меня, я устала. Я ничего не хотела знать и видеть. Больше не хотела плакать и вспоминать. Хотелось чего-нибудь понятного и простого. Булок, например, еще и сыра.

Я думала, что отвлекусь на несколько дней, немного потяну время, и сама не заметила, как меня затянула чужая жизнь. Наблюдая за людьми, я попробовала плести корзины, не сразу, но у меня получилось. Корни из земли цеплялись за мои ноги, напоминая о себе, но я стряхивала их со ступней и на черных крыльях улетала к деревне.

Деревенские оказались не менее любопытны, чем я. Когда у людей нет интернета и гаджетов, они еще и очень наблюдательные. Так, мы друг на друга и зыркали какое-то время, пока в лесу не заблудилась чья-то скотина. У одной вдовы любопытная корова отбилась от стада и забрела в лес.

Чего мне стоило сделать так, чтобы бегающие за воронами волки, не пожрали чужую коровуа потом ту, с помощью ворон, которые клевали волков, чтобы те не лезли к корове,

гнали буренку обратно и вспоминать не стоит.

Хозяйка коровы, в лес носа не совавшая, носилась вокруг и звала корову. Когда увидела ворон и корову, заохала и запричитала что-то. Я ничего не поняла, но на следующий день, в том месте, где корова лежала, нашлась корзинка с «благодарностями», коих в будущем оказалось еще много.

Это было смешно и интересно, я развлекалась так до тех пор, пока не стала свидетелем, как один мужик свою бабенку на сносях мудохает. Меня такое зло взяло, что только истошный визг, заставил меня остановиться. Я не сразу поняла, что едва не убила мужика. Весь в крови, он прикрывал глаза руками и выл сквозь сцепленные зубы. Если бы он не закрыл рот и уцелевший глаз, то остался бы и без языка, и без зрения.

Отшатнувшись, я оглянулась. Вокруг нас собралась вся деревня, и если бы не люди, я едва ли вспомнила бы о том, что сама человек. С трудом справившись с желанием закончить начатое, я вернулась в лес. Точнее, вернула в лес ворон, но мне потребовалось какое-то время, чтобы вернуться к себе, долгое время я сидела на ветвях и думала, что смотрю на Владу, пока до меня не дошло, что сидящая на порогах ведьма, с черными глазами, смотрящими в пустоту это я.

Глава 22

Почему-то из-за этой ошибки мне стало так смешно, что я заливалась смехом до тех пор, пока под громкий гул смеющихся ворон, не задала себе очевидный вопрос: Что тут смешного?

Искренний ответ пришел изнутри, но я, торгуясь с совестью и репутацией за то, кто же виноват в том, что случилось, отмахнулась от него. Я попыталась приписать себя на порогах дома и себя истязавшую мужика Владе, но стоило мне попытаться это сделать, как собственное трусливое лукавство вызвало такое внутреннее презрение, что продержался этот хлипкий самообман едва ли несколько минут.

Почти сразу я переключилась на благородные попытки отругать себя за несдержанность и жестокость, но линчевать себя не вышло, потому что приходилось сдерживаться, чтоб не вернуться и не закончить начатое. Руки чесались настолько, что, схватив первую попавшуюся грязную тряпку, я бросилась к ручью, чтобы его ледяная вода остудила мою на заступающую ярость и заняла руки.

В воду я едва не свалилась, отбив коленки, и с остервенением, принялась тереть тряпку, словно бы вместе с грязью на тряпке я сотру свои «заслуги». Влада бы так и сделала, она бы вернулась и закончила начатое. Я завидовала ее злой свободе, пока не вспомнила, что случилось за мгновение до

того, как я утратила контроль.

Вместе с ошеломляющей яростью, я почувствовала искренность и Владуне где-то вдали, а в себе. Что-то важное, вечно не достающее, зябкой пустотой сквозящее в груди, вернулось на свое место, и сквозная пробоина затянулась. Я вернула себе себя.

Это странное переживание, от которого меня отвлек визг женщины в деревне, вернулось ко мне с новой силой, и я едва не задохнулась. Выронив тряпку из рук, плюхнулась на пятки, чувствуя, как ледяная вода пропитывает ткань шорт, а меня затапливает восторг и пронзительная горечь утраты, с которой я жила всю свою жизнь.

Кости и тело, стали плотнее, кровь по венам побежала быстрее, и я почувствовала себя по-настоящему живой. Между мной и чувствами, какими бы «неправильными» они ни были, больше не было сомнений. Это как почувствовать ноги, которые давно отнялись.

Даже тень неловкости за то, что я натворила в деревне, не смутила меня. Я натворила. Ни она, ни мы. Я. Чувство вины впервые не согнуло плечи. Мне вдруг стало не жаль, и не стыдно. Я едва не отправила ворон обратно, пришлось все же призвать приобретенный налет цивилизованности, чтобы остановиться, но усидеть на месте уже не представлялось возможным, вместо крови по венам побежал огонь и, вскочив на ноги, я понеслась куда глаза глядят.

Куцые лапти свалились с ног, я готовилась к тому, что вот-

вот что-то вопьется мне в ноги, но ничего не происходило, и я неслась дальше, множеством черных крыльев рассекая воздух. Вскоре ко мне присоединились облепленные воронами волки. Пернатые совсем ошалели и катались теперь на волках, поняв, что те не тронут. Мне было смешно без причины.

Диким чудищем, с лохматыми волосами, в мокрых шортах и голыми ногами, я со своей мохнато-пернатой оравой вывалилась у вечного озера, от которого осталась крошечная лужа. Кстати, к нам прибился кабан. Я не знаю, почему его не пожрали волки, но тот периодически появлялся на периферии моего внимания и в этот раз тоже нарисовался.

Пытаясь отдышаться, я остановилась на краю вечного озера, которое почти полностью высохнув, обнажило свое костлявое нутро. На мгновение я даже задалась вопросом, кто додумался выбрасывать мусор в священное озеро, пока до меня не дошло, что это не мусор, это кости, доспехи и мечи. Там было даже несколько ржавых корон. Одна из них, нанизанная на корень, торчала над оставшейся водой.

От увиденного, побежали мурашки, но, как ни странно, со мной все было в порядке. Возможно, увиденное, потрясло бы меня сильнее, если бы я пришла раньше, но теперь, спустившийся к тому, что осталось от озера, кабан, занимал меня сильнее.

Лесной свин не брезгуя торчащими скелетами, разнюхивал своим пятакон и совершенно равнодушно двигался в

глубь озера, словно он не в могильник нырнул, а на пир пришел, выкапывал корни стрелолиста и жевал. Думаю, скоро он займется камышом. Поразительно, как что-то живое, может найти что-то аппетитное в столь мрачном месте.

Не знаю зачем, но навязчивое, необъяснимое, словно дежавю чувство толкало в спину. Пальцы на босых ногах поджимались от желания отправиться следом, но разум сопротивлялся, пока под руку не толкнул волк, скорее всего, он хотел, чтобы я почесала ему за ушком, но я решила, что это знак, и все же шагнула в прохладный ил.

Ступню обволокла густая влага, и я едва переборола первое желание отдернуть ступню, но что-то упрямое толкало двигаться дальше, и я шла вслед за кабаном, разглядывая доспехи и ржавые мечи, пока среди этой груды металла, где были и короны, не заметила знакомый силуэт.

Черная, она была почти такой же, как и прежде, корона ворон. Сердце забилося быстрее, и по телу побежали мурашки. Удивительно, она словно лишь вчера свалилась с моей головы, но ведь прошло так много времени она была в нескольких метрах от меня, но мне не хотелось к ней идти. Не знаю почему. Я сначала поняла, что не хочу ее трогать, а потом начала убеждать себя, что должна ее забрать. И от этого «должна» я начала злиться.

Пока отвернувшись, я боролась с собой, корона исчезла, словно ее и не было. Я потом разглядела ее снова, но она больше не лежала на поверхности, она едва торчала из воды

и была вся ржавой.

Стоящее на корнях древо возвышалось над озером, и я не понимала, почему бы ему не осесть ниже, оно ведь может, пока не заметила едва заметный блик в глубине корней, в том месте, куда меня тянуло. Я бы запустила туда руку, даже если бы не заметила ничего, меня туда тянуло, и руки чесались, все тело было в странном, напряженном, ничем не объяснимом ожидании, словно тело знало, что-то, что голова не понимала, и вот это меня жутко раздражало, потому что я не могла это объяснить, а раз не могла объяснить, не хотела замечать, но оно было слишком настырным, чтобы остаться незамеченным.

Подойдя вплотную к корням и навалившись на один из них, я запустила руку вглубь корней. Не знаю, что я собиралась там найти и зачем оно мне надо было, я даже начала сомневаться, а не снится ли мне это все, иначе зачем бы мне надо было лезть в озеро трупов и засовывать руки в облепленные подсохшим илом корни. Но вопреки всем аргументам рассудка я делала то, что делала, и не собиралась останавливаться, пока, что-то не насадило мой палец на острие.

Выдернув руку из корней, я засунул палец в рот и поборола желание пнуть корни, будто это они были виноваты. Злость и странное нетерпение подхлестнули меня, и я снова запустила руку между корней, в этот раз я была осторожней и двигалась медленнее, словно змея пробираясь сквозь корни, пока не нащупала то, на что напоролась.

Я не сразу поняла, что это. Странной формы штырь, сначала напомнил стрелу, но потом я нащупала еще одну, потом мне показалось, что это сплав стрел и лезвий, но среди них были вообще какие-то непонятные острия и изгибы, а потом я нащупала, еще один такой же штырь, пока не поняла, что это не штыри по отдельности это корона и мгновенная догадка озарила сознание.

Я выдернула руку и прижала ее к груди. Это Его корона. Корона черного короля. Я едва не бросилась бежать к берегу, но остановилась на полпути. Странное ощущение сдавленной, напряженной пружины, заставило остановиться. Казалось, что еще шаг и та взорвется во мне на миллион кусков. Утопая в тине по коленки, под стук ржавых мечей в мутной воде, я ругая себя и отговаривая, все равно запустила руку вглубь корней и сжала впившуюся в плоть корону.

Ее иглы ужалили сильнее, чем осы, еще сильнее я прикусила щеку изнутри, в глазах на мгновение потемнело, но я все равно потянула ее на себя. Было что-то странное, темное и упрямое во мне. Что-то, что раньше я приписывала Владе, а теперь себе, и это что-то я обнаруживала и извлекала с не меньшим любопытством, чем корону из корней.

Когда я, наконец, вытащила ее из корней и та не поддерживаемая корнями оказалась в моей руке, ту оттянуло вниз. Очень тяжелая. Она была очень тяжелая. Не ржавая, черная и жуткая.

Кажется, я порезалась. Перехватив корону в другую руку,

я посмотрела на ладонь, глубокая, наливающаяся кровью царапина растянулась вдоль линии жизни. Она у меня всегда была короткая, и Влад говорил, что это не линия жизни, а линия ума. Поэтому она такая короткая. Реплика эта никогда не оставалась без ответа. Стало смешно и грустно. Ком слезами собрался в горле. Слизнув кровь с ладони, я вскинул руку.

- Теперь длинная! – Проорала я в никуда. – Длиннее, чем у тебя, кретин!

Корона оттягивала руку и отвлекала внимание от воспоминаний на себя. Я бы ни за что не сделала то, что сделала, если бы все это время не гнала из своего сознания навязчивый образ, стоящего у проруби черного короля. Все тот же зимний лес и он один, смотрящий на меня.

Я думала это фантазия, но она не поддавалась корректуре, не менялась, и это настырное явление уже некоторое время не выветривалось из моей головы, появляясь вновь и вновь.

Он будто ждал меня, но это невозможно. Не было ничего, кроме моих не подкрепленных логикой ощущений, которые привели меня к дереву и корням, доверившись им, я сделала то, на что не решилась бы, если бы дала себе на раздумья чуть больше двух минут.

Взявшись за корону двумя руками, я вскинула руки и опустила ее на голову, пообещав себе, что сниму ее через мгновение, но свет погас раньше, чем я это сделала.

Я не совсем так вижу ключевую сцену, но мне слишком понравилась генерация, поэтому решила вставить, как вам? Друзья очень не хватает вашей обратной связи, буду признательна если поделитесь своими мыслями.

Глава 23

Дикая, ни на что не похожая боль и ужас. Гул чужих, зовущих на помощь голосов. Тьма и размытые силуэты с изуродованными мукой лицами. Слепленная болью, запертая в кошмаре, я металась по лесу, пока запнувшись, не свалилась в озеро, вспомнив, что я в воде возле вечного древа.

Сердце бешено колотилось в груди, подпрыгивая в горло и не давая дышать, ужас вытесняла боль, жгущая, стальными когтями разрывающая внутренности. Я знала, что кричала, но не слышала своего голоса, он тонул в тысяче чужих голосов. Рядом выли волки, шипели змеи, кричали птицы. Я пыталась открыть глаза, но ничего не видела, единственное, что я чувствовала это воду, кости мертвецов и металл, по которым скользили мои руки.

Мне кажется, я потеряла сознание, потому что все закончилось резко и также резко началось. Я обнаружила себя в воздухе, крылья разрезали холодный воздух зимнего леса. Голые ветви сделали лес прозрачным, а мороз хрустальным.

Избавление от боли и наступившая тишина, сделали полет сладким. Прохладная нега и покой полета баюкали сознание, еще никогда он мне не доставлял такого удовольствия и также я была рада, что я была одна, без волокущейся следом оравы ворон. В наступившем безмолвии был только воздух, крылья и несущий меня сквозь деревья поток. Можно было

бы так и остаться, если бы краем глаза я не зацепилась за темный силуэт.

Попытка улететь провалилась, полюса сменили вектор, и полет закольцевался вокруг затянутого льдом озера, в центре которого стоял черный король. Его лицо, еще скрывала часть оставшейся маски, но то, что открылось, небольшая родинка на подбородке, заставила отвернуться, в надежде закрыть глаза сжавшемуся в дурном предчувствии сердцу.

Смотря в прорубь, он вытащил из-за пазухи какую-то пластинку, провел по ней большим пальцем, вскинул руку над черной водой и сжал пластинку в кулаке. Осколки осыпались в воду.

Черная вода забурлила, разбудив спящий на ветвях ветер. Скатившись с насеста и подбросив снег в воздух, тот кругами заметался вокруг озера, где кроме нас троих больше не было никого. Когда я это озеро видела в последний раз, вокруг него стояла черная стена конницы, теперь остался лишь ее король, смотрящий в прорубь, из которой, как из вулкана выплескивалась вода.

Трудно сказать, сколько он так стоял, но чего я не ожидала, так это того, что он вскинет руки, возьмется за свою эту жуткую корону и снимет ее со своей головы. Мне показалось, что когда он это сделал, он снял с себя весь этот лес, всю эту землю и всю боль заснувших в земле мертвецов.

Он пошатнулся, но устоял. То, что осталось от маски, расплзлось трещинами и осыпалось к ногам. На меня смотрел

Алекс, на меня смотрел Влад. Сквозь бросаемые ветром черные волосы, смотрели такие же черные глаза.

Трудно было разглядеть черты лица, но тонущее в ужасе сердце, знало ответ. Это был Влад, и мне хотелось думать, что он смотрел на меня, но бросая корону в прорубь, он смотрел в пустоту.

Как только корона упала, в первое мгновение ничего не происходило, я даже подумала, что ничего и не случится, пока не заметила, как линзой медленно выгибается лед. Хлопок и воздушная волна была такой силы, что я слетела с дерева, на котором сидела, а когда поднялась в воздух, заметила, как под воду уходит черный король.

Он не пытался выбраться, выплыть, ухватиться за качающиеся в бурлящей воде льдины, он просто исчезал в темноте, и когда он совсем растворился в ледяной пене, я недолго думая, нырнула за ним.

Не знаю, о чем я думала, вероятно, вообще ни о чем, поэтому, когда вынырнула из воды в свое время собралась лететь домой, но крылья были мокрыми, и я увязла в зарослях у воды, а когда выбралась из них на берег, заметила стоящего в воде короля.

Короткое облегчение оттого, что этот зверь не утоп, сменилось ужасом от догадки. Повернувшись к берегу, я обнаружила там себя, крутящую в руках пойманный листок. В первое мгновение я даже решила, будто это Влада, но этой Владой была я. Всегда была я.

По черной воде шла рябь, в нее ухнулось мое сердце. Холод пробрался под перья. Сейчас он был без маски, но почему-то тогда я видела его в маске? Может быть, потому, что для меня тогда это был сон? Или я была не готова к правде. Хотя я и сейчас к ней не готова, просто теперь, я как будто бы могу ее выдержать.

Тогда между тем как я заснула и увидела во сне короля, мне казалось, что времени прошло совсем чуть-чуть, по ощущениям я буквально открыла и закрыла глаза, но теперь, мои перья успели высохнуть, прежде чем я на берегу проснулась и обнаружила стоящего все это время в воде короля.

Удивительно, как вера в собственные иллюзии спасала меня от испуга. Я сидела напротив него и думала, что это сон! А теперь мне казалось, что я вполне могу сменить цвет волос на седой, если еще чуть дольше задержусь тут.

Как мне быть, если я это Влада, а Влад — это Алекс? Как мне жить со всем, что мы натворили? Я не хотела знать, что будет дальше, поэтому как только смогла оторвать взгляд от этих двоих, взлетела и рванула в лес.

В планах было вернуться в свое тело, очнуться в озере, снять проклятую корону и сбежать в деревню, потеряться там среди судеб чужих людей, но ничего не вышло, потому что я не очнулась в озере и не нашла деревню, я села на плечо Алекса, возвращающегося в замок. Его волосы были еще белыми, а маска еще не скрывала лица, но на короне было уже три уродливых стержня, порезавших мне руки.

Медленной вереницей конницы мы ползли сквозь хмурый осенний лес. На деревьях почти не осталось листьев, но зима все никак не наступала. Все молчали, и странное оцепенение лелеял редкий крик ворон и скрип тоскующих по весне деревьев.

Алекс был где-то глубоко в себе, стеклянные глаза смотрели в пустоту, пока неожиданно, он не натянут поводья, разворачивая коня.

- Возвращайтесь в замок. – Бросил он, собирающимся последовать за ним войнам. – Я скоро вернусь.

Пришпорив коня, он направился вглубь леса и спустя несколько мгновений спешил у озера, где мы оба были несколько мгновений назад. Во был бы прикол, если бы мы там все вчетвером встретились. Тогда можно было бы совсем не сомневаться в том, что я сумасшедшая. Не сказать чтобы я сейчас была железобетонно уверена в обратном, но надежда во мне еще теплилась.

Дерево было на месте, стояло на своих корнях в центре огромного озера, никогда не видела его таким большим. Даже когда он опустил тело Влады в озеро, оно не было таким глубоким и широким, теперь же оно едва ли не доходило до самого края русла, с которого нужно было спуститься, чтобы подойти к воде.

Не знаю, что он хотел сделать, но какое-то время он просто стоял и смотрел, я думала, он вскоре уедет, но тут вдруг он начал раздеваться, сняв с себя все, даже свои смешные

трусы.

Хотя трудно это назвать трусами, это была просто белая тряпка, обмотанная вокруг накаченной мужской задницы и, возможно, возможно, это был не лучший момент, чтобы думать о его крепкой как орех жопе, на которой я разглядела белые волоски интересно теперь, когда у него черные волосы на голове, на заднице они тоже черные?

Память услужливо подбросила мне воспоминаний из нашей совместной жизни, где я не раз видела Влада голым и да, волосы на заднице тоже потемнели. Самые подходящие мысли для того, чтобы подумать об этом в этот момент, но пока он не зашел в воду, я не могла оторвать взгляд от его ног, от его задницы с белыми волосами, голой спины и белых, явно давно не чесанных волосах, которые спускались вдоль спины и доросли уже ниже лопаток.

Он стянул с себя, то, что стоит, вероятно, считать трусами, и я уж было решила, что если падать мне все равно дальше некуда, я живу едва ли не инстинктами, не стоит симулировать смущение, а демонстрировать какие-либо приличия мне тут не перед кем, поэтому можно и ракурс сменить, вдруг там тоже что-то изменилось, но я не успела, он нырнул в воду.

Надеюсь, он не вынырнет там же, где вынырнула до этого я. Но это на вряд ли. Какое-то время по воде расходились круги, пока гладь не стала полностью ровной. Забеспокоившись, я взлетела со своего места, пытаюсь разглядеть, где он.

В этот раз вода не казалась такой же черной, как зимой, но его все равно было не видно. Я едва не сиганула следом, когда он появился.

С шумом втянул воздух и застыл, глубоко дыша. Я смотрела на него, а он снова смотрел в пустоту, просто тарашился в никуда и держался на воде. В том самом месте, из которого смотрел на меня совсем недавно и это же было, то самое место, в которое он нырнул в воду, вместе с мертвой Владой.

Отдышавшись, он снова нырнул, и снова его долго не было, пока спустя время он не вынырнул в другом месте. Проплыл немного, подплыл к стволу дерева, смотря на него снизу вверх, положил на ствол широкую ладонь, провел ею по коре дерева, так же как я сама это часто делала, а потом, сжав руку в кулак, несколько раз, ударил по стволу, с каждым разом удары становились все сильнее, пока развернувшись, он зло не шлепнул по воде. Жилы на напряженной шее вздулись.

Злой, снова взвинченный, словно струна натянутый, он еще раз ударил по воде и, доплыв до берега, вышел на сушу. Короткая вспышка веселья прошла, и без всякого интимного любопытства я наблюдала за тем, как он дергано собирается. Натягивает на голое тело штаны, завязывая шнуровку, накидывает расшитую скудными узорами рубаху, а все остальное, что так и осталось не одетым, кучей смятых вещей, грузит на коня и сам забирается следом.

- Уйди от меня! – Рыкнул он, отмахиваясь, когда я попы-

талась приземлиться к нему на плечо.

В первое мгновение я ответила ему мысленно, как из мультика советского, что-то вроде: «Ну и не надо! Ну и не буду!», но потом, знакомая тьма, показалась из темных вод души, та часть меня, что до сих пор жалела, о недобитом одноглазом мужике, нашла себе новую жертву. Я могла бы сдержаться, но кто я такая, чтобы вести себя по-человечески? Я ведь, в конце концов, просто, ворона. Поэтому подлетев, вцепилась ему в ухо.

Судя по его лицу, он такой диверсии явно не ожидал. Если бы не его красивые глазки, хотя ничего они не красивые! Надо было выклевать ему глаз в отместку, как тому мужику, но я решила, что избавлю его от парочки лишних клоков волос. Он их все равно не моет.

Он был так удивлен, что даже не сразу начал отбиваться от меня, просто махал неуклюже руками, пока я не выдрала ему первую прядь волос.

- Ах, ты (*нецензурной слово*) черная!

Надо сказать, меня это очень задело. Я в целом очень обидчивая, а тут этот скот, как назло, усугубляет ситуацию. Вместо того чтобы извиниться, обзывается. И да, я понимаю, что самое последнее, на что стоило рассчитывать, — это на то, что он начнет извиняться перед вороной, но почему-то у меня не получалось мыслить рационально. На меня накатила привычная злоба, с которой я сама не могла справиться, и я снова вцепилась ему в волосы.

Он махал руками, матерился, попытался даже использовать свою силу, но на меня она не действовала. Он уже начал не столько злиться, сколько хмуриться, подозрительно смотря на меня, но я не планировала с ним заканчивать, знакомая вожжа попала под хвост, и я налетала на него снова и снова, чем явно отвлекла его от всех грустных мыслей. Осыпая меня оскорблениями и угрозами, он размахивал руками, пока не сделал ход конем и не надел шлем. Не знаю чем я думаю в такие моменты, он в целом всегда на меня действовал, так что у меня всякое благоразумие отваливалось и в этот раз я просто села на плечо к человеку обещавшему повыдирать мне все перья.

Он удивленно покосился на меня сквозь забрало и я попыталась выклевать ему глаз сквозь решётку метала, но ничего не вышло. Я бы попробовала снова, но он рассмеялся и я застыла. Впервые за все это время я услышала, как он смеется, и остатки злости как рукой сняло, но на шлем я ему все равно нагадила. Как снимет, увидит.

Какое-то время мы ехали молча, вскоре он приподнял забрало и скосил на меня свои золотые волчьи глаза.

- Ну, наглая. Как хозяйка твоя, мертвая. – Протянул он. Кажется, это была похвала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.